

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского»

ЖАНРЫ РЕЧИ

Международный научный журнал

Издается с 1997 года
Выходит 4 раза в год
Саратов (Россия)

2018 № 2 (18)

Speech Genres

International Journal

Published from 1997
4 issues per year
Saratov (Russia)

- Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-56513 от 24 декабря 2013 г.
- Журнал включен в каталог «Пресса России», подписной индекс 70771
- Журнал размещён на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки
- Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (№ 2190 в Перечне ВАК по состоянию на 01.12.2017)
- Сайт журнала: <http://zhanry-rechi.sgu.ru/>

ISSN 2311-0740 (Print)
ISSN 2311-0759 (Online)

© Саратовский государственный университет, 2018

Редакционная коллегия журнала «Жанры речи»

Главный редактор

В. В. Дементьев, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Л. В. Балашова, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

К. В. Владимирская (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

- В. М. Алпатов*, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Ст. Гайда, доктор филол. наук, проф. (Ополе, Польша)
Е. И. Горошко, доктор филол. наук, проф. (Харьков, Украина)
М. Еленевская, доктор филологии, проф. (Хайфа, Израиль)
Е. Г. Елина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
В. И. Карасик, доктор филол. наук, проф. (Волгоград, Россия)
Р. Лакофф, доктор филологии, проф. (Беркли, США)
Т. В. Ларина, доктор филол. наук, проф. (Москва, Россия)
Э. Лассан, доктор филол. наук, проф. (Каунас, Литва)
В. А. Маслова, доктор филол. наук, проф. (Витебск, Беларусь)
А. Мустайоки, доктор филологии, проф. (Хельсинки, Финляндия)
Б. Ю. Норман, доктор филол. наук, проф. (Минск, Беларусь)
Н. В. Орлова, доктор филол. наук, проф. (Омск, Россия)
Б. Питерс, доктор филологии, проф. (Канберра, Австралия)
В. В. Прозоров, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
Р. Ратмайр, доктор филологии, проф. (Вена, Австрия)
В. А. Салимовский, доктор филол. наук, проф. (Пермь, Россия)
О. Б. Сиротинина, доктор филол. наук, проф. (Саратов, Россия)
А. П. Сквородников, доктор филол. наук, проф. (Красноярск, Россия)
Т. И. Стексова, доктор филол. наук, проф. (Новосибирск, Россия)
З. К. Темиргазина, доктор филол. наук, проф. (Павлодар, Казахстан)
Хуан Мэй, доктор филол. наук, проф. (Пекин, КНР)
Т. В. Шмелёва, доктор филол. наук, проф. (Великий Новгород, Россия)

“Speech Genres” Editorial Board

Editor-in-Chief

Vadim V. Dementyev, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Lubov' V. Balashova, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)

Executive Secretary

Kseniya V. Vladimirskaia (Saratov, Russia)

Editorial Board:

- Vladimir M. Alpatov*, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Elena G. Elina, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)
Stanisław Gajda, Ph.D., Prof. (Opole, Poland)
Olena I. Goroshko, Ph.D., Prof. (Kharkov, Ukraine)
Vladimir I. Karasik, Ph.D., Prof. (Volgograd, Russia)
Robin Lakoff, Ph.D., Prof. (Berkeley, USA)
Tat'yana V. Larina, Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)
Eleonora Lassan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)
Valentina A. Maslova, Ph.D., Prof. (Vitebsk, Belarus)
Mei Huang, Ph.D., Prof. (Beijing, China)
Arto Mustajoki, Ph.D., Prof. (Helsinki, Finland)
Boris Y. Norman, Ph.D., Prof. (Minsk, Belarus)
Natalia V. Orlova, Ph.D., Prof. (Omsk, Russia)
Bert Peeters, Ph.D., Prof. (Canberra, Australia)
Valeri V. Prozorov, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)
Renate Rathmayr, Ph.D., Prof. (Vienna, Austria)
Tat'yana V. Shmelyova, Ph.D., Prof. (Velikiy Novgorod, Russia)
Vladimir A. Salimovsky, Ph.D., Prof. (Perm, Russia)
Olga B. Sirotinina, Ph.D., Prof. (Saratov, Russia)
Alexandr P. Skovorodnikov, Ph.D., Prof. (Krasnoyarsk, Russia)
Tatiana I. Steksova, Ph.D., Prof. (Novosibirsk, Russia)
Zifa K. Temirgazina, Ph.D., Prof. (Pavlodar, Kazakhstan)
Maria Yelenevskaya, Ph.D., Prof. (Haifa, Israel)

СОДЕРЖАНИЕ

Общие проблемы теории речевых жанров

- И. А. Тарасова**
Саратов, Россия Жанр в когнитивной перспективе 88
- О. Ю. Крючкова**
Саратов, Россия Влияние жанрово-стилистического развития
русской письменной речи XI–XVII веков
на словообразовательные процессы 96

Исследования отдельных жанров

- Е. В. Лаврентьева,**
Т. И. Стеклова
Новосибирск, Россия Особенности жанра обвинения в политическом дискурсе 104
- Н. Н. Панченко,**
А. Д. Никодимова
Волгоград, Россия Шантаж: речевой акт VS речевой жанр 112
- В. В. Леонтьев**
Волгоград, Россия Речевое подтрунивание в русской и английской
лингвокультурах 119
- О. Ю. Авдеевнина**
Саратов, Россия Дело (жанр, концепт, слово) в антропологии правовой
сферы 127
- О. В. Мякшева**
Саратов, Россия *Угодить и угадать* как составляющие
жанровых характеристик эссе современных школьников 136
- С. В. Майборода**
Симферополь, Россия Лингвопрагматические и структурные особенности
нарративных жанров коллегиальной и авторитарной
модели устного медицинского дискурса 144

Жанры в художественном творчестве

- О. В. Тимашова**
Саратов, Россия Проблема жанра в ранней прозе А. Ф. Писемского 152

Рецензии. Обзоры. Хроника

- В. В. Дементьев**
Саратов, Россия О международной научной конференции «Жанры речи
и “Жанры речи”» (размышления главного редактора) 157

CONTENTS

General Problems of the Speech Genres Theory

- Irina A. Tarasova**
Saratov, Russia Genre in the Cognitive Perspective 88
- Olga Yu. Krjuchkova**
Saratov, Russia The Influence of Genre and Stylistic Development
of the Russian Written Language of XI–XVII Centuries
on Word-formation Processes 96

Studies of Individual Genres

- Elizaveta V. Lavrent'eva,**
Tatiana I. Steksova
Novosibirsk, Russia Verbal Associations as a Complementary Source
of Material in Complex Study of Speech Genres..... 104
- Nadezhda N. Panchenko,**
Anna D. Nikodimova
Volgograd, Russia Blackmail: Speech act VS Speech Genre..... 112
- Victor V. Leontyev**
Volgograd, Russia Banter in Russian and English Lingua-cultures 119
- Olga Yu. Avdevnina**
Saratov, Russia Case (Genre, Concept, Word) in Legal Sphere's
Anthropology 127
- Olga V. Myaksheva**
Saratov, Russia *To Please* and *to Guess* as the Components
of Genre Characteristics in the Essays
by the Contemporary School Students 136
- Svetlana V. Mayboroda**
Simferopol', Russia Linguopragmatic and Structural Features of Narrative Genres
of the Collegial and Authoritarian Model
of Oral Medical Discourse 144

Genres in Art

- Olga V. Timashova**
Saratov, Russia Problems of Genre in the A. F. Pisemsky's Prose Early
Period 152

Reviews. Chronicle

- Vadim V. Demytyev**
Saratov, Russia About the International Conference 'Speech Genres
and "Speech Genres"' (editor's reflections) 157

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ

УДК 821.161.1.09+82.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)+83

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95

И. А. Тарасова
Саратов, РоссияIrina A. Tarasova
Saratov, Russia

ЖАНР В КОГНИТИВНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Статья посвящена поиску ответа на вопрос: что означает когнитивный подход к жанру? Автор предполагает, что цель когнитивного изучения жанра состоит в построении его ментальной модели, отражающей репрезентацию жанра в сознании писателя и читателя.

Для решения этой задачи необходимо соотнести жанр с различными форматами знания – не только концептуально-простыми (концепт), но и концептуально-сложными (фрейм, сценарий, матрица и др.).

Обзор работ зарубежных и отечественных исследователей позволяет определить доминанты когнитивного подхода к жанру:

- рассмотрение жанровой формы как текучей, нестабильной структуры;
- выявление жанровых прототипов;
- внимание к жанровой динамике, гибридным образованиям.

Перспективным направлением когнитивных исследований автор считает установление корреляций между традиционными понятиями жанрологии (память жанра, жанровый архетип, жанровый канон) и терминами когнитивной поэтики.

Ключевые слова: жанр, когнитивная поэтика, ментальная репрезентация, концепт, когнитивная структура, модель жанра.

Сведения об авторе: Тарасова Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры начального языкового и литературного образования.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: tarasovaia@mail.ru

ORCID 0000-0003-3188-215X

GENRE IN THE COGNITIVE PERSPECTIVE

The article is devoted to the search for the answer to the question what the cognitive approach to the genre means. The author believes that the goal of the cognitive studies of the genre is to build its mental model, reflecting its representation in the minds of the reader and writer. To solve this problem, it is necessary to correlate genres with different formats of knowledge, not only conceptually simple (such as concept), but also conceptually-complex ones (such as frame, script, matrix, etc.). The review of the works of foreign and Russian researchers makes it possible to determine the dominants of the cognitive approach to the genre. They are:

- consideration of the genre form as a fluid, unstable structure;
- identification of the genre prototypes;
- attention to genre dynamics and hybrid formations.

The author assumes that a perspective direction of cognitive studies is to establish the correlations between the traditional concepts of genre (genre memory, genre archetype, and genre canon) and the terms of cognitive poetics.

Key words: genre, cognitive poetics, mental representation, concept, cognitive structure, genre model.

About the author: Tarasova Irina Anatolievna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Primary Linguistic and Literary Education.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: tarasovaia@mail.ru

ORCID 0000-0003-3188-215X

Введение

Когнитивный подход к жанру базируется, на наш взгляд, на 2 основных постулатах: 1) жанры – не онтологические структуры, существующие независимо от их восприятия: они каким-то образом воплощены (*embodied* – если использовать известное выражение Лакоффа и Джонсона [1]) в человеческой психике; отсю-

да основная цель когнитивной жанрологии – рассмотреть жанр как форму ментальной репрезентации; 2) жанровые классы не являются образованиями с четкими границами, они текучи и построены по принципу «фамильного сходства»: принадлежность отдельного произведения тому или иному жанру определяется его сходством с наилучшим жанровым образцом – «прототипом».

Попытаемся подтвердить это предположение, опираясь на современные жанроведческие работы зарубежных и отечественных исследователей.

Предмет когнитивной генристики

Суть когнитивной генристики В. В. Дементьев раскрывает в следующих положениях:

- 1) «это одно из направлений когнитивной лингвистики, соответственно изучаются когнитивные структуры, т. е. мыслительные проекции, образы явлений действительности (в данном случае – жанрово-коммуникативных явлений), концепты (в данном случае – коммуникативные) как участки общей языковой картины мира;
- 2) к базовым единицам когнитивной генристики относятся коммуникативные ценности разных уровней;
- 3) при изучении речевых жанров принципиальным является противопоставление жанров, поддерживаемых данной национальной культурой и не поддерживаемых ею» [2: 62].

Если первое положение намечает программ-максимум когнитивного исследования жанра (изучать ментальные проекции жанрово-коммуникативных явлений), то два других, на наш взгляд, несколько сужают перспективу, ограничивая ее коммуникативно-концептологическим подходом. В результате ядром когнитивной генристики оказывается концептологическая типология РЖ [3].

Такой подход имеет своих сторонников. Так, Г. Г. Слышкин указывает на два возможных направления концептологических исследований жанра: 1) моделирование речевого жанра как концептосферы, т. е. выявление типичных концептов, реализуемых в каждом жанре; 2) моделирование речевого жанра как метаконцепта, включая анализ его лексических обозначений, сочетаемость имени жанра с различными эпитетами и т. д. [4: 49]. Однако концептологическая перспектива, о которой пишет Г. Г. Слышкин, и когнитивная перспектива – вещи все-таки разные: когнитивное не сводится к концептуальному, а модель жанра – к модели концепта.

Различия между концептологическим (концептуальным) и когнитивным типами анализа сформулированы нами в работе [5]. На современном этапе развития когнитивной лингвистики это различие может быть соотносено с выделением различных форматов знания: концептуально-простыми и концептуально-сложными когнитивными структурами [6]. К первым относятся концепты, ко вторым – многокомпонентные структуры (пропозиция, фрейм, сценарий, матрица и др.) И в том и в

другом случае речь идет о ментальных репрезентациях, т. е. единицах представления реального или вымышленного мира в сознании человека, замещающих в процессе когнитивной обработки реальные или идеальные объекты. Рассмотреть жанр как ментальную репрезентацию – значит построить его когнитивную модель.

Итак, при когнитивном подходе «жанры концептуализируются с точки зрения их соотношения с особыми видами ментальных схем – структурно и функционально устойчивых комплексов, хранящихся в долговременной памяти» [7: 122]. Эта общая идея когнитивного подхода преломляется в различных терминологических обозначениях ментальных схем: фрейм (М. Синдинг, В. Палтридж), паттерн (Э. Харт, Т. Бовсунивска), ментальное пространство (Дж. Фроу) и др.

Жанр как ментальная репрезентация

Рассмотрим различные типы ментальных репрезентаций жанра.

Ядерное положение в когнитивных исследованиях жанра, как отечественных, так и зарубежных, занимают фрейм-модели.

Одним из первых теорию фреймов к исследованию жанров применил Т. ван Дейк, прибегающий к фрейм-модели и на уровне тематики типизированных высказываний (семантические макроструктуры, вписанные в ситуативные фреймы, отражают знания о мире), и на уровне его композиции. По мнению ван Дейка, процесс понимания текста включает макростратегии, основанные как на знаниях о мире, так и на знании тематического репертуара каждого жанра [8]. Иначе говоря, когнитивные проекции имеют все три жанровых параметра: тематика, композиция, языковое воплощение.

Б. Палтридж говорит о фреймах как типах идеализированных когнитивных моделей, позволяющих устанавливать связи между жанровыми конвенциями и ситуациями общения. Фреймы в его понимании проявляются на двух уровнях: интеракциональные фреймы позволяют «схватывать» ситуацию, когнитивные фреймы моделируют дискурсивные структуры и семантические отношения между ними [9]. В этих и других теориях (речь о них пойдет ниже) фрейм как структура сознания отражает как языковое, так и внеязыковое знание говорящего.

Как средство организации социального взаимодействия рассматривает речевые жанры К. А. Долинин. Опираясь на концепцию Т. ван Дейка, исследователь определяет жанровый канон как особый вид ментальных схем-сценариев, фиксирующих обычный поря-

док протекания речевых событий в данном социуме (контекстных и ситуационных моделей). Речевой жанр предстает с позиции когнитивно-конструктивного аспекта как «функция устойчивого, повторяющегося сочетания значений ряда аргументов – параметров коммуникативной ситуации (адресат и адресант, их статус, социальные роли, референтная ситуация, канал связи и т. п.)» [10: 8]. Сценарная репрезентация РЖ представляется нам достаточно убедительной.

Продуктивно введенное А. Г. Барановым понятие когнитивного типа жанра как фрейма, отражающего инвариантные ментально-лингвистические характеристики массива текстов определенной предметной области [11: 8]. По мнению А. Г. Баранова, онтологический статус когнитивного типа определяется моделью декларативных знаний о конкретной предметной области и когнитивными ассоциациями языковых выражений, т. е. касаются тематического и стилистического параметров жанра. В области тематики этот когнитивный тип носит социокультурный характер.

Указанные применения фреймовой теории распространяются на речевые жанры. Насколько возможна ее экстраполяция на жанры литературные?

Одна из неудачных попыток в этой области обсуждается в указанной статье В. В. Дементьева [3]. Речь идет о диссертации с многообещающим названием «Когнитивная идентификация речевого жанра» [12]. Думается, однако, что эта явная неудача вызвана не привлечением фреймовой модели как таковой, а немотивированным отбором жанров, которые трудно назвать речевыми (загадка, сказка, басня, миф, коан), скудостью выборки и произвольным выделением слотов жанрового фрейма. Так, утверждение, что любая басня построена на противопоставлении парных признаков, находящихся в оппозиции друг к другу (положительные и отрицательные), представляется явной натяжкой. Вывод диссертанта о том, что сказка строится на противопоставлении парных признаков «добро» – «зло» – представляется банальностью, не требующей привлечения фреймовой теории, к тому же не распространяется на все типы сказок и т. п. Подобные работы скорее дискредитируют фреймовую методологию, нежели доказывают ее продуктивность.

В то же время известная модель жанра, разработанная Т. В. Шмелевой [13], хотя и не эксплуатирует понятие фрейма, но по своей сути – своеобразной анкеты, предъявляемой жанру (коммуникативная цель, образ автора, образ адресата, временной и др. параметры) – представляет собой не что иное, как пропозициональный, логический фрейм. Регулярно

применяемая нами в отношении литературных жанров [14; 15], эта фреймовая модель отражает представление о жанре в исследовательском сознании, т. е. выступает в качестве методологического конструкта.

Для работ западных когнитологов характерно рассмотрение фрейма как операциональной структуры, «воплощенного» в долговременной памяти когнитивного инварианта, ментальной схемы жанра, вписанной в сознание автора и читателя.

В числе предшественников фреймового подхода к жанру называется не только М. Минский, но и концепция схем Ф. Ч. Бартлетта [16].

Согласно исследованиям Бартлетта и его последователей [17], схема представляет собой архив родового знания в долговременной памяти, что, с одной стороны, соотносит ее с понятием памяти жанра, с другой – с современным пониманием фрейма как структуры представления типизированных знаний о какой-либо ситуации, причем структуры скорее визуализированной и схематизированной, чем чисто логической (что соответствует первоначальной трактовке фрейма у М. Минского). Этот факт нашел отражение в современной теории долговременной памяти, которая описывается формулой «схема плюс теория образца» и отражает тот факт, что воспоминания включают как схематическую информацию, так и некоторую специфическую эпизодическую информацию (как правило, образного плана) – некоторую стороннюю деталь, обычно появляющуюся в виде образа или в виде языковой формы. Ментальная схема Бартлетта, на наш взгляд, может служить методологической основой для построения когнитивной модели жанра.

Интересно, что в поисках истоков когнитивного подхода к жанру западные исследователи обращаются к работам М. М. Бахтина, в частности к его концепции хронотопа. Так, Барт Кеунен интерпретирует бахтинское понятие хронотопа на двух уровнях: мотивном и жанровом, акцентируя мысль Бахтина о генологической функции хронотопа [16]. Проводя параллели между созданными в одно и то же время концепцией Бахтина и теорией ментальных схем Ф. Бартлетта, бельгийский исследователь соотносит мотивы со схемами действий, а жанры – с прагматически окрашенными суперструктурными схемами, в которых запечатлена жанровая модель мира. И те и другие схемы конденсируют в себе предшествующие знания (prior knowledge) и в силу этого могут рассматриваться как когнитивные опоры (стратегии) порождения/восприятия текста.

Итак, фреймовая модель литературного жанра, действительно претендующая на статус когнитивной, должна 1) учитывать различ-

ные способы кодирования информации (пропозициональный, образный, схематический); 2) моделировать бытие жанра в создающем/воспринимающем сознании.

Сложность выявления инвариантного набора жанровых признаков заставляет выдвинуть предположение, что в ряде случаев (например, в случае культурно-исторического и регионального варьирования жанра) наиболее адекватной будет не фреймовая, а матричная модель. В отличие от фрейма, матрица как концептуально-сложная структура сводит воедино знания о разных аспектах одного явления. В когнитивистике под матрицей понимается система взаимосвязанных когнитивных контекстов или областей концептуализации объекта (например, культура, религия, история, территория и др.) [6: 47].

Так, например, для жанра баллады необходимо включение в матричную модель концептуальных областей, связанных с культурным ареалом и литературным направлением (французская баллада, англо-шотландская баллада, русская романтическая баллада, советская героическая баллада). В структуре когнитивной матрицы данные когнитивные контексты приобретают статус самостоятельных, независимых друг от друга компонентов, связанных с ядром – именем жанра.

Когнитивной интерпретации подвергается и другая бахтинская категория – «память жанра». Ее когнитивным аналогом может выступать как система когнитивных моделей, способов концептуализации действительности каждым жанром, так и структура жанровых «мнемотехник»: на макроуровне – тематическая стабильность, эмоциональная установка, пафос; на микроуровне – тропика и стилистика, типы ассоциаций; на контекстуальном уровне – фоновые знания, вертикальный контекст и т. д. [18: 84].

Феноменология жанра vs когнитивный подход

Вопрос о рассмотрении жанра в когнитивных исследованиях неизбежно смыкается с вопросом о способе представления жанра в сознании автора и читателя. Другими словами, на первый план выходят проблемы феноменологии жанра, его бытия в сознании художника, а не исследователя.

Наиболее интересными в этом плане представляются работы О. В. Зырянова, которые, не являясь когнитивными по методологии, ставят вполне когнитивные вопросы [19]. С когнитивной парадигмой сближает исследование О. В. Зырянова интерес к динамическому аспекту жанра: механизму жанровых смещений и природе жанрового синтеза. И главное –

в концепции исследователя жанр предстает как категория феноменологического опыта, что обеспечивает связь художника с культурно-исторической традицией, в которую вписан жанровый архетип – реликт художественного сознания [20].

Центральной для теории жанровой эволюции О. В. Зырянова является категория памяти жанра, опирающаяся на жанровый архетип (например, элегия – надгробный плач). Наряду с понятием жанрового архетипа, в концепции О. В. Зырянова выделяется жанровый эталон – индивидуальная жанровая форма, «образцовый» текст в жанровой традиции. Понятие жанрового сознания выводится исследователем из существования образцовых, канонических произведений данного жанра как в авторском, так и читательском сознании, что непосредственным образом коррелирует с прототипическим подходом к жанру в современных западных когнитивных исследованиях.

Теория прототипа, ставшая чрезвычайно популярной после работ Э. Рош о естественной категоризации, применяется к теории жанра и его феноменологии в исследованиях Э. Спольски [21], Д. Фишелова [22], А. Б. Палтриджа [9] и др. Философским и методологическим источником этих работ служит теория фамилейного сходства Л. Витгенштейна, в соответствии с которой постулируется как наличие общего предка у современных модификаций одного жанра, так и некоторых (но не всех) фамилейных черт. Ядерным членом категории жанра являются «образцовые», «прототипические» произведения (в терминологии О. В. Зырянова прототипу соответствует жанровый эталон). Ведущая роль таких прототипов в читательских жанровых классификациях рассматривается в прикладном исследовании П. Рафферти [23], в то время как Дж. Суолз полагает, что идентификация жанра в первую очередь осуществляется по параметру коммуникативной цели, а такие критерии, как стиль, содержание, композиция привлекаются для определения степени прототипичности предлагаемого образца [24].

Конечно, теория существования в читательском сознании прототипа жанра нуждается в серьезном эмпирическом подтверждении. Однако предположение о «смешанном» характере жанровой репрезентации (схема жанра + + «наилучший образец») кажется весьма убедительным.

Так, репрезентация жанра баллады может осуществляться как через отсылку к набору ее типологических признаков (сюжетность, острофабульность, прерывистость повествования, таинственность, объективированный персонаж, диалогичность), так и через экземплификацию – отсылку к типичным образ-

цам балладного жанра, воплощающим жанровый тип.

Полагаем, что эта исследовательская модель может визуализироваться схемой когнитивного поля, в центре которого будут находиться (прото)типические произведения. По мнению Н. Н. Болдырева, именно полевая организация соотносится с таким форматом знания, как естественная категория [6: 35].

Так, анализ построенных нами когнитивных полей баллад И. Одоевцевой и Н. Тихонова показал, что ядро поля включает баллады И. Одоевцевой «Луна» и «Баллада о толченом стекле», сохранившие инвариантную жанровую ситуацию – столкновение героя с вестниками/проявлениями потустороннего мира (мотивный компонент когнитивного поля) – и большинство жанрообразующих признаков баллады (острофабульность, фантастичность, диалогичность) [25]. Кроме того, в балладе «Луна» встречаются типичные балладные образы (всадник, конь, скачка, смерть и др.), сохранен ритмический ореол жанра.

В центре поля – стилизованная под английскую балладу «Баллада о Роберте Пентегью» и развивающие традиции петербургского текста русской литературы «Баллада о том, почему испортились в Петрограде водопроводы».

В балладах Н. Тихонова архетипическая коллизия «герой/представитель потустороннего мира» сдвигается в сторону пограничной ситуации «герой на грани жизни и смерти». Это позволяет говорить об эволюции жанрового канона, зафиксированной в социокультурном когнитивном поле баллады.

Когнитивное поле, структурированное балладами Н. Тихонова, отчетливо делится на центр и периферию. В центральной части поля находятся «Баллада о синем пакете», «Баллада о гвоздях», «Баллада о пустыре», «Баллада об отпуском солдате», остальные баллады тяготеют к периферии поля.

Сравнение авторских стратегий поэтов продемонстрировало, что для И. Одоевцевой ведущими стратегиями являются стилизация, реставрация и модификация жанра (за счет введения современных мотивов), для Н. Тихонова, наряду со стратегией модификации, актуальна стратегия трансформации, проявляющаяся в создании гибридных жанровых образований, находящихся на периферии когнитивного поля («Махно», «Подарок» – баллады-песни, «Баллада о пленном коне», «Всадники» – баллады-притчи, «Перекоп» – баллада-ода, «Баллада о старом тралере», «Афганская баллада» – стихотворные рассказы)[26].

Модели жанра

Общий принцип поля – наличие ядра и периферии – как нельзя лучше позволяет продемонстрировать прототипический подход к жанру.

По сути дела, первыми к полевой модели жанра обратились формалисты. Ю. Н. Тыняновым полевая модель применяется и по отношению к системе жанров, и по отношению к самой жанровой структуре (совокупности основных и периферийных признаков) [27: 256]. Эволюцию жанровой системы Тынянов объясняет смещением элементов с периферии в центр: «В эпоху разложения какого-нибудь жанра – он из центра перемещается в периферию, а на его место из мелочей литературы, из ее задворков и низин всплывает в центр новое явление» [27: 258]. Рассмотренная в контексте психологизма, теория жанров формалистов может быть признана одной из первых когнитивных теорий.

Когнитивной жанрологией предложены и другие когнитивные модели восприятия жанра, в том числе речевого. Так, модель Чен Худжина включает два компонента: лингвистический и контекстуальный. Опознавание жанра, согласно этой модели, идет в 2 направлениях: от контекста к тексту и от лингвистической формы выражения – к контексту культуры. Наличие предварительной схемы жанра в воспринимающем сознании является обязательным, хотя в процессе чтения она может уточняться и обогащаться [28].

В концепции Э. Спольски принадлежность к жанру определяется комплексом условий. Условия формальной правильности (well-formedness conditions) являются необходимыми, некоторые условия типичности (tipically conditions) могут в одних произведениях выполняться, в других – нет. Кроме того, они могут иметь различный вес в вынесении жанровых суждений, т. е. являются градуированными [21]. Обязательные (compulsory), необязательные (optional) и признаки по умолчанию (default) в ментальной модели жанра выделяет Р. Вильямсон [29]. Таким образом, жанровые классы демонстрируют свою жесткость и организацию по принципу «фамильного сходства».

Когнитивный подход к жанру делает акцент на его динамике, гибкости структуры и ее постоянных модификациях. Т. Бовсунивска утверждает, что когнитивную поэтику интересует жанр как когнитивная лаборатория, т. е. в фокус попадают текучие, трансформативные признаки жанра [18: 72]. Исследователем предложена типология жанровых трансформаций, намечающая перспективы осмысления когнитивных механизмов жанровой динамики.

Мы полагаем, что гибридные жанры адекватно описываются при помощи блендинговой модели.

Под блендингом (концептуальной интеграцией) в когнитивной поэтике понимается модель, построенная на основе принципа проектирования с одного ментального пространства на другое. Базовым элементом этой теории, разработанной М. Тернером и Ж. Фоконье, является бленд – совмещенное, интегральное пространство, объединяющее свойства исходных пространств [30]. Эта модель отражает психические механизмы, работающие при создании и восприятии метафоры, аллегории, параболы и других образных средств. Продуктивным представляется ее использование в жанрологии.

Так, жанр дневника в поэзии Г. Иванова, обладающий свойствами жанрового гибрида, объединяет черты дневниковой записи (эгоцентричность, саморефлексивность, спонтанность, разговорность) и лирического стихотворения. Определенные соответствия устанавливаются между общими признаками двух жанровых пространств (эгоцентризм/эгоцентричность, саморефлексивность/автокоммуникативность и т. д.). Другие признаки обнаруживают оппозитивные отношения (спонтанность/обдуманность, временная упорядоченность/факультативность датировки и др.) Жанровые трансформации сконцентрированы в пространстве бленда, которое представляют собой поэтические циклы Г. Иванова «Дневник» и «Посмертный дневник».

Заключение

Перспективы когнитивного подхода к жанру видятся нам в следующем.

- Рассмотрение жанра как ментальной репрезентации, когнитивного инварианта, своего рода ментального шаблона, определение его когнитивного статуса по отношению к разным форматам знаний.
- Проведение экспериментальных исследований феноменологической направленности (жанровая форма в сознании читателей).
- Установление когнитивных коррелятов традиционных жанроведческих понятий (память жанра, горизонт читательского ожидания, жанровый канон и др.).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Lakoff G., Jonson M. Philosophy in the flesh: The Embodied Mind and its Challenge to the Western Thought. N.Y.: Basic Books, 1999. 624 p.
2. Дементьев В. В. «Актуализатор» и «актуализаторство» в парадигме когнитивной генристики // Жанры речи. Саратов; М.: Лабиринт, 2012. Вып. 8. С. 60–99.
3. Дементьев В. В., Фенина В. В. Когнитивная генристика: внутрикультурные речевые ценности // Жанры речи. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. С. 5–34.
4. Слышкин Г. Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. С. 34–50.
5. Тарасова И. А. Введение в когнитивную поэтику. Саратов: Науч. кн., 2004. 48 с.
6. Болдырев Н. Н. Концептуальная основа языка // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке. М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2009. С. 25–77.
7. Тырыгина В. А. К интегративной концепции жанра // Вестн. СамГУ. 2005. № 4 (38). С. 116–126.
8. Дейк ван Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
9. Paltridge B. Genre, Frame and Writing in Research settings. Amsterdam: John Benjamins Publ., 1997. 186 p.
10. Долнин К. А. Речевые жанры как средство организации социального взаимодействия // Жанры речи. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 3. С. 7–13.
11. Баранов А. Г. Когнитивность текста. К проблеме уровней абстракции текстовой деятельности // Жанры речи: сб. ст. / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 4–12.
12. Маркова Л. Ф. Когнитивная идентификация речевого жанра: дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2003. 148 с.
13. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи: сб. ст. / под ред. В. Е. Гольдина. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 88–98.
14. Тарасова И. А. Коммуникативная модель жанра «поэтическое послание»: инвариант и культурные трансформации // Жанры речи. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. С. 300–310.
15. Тарасова И. А. Языковые и когнитивные механизмы восприятия сатиры М. Е. Салтыкова-Щедрина // Феноменология власти в сатире / под ред. В. В. Прозорова и И. В. Кабановой. Саратов: ИЦ «Наука», 2008. С. 405–413.
16. Keunen B. Bakhtin, Genre Formation, and the Cognitive Turn: Chronotopes and Memory Scemata. URL: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol2/iss2/2/> (дата обращения: 05.12.2017).
17. Бревер У. Ф. Бартлеттовская концепция схемы и ее воздействие на теорию познания. URL: <http://nouniver.s.narod.ru/gmf/shema.htm> (дата обращения: 05.12.2017).
18. Бовсунівська Т. В. Когнітивна жанрологія та поезика. Київ: Київ. ун-т, 2010. 180 с.
19. Зырянов О. В. Жанровая архитектурность лирики как инструмент практической поэтики // Жанр как инструмент прочтения. Ростов н/Д: НП «Инновационные гуманитарные проекты», 2012. С. 131–150.
20. Зырянов О. В. Эволюция жанрового сознания русской лирики: феноменологический аспект. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. 546 с.
21. Spolsky E. Gaps in Nature: Literature Interpretation and the Modular Mind. Albany: SUNY Press, 1993. 247 p.
22. Fishelov D. Genre Theory and Family Resemblance – Revisited // Poetics. 1991. Vol. 20, № 1. P. 123–138.
23. Rafferty P. Epistemology, Literature Genre and Knowledge Organisation Systems. URL: www.iskoibericao

rg/wp-content/.../553--556_Rafferty.pdf (дата обращения: 05.12.2017).

24. Swales J. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge University Press, 1990. 260 p.

25. Магомедова Д. М. Баллада // *Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий* / под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Intrada, 2008. С. 26–27.

26. Тарасова И. А. Баллады И. Одоевцевой и Н. Тихонова: к проблеме когнитивного жанра // *Серапионовы братья: философско-эстетические и культурно-исторические аспекты: к 90-летию образования литературной группы: материалы междунар. конф.* Саратов: Орион, 2011. С. 214–222.

27. Тынянов Ю. Н. *Поэтика. История литературы. Кино*. М.: Наука, 1977. 575 с.

28. Huijun Chen. A Cognitive Model for Recognition of Genre // *Asian Social Science*. 2009. Vol. 5, № 3. P. 25–29.

29. Williamson R. Peshier: A Cognitive Model of the Genre // *Dead Sea Discoveries*. 2010. № 17. P. 307–331.

30. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. N. Y.: Basic Books, 2002. 464 p.

REFERENCES

1. Lakoff G., Jonson M. *Philosophy in the flesh: The Embodied Mind and its Challenge to the Western Thought*. New York, Basic Books, 1999. 624 p.

2. Demytyev V. V. «Aktualizator» i «aktualizatorstvo» v paradigme kognitivnoi genistiki [“Actualizer” and “Actualization” in the paradigm of cognitive genre studies]. *Zhanry rechi. Vyp. 8*. [Speech Genres. Iss. 8]. Saratov, Moscow, Labirint Publ., 2012, pp. 60–99 (in Russian).

3. Demytyev V. V., Fenina V. V. Kognitivnaia genistika: vnutrikul'turnye rechezhanrovye tsennosti [Cognitive genre studies: intracultural speech and genre values]. *Zhanry rechi. Vyp. 5*. [Speech Genres. Iss. 5]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 2005, pp. 5–34 (in Russian).

4. Slyshkin G. G. Rechevoi zhanr: perspektivy kontseptologicheskogo analiza [Speech genre: perspectives of conceptual analysis]. *Zhanry rechi. Vyp. 4*. [Speech Genres. Iss. 4]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 2005, pp. 34–50 (in Russian).

5. Tarasova I. A. *Vvedenie v kognitivnuu poetiku* [Introduction to Cognitive Poetics]. Saratov, Nauch. kn. Publ., 2004. 48 p. (in Russian).

6. Boldyrev N. N. Kontseptual'naia osnova iazyka [The conceptual basis of the language]. *Kognitivnye issledovaniia iazyka. Vyp. IV. Kontseptualizatsiia mira v iazyke* [Cognitive studies of the language. Iss. 4. Conceptualization of the world in language]. Moscow, In-t yazykoznaniiya RAN, Tambov, Izd. dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2009, pp. 25–77 (in Russian).

7. Tyrygina V. A. K integrativnoi kontseptsii zhanra [To the integrative concept of the genre]. *Vestnik SamGU* [Bulletin of the Samara State University], 2005, no. 4 (38), pp. 116–126 (in Russian).

8. Deik van T. A. *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia* [Language. Cognition. Communication]. Moscow, Progress Publ., 1989. 312 p. (in Russian).

9. Paltridge B. *Genre, Frame and Writing in Research settings*. Amsterdam, John Bennjamins Publishing, 1997. 186 p.

10. Dolinin K. A. Rechevye zhanry kak sredstvo organizatsii sotsial'nogo vzaimodeistviia [Speech genres as a means of social interaction organization]. *Zhanry*

rechi. Vyp. 3. [Speech Genres. Iss. 3]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1999, pp. 7–13 (in Russian).

11. Baranov A. G. Kogniotipichnost' teksta. K probleme urovnei abstraktsii tekstovoi deiatel'nosti [Cognitiveness of the text. To the problem of abstraction levels in text activity]. *Zhanry rechi: sb. st.* [Speech Genres: coll. of art.]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, pp. 4–12 (in Russian).

12. Markova L. F. Kognitivnaia identifikatsiia rechevogo zhanra [Cognitive identification of the speech genre]. Diss. Cand. Sci. Philol. Krasnodar, 2003. 148 p. (in Russian).

13. Shmeleva T. V. Model' rechevogo zhanra [Model of the speech genre]. *Zhanry rechi: sb. st.* [Speech Genres: coll. of art.]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, pp. 88–98 (in Russian).

14. Tarasova I. A. Kommunikativnaia model' zhanra “poeticheskoe poslanie”: invariant i kul'turnye transformatsii [Communicative model of the genre “poetic message”: invariant and cultural transformations]. *Zhanry rechi. Vyp. 5*. [Speech Genres. Iss. 5]. Saratov, ITS “Nauka” Publ., 2007, pp. 300–310 (in Russian).

15. Tarasova I. A. Iazykovye i kognitivnye mekhanizmy vospriiatiia satiry M. E. Saltykova-Shchedrina [Language and cognitive mechanisms of perception of satire by M. E. Saltykov-Shchedrin]. In: *Fenomenologiya vlasti v satire* [Phenomenology of power in satire]. Saratov, ITS “Nauka” Publ., 2008, pp. 405–413 (in Russian).

16. Keunen Bart. Bakhtin, Genre Formation, and the Cognitive Turn: *Chronotopes and Memory Scemata*. Available at: <http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol2/iss2/2/> (Accessed 05 December 2017).

17. Brever U. F. *Bartlettovskaia kontseptsii skhemy i ee vozdeistvie na teoriu poznaniia*. (The concept of Bartlett's scheme and its impact on the theory of knowledge). Available at: <http://nounivers.narod.ru/gmf/shema.htm> (Accessed 05 December 2017).

18. Bovsuniv'ska T. V. *Kognitivna zhanrologiia ta poetika* [Cognitive genre studies and poetics]. Kiiiv, Kiiiv. un-t, 2010. 180 p. (in Ukrainian).

19. Zyrianov O. V. Zhanrovaia arkhitekstual'nost' liriki kak instrument prakticheskoi poetiki [Genre archetextuality of lyric poetry as a tool of practical poetics]. In: *Zhanr kak instrument prochteniia* [Genre as a tool for reading]. Rostov-on-Don, NP “Innovatsionnye gumanitarnye proekty”, 2012, pp. 131–150 (in Russian).

20. Zyrianov O. V. *Evolutsiia zhanrovogo soznaniia russkoi liriki: fenomenologicheskii aspekt* [Evolution of the genre consciousness of Russian lyrics: the phenomenological aspect]. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, 2003. 546 p. (in Russian).

21. Spolsky E. *Gaps in Nature: Literature Interpretation and the Modular Mind*. Albany, SUNY Press, 1993. 247 p.

22. Fishelov D. Genre Theory and Family Resemblance – Revisited. *Poetics*, 1991, vol. 20, no. 1. pp. 123–138.

23. Rafferty P. *Epistemology, Literature Genre and Knowledge Organisation Systems*. Available at: http://www.iskoiberica.org/wp-content/.../553-556_Rafferty.pdf (Accessed 05 December 2017).

24. Swales J. *Genre Analysis: English in Academic and Research Settings*. Cambridge University Press, 1990. 260 p.

25. Magomedova D. M. Ballada [Ballad]. In: *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i poniatii* [Dictionary of relevant terms and concepts]. Moscow, Intrada Publ., 2008, pp. 26–27 (in Russian).

26. Tarasova I. A. Ballady I. Odoevtsevoj i N. Tikhonova: k probleme kogniotipa zhanra [Ballads by I. Odoevtseva and N. Tikhonov: to the problem of cogniotypes of the genre]. In: *Serapionovy brat'ia: filosofsko-esteticheskie i kul'turno-istoricheskie aspekty: k 90-letiiu obrazovaniia literaturnoi gruppy: materialy mezhdunar. konf.* [Serapion brothers: philosophical-aesthetic and cultural-historical aspects: to the 90th anniversary of the formation of the literary group: Proc. of the intern. conf.]. Saratov, Orion Publ., 2011, pp. 214–222 (in Russian).

27. Tynianov Iu. N. *Poetika. Istoriia literatury. Kino* [Poetics. History of literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 575 p (in Russian).

28. Huijun Chen. A Cognitive Model for Recognition of Genre. *Asian Social Science*, 2009, vol. 5, no. 3, pp. 25–29.

29. Williamson R. Peshier: A Cognitive Model of the Genre. *Dead Sea Discoveries*, 2010, no. 17, pp. 307–331.

30. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York, Basic Books, 2002. 464 p.

Статья поступила в редакцию 18.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Тарасова И. А. Жанр в когнитивной перспективе // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 88–95. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95

For citation

Tarasova I. A. Genre in the Cognitive Perspective. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 88–95. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-88-95

УДК 811.161.1'04'373.611'38
 ББК 81.2Рус-2
 DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-96-103

О. Ю. Крючкова
 Саратов, Россия

Olga Yu. Krjuchkova
 Saratov, Russia

**ВЛИЯНИЕ ЖАНРОВО-СТИЛИСТИЧЕСКОГО
 РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ
 XI–XVII ВЕКОВ
 НА СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ
 ПРОЦЕССЫ**

**THE INFLUENCE OF GENRE
 AND STYLISTIC DEVELOPMENT
 OF THE RUSSIAN WRITTEN LANGUAGE
 OF XI–XVII CENTURIES
 ON WORD-FORMATION PROCESSES**

Статья посвящена исторической динамике словообразовательной системы русского языка в аспекте жанрово-стилистического развития письменной речи.

Развитие словообразовательных средств, значений, моделей в значительной степени определяется особенностями жанрово-стилистической системы языка определенного хронологического периода, ценностной иерархией жанров письменности.

Изменения в жанрово-стилистической структуре русской письменности на протяжении донационального периода истории русского языка стимулировали рост и снижение продуктивности, а также взаимодействие словообразовательных моделей, формирующихся в рамках разных жанрово-стилистических регистров.

На материале целого ряда словообразовательных моделей субстантивного и глагольного словопроизводства в период XI–XVII вв. показано угасание продуктивности словопроизводственных образцов, обеспечивающих потребности книжных славянизированных жанров письменности, и увеличение продуктивности моделей, ориентированных на тексты деловой и бытовой письменности.

Ключевые слова: жанры письменности, стилистические регистры, словообразование, история русского языка, донациональный период.

The article deals with historic dynamics of Russian word-formative system in the aspect of genre and stylistic development of written language.

The development of word-formative means, meanings, and models is greatly influenced by the peculiarities of the language genre and stylistic system in a given chronological period, as well as by the value hierarchy of written genres.

Changes in genre and stylistic structure of the Russian written language, during the period before the national language formation, stimulated growth or reduction of productivity, and the interaction of word-formation models developing in the frames of different genre and stylistic registers.

The author shows, on the material of many word-formation substantive and verbal models of the XI–XVII cent., the decrease of productivity of word-formation patterns, providing for the needs of literary genres of written texts based on Old Slavonic, as well as the increase of productivity of models orientating at the business and everyday written texts.

Key words: genres of written texts, stylistic registers, word-formation, history of the Russian language, period before the national language formation.

Сведения об авторе: Крючкова Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: vpks@rambler.ru
 ORCID 0000-0002-2814-4095

About the author: Krjuchkova Olga Yur'evna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Language Theory, History and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: vpks@rambler.ru
 ORCID 0000-0002-2814-4095

Введение

Динамическая и творческая природа словопроизводственных процессов акта (в процессах образования новых слов задействованы самые разные факторы – от морфонологических до ономаσιологических и социокультурных) делает словообразование максимально

отзывчивым к процессам языкового развития и одновременно «мощным источником гипотез о динамике языка» [1: 251]. Среди многих факторов (собственно языковых и внеязыковых), влияющих на эволюцию словообразовательных средств, значений, моделей, значительная роль принадлежит влиянию, идущему от состо-

яния жанрово-стилистической системы языка определенного периода. Общая направленность словообразовательных процессов, развития словообразовательной нормы зависит от ценностной иерархии текстов письменной культуры, от развития жанровой структуры письменности в данный хронологический период. Жанрово-стилистическая дифференциация словообразовательных средств – одна из постоянно действующих тенденций русского словопроизводства. Она выражается в жанрово-стилистической маркированности словообразовательных средств, значений, моделей. Одни деривационные модели свойственны книжным жанрам, другие являются приметой разговорной речи или сленга.

Подобная дистрибуция словообразовательных средств свидетельствует о значительной роли функционально-стилистического фактора в развитии словообразовательной системы русского языка. Набор функциональных стилей и типов речи, степень их разработанности, иерархия жанров в каждую историческую эпоху влияют на динамику словообразовательной системы русского языка, придают ей своеобразный вектор развития. Тесная связь словообразовательной динамики с жанрово-стилистическим развитием, с важнейшими коммуникативными тенденциями требует обязательного учета этих факторов при изучении словообразовательных процессов.

Особенности языковой ситуации на Руси в донациональный период

Своеобразие русского языка донационального этапа определяется особенностями языковой ситуации в этот период, которая характеризуется как различием языковых идиомов, используемых в устной и письменной речи, так и несопадением (гетерогенностью) языковых подсистем, применяемых в разных жанрах письменности – в письменности книжно-славянской, с одной стороны (богослужбная, переводная литература, жития, ораторская проза), и в письменности делового и бытового содержания – с другой стороны. Каждая из жанрово-стилистических подсистем письменной речи в донациональный период представляла собой особым образом нормированную систему. Ср. определение языковой ситуации донационального периода, данное М. Л. Ремневой: «...языковая ситуация на Руси вплоть до нового времени характеризовалась наличием двух нормированных и кодифицированных языковых феноменов, друг другу

противопоставленных, и эта противопоставленность определяла специфику книжно-письменной культуры на Руси» [2: 37]¹.

Традиционно выделяемые в рамках донационального периода синхронные срезы (древнерусский и среднерусский) отмечены неодинаковым соотношением текстов, представляющих норму книжную (славянизированную) и норму некнижную (отражающую народно-разговорный язык). Это, в свою очередь, определяет степень интенсивности развития каждой из норм, характер их взаимодействия. Жанровая динамика, меняющееся соотношение текстов книжно-славянской и некнижной языковой традиции на протяжении XI–XVII вв. служат базой для активного взаимодействия жанрово распределенных норм.

В донациональную эпоху (от XI в. к XVII в.) словообразовательная норма в целом развивается в русле ослабления продуктивности словообразовательных моделей, обслуживающих потребности текстов книжно-славянской языковой ориентации и нарастания продуктивности моделей, формирующихся в рамках деловой и бытовой письменности. Движение это, разумеется, является постепенным и нелинейным². Становящаяся все более очевидной стилистическая дифференциация письменной речи обуславливает активное структурно-семантическое развитие словообразовательных подсистем.

Древнерусский период (XI–XIV вв.)

Главенствующее положение книжных, славянизированных жанров в ценностной иерархии текстов письменной культуры в древнерусский период рождало потребность в средствах стилистического оснащения именно этой группы текстов. Интенсивное развитие в это время в рамках книжно-славянской письменной традиции получает словообразовательная категория абстрактных имен (*nomina abstracta*). Очевидная стилистическая маркированность производных этой развивающейся словообразовательной категории обусловила лидирующее положение словообразовательных типов с суффиксами старославянского происхождения *-ьств(о)* и *-и(е)* на фоне других словообразовательных формантов, не принадлежавших к числу ярко выраженных средств церковно-книжной стилистической ориентации, таких как *-ин(а)*, *-от(а)*, *-н(ь)*, *-ост(ь)*. Производные типа *благовѣръство*, *благовѣрънѣ*, *милосѣрдьство*, *милосѣрднѣ* регулярны в памятниках с книжно-

¹ Речь идет об особом типе кодификации, осуществляемой посредством ориентации на образцовые тексты.

² Имея возможность наблюдать исключительно за письменными памятниками, мы не можем судить о степени новизны словообразовательных моделей, однако сам факт их проникновения в письменность, несомненно, свидетельствует об их продуктивности и способствует нормализации словопроизводственных образцов.

славянской нормой. По наблюдениям исследователей, в «Материалах...» И. И. Срезневского содержится более 600 существительных с суффиксом *-ство* и столько же слов с суффиксом *-ие*, см.: [3, 4].

Словообразовательные модели абстрактных имен существительных активно разрабатываются в древнерусской письменности, прежде всего в переводной литературе, удовлетворяя культурную потребность в именном способе представления качеств и состояний – потребность, возникшую в связи с восприятием греческих культурно-философских концептов.

Письменные жанры книжно-славянской языковой ориентации в силу их высочайшего авторитета оказывают влияние на все более интенсивно развивающуюся «некнижную» (неславянизированную) письменную традицию. Это влияние ведет к проникновению производных абстрактных имен в деловую письменность и светскую литературу, что, в свою очередь, способствует развитию жанрово-стилистической дифференциации наиболее продуктивных формантов этой словообразовательной категории. Так, суффикс *ств(о)* приобретает, по выражению В. В. Виноградова, бóльшую степень «русскости», встречаясь иногда в языке деловых бумаг, в различного рода посланиях и в произведениях светской литературы, тогда как имена на *-ие* закрепляются исключительно в переводной церковной литературе [5]. Именно такое стилистическое распределение дериватов на *-ство* и *-ие* было описано в работах Э. М. Ножкиной [3], Ю. Г. Кадыкалова [4].

Однако несмотря на взаимопроникновение двух относительно самостоятельных нормированных систем «книжного» и «некнижного» письменного языка, взаимодействие языковых идиомов осуществляется все же в рамках той ценностной иерархии текстов письменной культуры, которая свойственна данному историческому периоду.

Приоритет церковнославянской книжно-письменной традиции в древнерусский период ограничивает стилистическую нейтрализацию производных абстрактных имен, препятствует размытию их жанрово-стилистических границ. Так, восстановление книжности в некоторой степени нейтрализованных имен на *-ство* достигается с помощью развития моделей синонимического нанизывания абстрактно-именных суффиксов [6], и прежде всего (и не случайно) посредством модели *ств(о) + -и(е)*, имевшей значительную регулярность в старославянской

письменности. Существительные на *-ствие* (*невѣръствие, зълѡдѣствие, чувствие, въдовствие, томительствие* и под.) в древнерусский период принадлежали исключительно высокому стилю, связанному со славяно-книжной традицией.

Ср.: *И ѿт всѣхъ еретичествии все зло събравъ. ГА. XIII–XIV вв.*³ Тогда приступльше ученици къ Иисѹ единому, рекоша: Почто мы не могохомъ изгнати его [беса]? Иис же рече им: *За невѣрствие ваше. Остр. ев. 1057 г.*

Многие из них, по всей видимости, были результатом авторского словотворчества. Большая часть производных на *-ствие* – слова низкочастотные, нередко единичного употребления. Однако словообразовательной норме книжно-славянских жанров письменности абстрактные существительные на *-ствие* вполне соответствуют⁴.

Сложение и функционирование модели удвоения суффиксов *ств(о) + -и(е)* имеет, на наш взгляд, именно стилистическую мотивацию. Об этом свидетельствуют не только незначительная частотность большей части производных на *-ствие* при значительной продуктивности модели, но и семантическая несамостоятельность имен на *-ствие* (полное или выборочное дублирование семантики имен на *-ство*).

В других словообразовательных подсистемах развиваются процессы, аналогичные тем, которые наиболее ярко отразились в группе абстрактных имен. Противопоставленность и взаимодействие гетерогенных языковых идиомов, особая значимость оппозиции «книжное – некнижное» стимулируют активную конкуренцию словообразовательных типов в других семантико-грамматических классах слов. Так, конкуренцией жанрово распределенных норм в древнерусский период обусловлена конкуренция словообразовательных типов лично-одушевленных существительных с суффиксами *-тел(ь)*, *-анин(ь)*, усвоенными из старославянского языка, с одной стороны, и, с другой стороны, типов с суффиксами *-ник(ь)*, *-ец(ь)* праславянского происхождения: *дѣлатель – дѣльникъ, обитатель – обитальникъ, гражданинъ / гражданинъ – градникъ, бѣжанинъ – бѣглець*

Конкуренцией жанрово распределенных норм вызвано и функционирование словообразовательных дублетов с суффиксами незрелости *ищ(ь)* и *-ич(ь)* с фонетическими приметами соответственно южнославянского и восточнославянского происхождения: *робнищъ – робничъ* ('сын рабы') *птичь – птищъ*.

³Здесь и далее иллюстрации приводятся по [7].

⁴Словообразовательная норма проявляется не в использовании готовых языковых единиц (в данном случае производных слов) – это норма лексическая, а в использовании правил их построения [8].

Те же причины лежат в основе конкуренции глагольных словообразовательных типов с префиксами старославянского происхождения (*воз-, при-, съ-, из-*) и русского происхождения (*по-, отъ-, вы-*): *въслѣдовати – послѣдовати, пристигнути – постичи* ('произойти, случиться'), *състичи – постигнути* ('догнать'), *изъяти – отъяти исъчи – высьчи*. Каждое из параллельных образований нормативно в рамках своего языкового идиома и присущих ему жанров. Например, производные на *-тель* и *-ищъ* (*дѣлатель птищъ*) употреблялись преимущественно в канонических текстах, а имена на *никъ* и *-ичъ* – (*дѣльникъ птичь*) – в памятниках деловой письменности.

Проникая в другую языковую среду, жанрово маркированные производные словообразовательно адаптируются в соответствии с языковой нормой текста-реципиента. Средством словообразовательной адаптации в направлении «книжное ↔ нейтральное» или наоборот нередко становятся модели нанизывания семантически тождественных гетерогенных аффиксов (модели семантической редупликации) [9]. Появляются производные типа *дѣла-тельникъ, обита-тельникъ, лов-чанинъ, пр-ичищъ, роб-ичищъ, вос-по-слѣдовати, при-постичи, съ-по-стигнути, из-отъ-яти, неприязнь-ство, несыт-ост-иѣ, погив-ѣл-иѣ, жени-тв-иѣ, зл-об-иѣ, зл-об-ѣств-о*. Такие аффиксально усложненные образования – это обычно окказиональные слова единичного употребления, созданные для данного случая, что говорит о нормативно-регулирующей функции данных форм в границах определенных жанров.

Зависимость словообразовательной нормы от иерархии жанров письменности подтверждается, в частности, общим характером редупликационных моделей в данный период. Главенство письменных жанров книжнославянской ориентации определяет то, что среди разнообразных моделей аффиксальной редупликации в древнерусский период в целом преобладают модели с редупликаторами (вторично присоединяемыми аффиксами) старославянского происхождения. Это суффиксы *-и(е), -ств(о), -ищ(ь), -анин(ъ)*, префиксы *воз-, из-, пр-*, *раз-, съ-*, образующие стилистически маркированные двусуффиксные имена и двупрефиксные глаголы, которые не отличались семантически от однокорневых односуффиксных и одноприставочных параллелей, но поддерживали общую панегирическую тональность древнерусских памятников книжнославянской ориентации.

Вторичное присоединение форманта старославянского происхождения служило, очевидно, средством стилистической перекодировки форм. Эта функция аффиксального

повтора подтверждается текстовым функционированием одноаффиксных и двааффиксных коррелятов. Ср.: *Великого князя деревни... Семеновские Игнатъева Великопогостного за Ивашкомъ за Блеклымъ за Семеновымъ сыномъ Мнѣхайлова за Трусовымъ сестричьемъ Воробьина*. ДТП II, 21. 1500 г.

Но: *Ганю же кesarю сице погившю, сестричьиъ его присный скипетры приеметь и кesarь наречень высть Севастъ*. Хроногр. 1512 г., 229. В контексте существительного *сестричьиъ* употреблена синтаксическая конструкция старославянского происхождения – оборот «дательный самостоятельный».

Ту же коммуникативную природу имеют двупрефиксные глаголы с вторичными приставками старославянского происхождения (*прѣ-, про-, съ-, из-, раз-, воз-* и др.). Глагольные формы типа *проповѣдати, прѣпровождати, распространѣтися, произврати, съпостигнути* широко распространены в начальные периоды письменной истории русского языка и функционируют в древнерусской и старорусской письменности наряду с однопрефиксными синонимами (например, *повѣдати, проваждати, прострѣтися, избрати, постигнути*), которые нередко уже имели в своем составе аффиксы старославянского происхождения. Вторичная префиксация в любом случае усиливала столь важный для многих жанров письменности этих эпох подчеркнутый ореол книжности, возвышенного, развернутого стиля, насыщенного различными типами повторов, ср. [10: 38].

Многие двупрефиксные глаголы представляли собой греческие кальки и являлись приметой определенных жанров (церковно-проповеднической литературы), служили показателем следования книжно-письменной традиции, находились в ряду средств высокой риторики. Ср.:

Проразумѣть отъшьльць. Пат. Син. XI в.

Чадѡ лѣта своя съ кротостию прѣпровождан, и члѣкомъ възлюбленъ боудеши. Изб. Св. 1076 г.

Дшвѣная осквърнення проочистивъ пощенемъ. Мин. 1096 г.

Яко цркъ избврана въ нен непорочная прооброчена Дхмъ таино, оуневѣщена Боу и Оцю. Мин. 1097 г.

Паче поуцьшаго лочышеѣ славно проізвравъ. Мин. 1096 г.

Боущая на одрѣ волѣзни припосѣщаета постѡмъ. Мин. 1097 г.

Характерно, что последовательности из равнозначных гетерогенных префиксов регулярны в составе отглагольных имен на *-иѣ* и в составе причастных форм, свойственных книжно-письменной, церковнославянской речи. Ср.: *ис-по-рѣчение, ис-по-рѣчивыся, вос-пропнающе, ис-про-кѣжение, из-о-брѣтение*. Этот

факт еще раз подтверждает главенство нормативно-регулирующей функции префиксального удвоения в древнерусском языке, его жанрово-стилистическую обусловленность.

Старорусский период (XV–XVII вв.)

Письменная культура данного периода характеризуется увеличением жанрового разнообразия письменных памятников и в то же время сохранением прежней жанрово-стилистической иерархии письменных текстов. Это определяет специфику словообразовательных процессов в старорусском языке. В этот период на словообразовательную динамику с одинаковой силой влияют разнонаправленные нормативные векторы, словообразовательные подсистемы активно реагируют на «запросы» как высоких книжных жанров, так и жанров, отражающих демократизацию письменной речи, усиливающуюся экспансию народно-разговорного языка.

В старорусский период по-прежнему интенсивно развиваются словообразовательные модели абстрактных имен существительных. При этом усиливается жанрово-стилистическая дифференциация имен с суффиксом *-ств(о)* и имен с редуцированным формантом *-стви(е)*. Имена на *-ствие* маркируют высокий стиль, соответствуют славяно-книжной норме (показательно, что среди них много сложных слов типа *благовѣрствіе, священноначальствіе, злоковарствіе, благодѣтельствіе, многолѣтствіе*). Имена же на *-ство* часто употребляются в текстах не книжной языковой нормы. Ср.: [Никоново] *злоковарствіе* на святѣю... церковь и на него великого государя объявилось многое. Д. патр. Никона, 1676 г. Но: *Билъ челомъ... Фѣдка... досажда святѣю церкви и емѣ архіепископѣ злоковарство мѣ своимъ*. Гр. Дв., 1688 г.

В отдельных случаях функциональные различия между именами на *-ство* и *-ствие* перерастают в семантические. Например: *Царство* – ‘царский престол’; ‘титул царя’, *Царствіе* – ‘царствие небесное, блаженство загробной жизни’; *Витийство* – ‘красноречие, ораторское искусство’, *Витийствіе* – ‘изощренность, высокое искусство в чем-л.’; *Ревенство* – ‘усердие, рвение’, *Ревенствіе* – ‘пылкое рвение’. Однако семантические различия в старорусских новообразованиях являлись именно следствием функциональной дифференциации имен на *-ство* и *-ствие*

Однако в целом жанрово-стилистический «перелом», назревающий в старорусский период, стимулирует постепенное угасание продуктивности моделей, производящих книжные формы, снижение

продуктивности редупликационных моделей с редупликаторами старославянского происхождения. В различных словообразовательных подсистемах увеличивают продуктивность словообразовательные модели, направленные на производство лексем со сниженной, народно-разговорной стилистической окраской. Так, модели со старославянскими глагольными префиксами утрачивают деривационную активность. Взамен этого стремительно наращивают продуктивность модели с русскими приставками *вы-*, *на-*, *за-* и особенно *по-*. Приставка *по-* развивает чрезвычайную активность также и в качестве вторичной, вытесняя прежние, старославянского происхождения, префиксы-редупликаторы, иногда и при одних и тех же основах. Ср.: др.-русс. *съпослѣдствовати* и ст.-русс. *попослѣдствовати* др.-русс. *прѣ-ѹкрѣпити, прѣ-ѹмножитися* и ст.-русс. *поѹкрѣпити, поѹмножитися*; др.-русс. *пронзволити* и ст.-русс. *позволити*.

Древнерусские и старорусские двупрефиксные глаголы различны функционально. Древнерусские двупрефиксные глаголы употреблялись, как правило, в памятниках с книжно-славянским типом литературного языка и выполняли собственно стилистическую функцию, маркируя этот тип речи. Двупрефиксные глаголы старорусского языка встречаются в памятниках, отразивших народно-разговорную языковую стихию, и передают чаще всего те или иные модификационные оттенки значения, характеризующие действие с точки зрения способа его протекания – степени полноты, интенсивности, распределения на один или множество объектов. Ср.: *Преѹкрѣплена надежею вашею*. Мин. 1097 г. Но: *А какъ... бѹдетъ ѹ насъ, и мы тебѣ, слѹгѹ своего, поѹкрѣпимъ себѣ гораздо, чтобы какъ тебѣ, нашему слѹзѣ в наше мѣ жалованиѣ безъ страхѹ быти*. АИ I, 1523 г.

Ино *пронзволнѣше, а ино сътвориша*. Ефр. крм. Вас. Но: [Государь] довольно чинил с милости своей, *позволя* емѣ все что ни есть пристойного было. Воссоед. Укр. с Росс., 1651 г.

Подобными стилистико-семантическими различиями характеризуются и распространявшиеся в старорусской письменности префиксальные прилагательные: *пре-изобильный, пре-излишний, пред-на-больший, рас-про-зрительный* и *по-при-близный, по-приличный*

Глаголы с вторичной приставкой *по-*, употребляясь в памятниках, отразивших народно-разговорные языковые традиции, часто представлены в высказываниях от первого лица (просьбах, пожеланиях, советах, обращениях к вышестоящим), они сближаются по своей коммуникативной значимости со стилистиче-

ским функционированием диминутивных суффиксов (например, *-ушк*, *-ушк*), выступают как своеобразные этикетные формы, формы вежливости. Ср. примеры функционирования префиксально удвоенных глаголов в качестве этикетных разговорных форм:

...и от него, **Ивана**, грамотка, и ты, гсдѣрь, *поросиотри* и меня не выдан Грамотки, XVII в.

Пожалуй *побереги*, а то, гсдѣдарь, я вѣдаю, вѣдетъ только твоя милость, вѣдетъ и головѣ нечего дѣлать. Переп. Хован., XVII в.

Ты вы, гсдѣдарь, смилвался, пожаловалъ меня в томъ, ужь нанѣ отъ моего брата... въ тѣхъ безлѣпницѣхъ *поворонилъ*. АИ, 1517 г.

А на писмо не *поззри*, что худо и неисправно. Д. Патр. Никона, 1659 г.

Новым стилистическим тенденциям письменной речи, усилению в ней народно-разговорного начала соответствуют формирующиеся в различных семантических классах модели с суффиксом *-к*. Так, неоднократно описано нарастание в письменности XVII в. конкуренции словообразовательного типа отглагольных имен с суффиксом *-к* с другими, «книжными», словообразовательными типами – с типами на *ние*, *-тие*, см., напр. [11] Суффикс *-к* начинает использоваться в роли специфического форманта разговорности, в том числе дооформляющего в этом качестве суффиксальные первичнопроизводные основы: *брызга-л-о* – *брызга-л-к-а*, *крап-ин-а* – *крап-ин-к-а*, *дяд-ин-а* – *дяд-ин-к-а* ('жена дяди'). Ср. официальную запись, в которой использовано производное без *-к(а)*, и запись, передающую разговорную речь с двусуффиксным производным, дооформленным суффиксом *-к(а)*: ...записано в литейной сѣводикъ имя преставльшейся *дядины* его Ксѣнии. (Кн. прих.-расх. мон. казн.) Арх. Он. 1688 г. Но: Да я же **Монсейко** слышал ѹ своей *дядинки* ѹ **Ефимовой** жены **Васильева** ѹ **Парасковьи**. А. Свир. м., № 110. Допрос. 1649 г.

Пожалуй, наиболее ярким результатом и одновременно свидетельством жанрово-стилистической динамики письменной речи, ее демократизации становится интенсивное проникновение в письменность диминутивных производных. Памятники среднерусского периода отличаются от древнерусских памятников не только значительно большим количеством диминутивных образований, но и их семантической эволюцией от значения реальной уменьшительности к эмотивно осложненному значению уменьшительности – уменьшительно-ласкательному или уменьшительно-уничтожительному, что, в свою очередь, способствует

заметному росту продуктивности моделей вторичной диминутивной суффиксации. Бурное структурно-семантическое развитие диминутивной подсистемы отвечало новым стилистическим потребностям, насыщая речевые произведения и лексическую систему яркими эмоционально-экспрессивными языковыми средствами.

В этот период наблюдается расширение словопроизводственной базы диминутивных моделей, впервые в текстах появляются диминутивы, обозначающие абстрактные понятия: *работка* и *работочка*, *силка* и *силочка*, *смертка* и *смерточка*, *словцо* и *словечушко*, *шумокъ* и *шумочекъ*. Эти факты указывают на семантическую переориентацию суффиксального диминутивного удвоения в старорусском языке. Суффиксально редуцированные диминутивы появляются теперь не только для обновления стершегося уменьшительного значения, но и для усиления и дальнейшего коннотативного осложнения диминутивной семантики (см. [12]).

Заключение

Таким образом, жанрово-стилистический фактор, жанрово-стилистические предпочтения в национальном дискурсе различных социально-исторических эпох играют значительную роль в эволюции словообразовательных моделей. История словообразовательной нормы в донациональный период развития русского языка – это история изменения регулярности и продуктивности словообразовательных моделей книжно-славянского языка и языка деловой и бытовой письменности, а также история взаимодействия моделей нормативных для каждого из языковых идиомов.

Параллельное развитие двух типов словообразовательной нормы в донациональный период истории русского языка – нормы книжно-славянской и нормы, в большей степени ориентированной на народно-разговорную языковую стихию⁵ взаимодействие принадлежащих этим типам словообразовательных моделей определили в дальнейшем словообразовательную специфику русского языка, который характеризуется многокомпонентностью словообразовательных категорий, включающих в свой состав ряды близких в функциональном отношении словообразовательных типов с семантико-стилистическими различиями, наличие стилистически дифференцированных словообразовательных средств, маркирующих различные по жанрово-стилистической принадлежности лексемы

⁵Ср. замечание Г. А. Николаева о том, что «противопоставление стилистически маркированных (славяно-книжных) и нейтральных форм составляло основную оппозицию в сфере словообразования на ранних этапах развития русского литературного языка» [13: 74].

Актуальность жанрово-стилистической оппозиции «книжное – некнижное» на ранних этапах развития русского литературного языка имела своим следствием то, что разностилевые элементы противопоставлены в русском языке, в том числе и в его словообразовательной подсистеме, достаточно отчетливо, по наблюдениям исследователей (ср. [13]), значительно четче, чем в других славянских языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. М.: Наука, 1979. 264 с.
2. Ремнева М. Л. Пути развития русского литературного языка XI–XVII вв. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2003. 336 с.
3. Ножкина-Елина Э. М. К вопросу о продуктивности суффикса -ство в древнерусском языке // Ученые записки Саратовского университета. 1959. Т. 67. С. 123–127.
4. Кадькалов Ю. Г. Словообразовательная декорреляция отвлеченных имен существительных на -ие, -ье в истории русского языка // Исследования по историческому словообразованию: материалы конф. (г. Звенигород, 1989 г.). М.: Ин-т рус. яз. РАН, 1994. С. 136–148.
5. Виноградов В. В. К истории лексики русского литературного языка // Русская речь. Новая серия. 1927. № 1. С. 90–118.
6. Крючкова О. Ю. Словообразовательные цепи с двумя абстрактными именами в истории русского языка и развитие категории nomina abstracta // Предложение и слово: сб. науч. тр. / отв. ред. С. В. Андреева. Кн. 2. Саратов: Науч. кн., 2010. С. 135–150.
7. Словарь русского языка XI–XVII вв. М.: Наука, 1975.
8. Михайлов М. А. Норма в словообразовании // Норма и функционирование языковых единиц: межвуз. сб. науч. тр. Горький: ГГПИ им. М. Горького, 1989. С. 17–23.
9. Крючкова О. Ю. Редупликация как явление русского словообразования. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 261 с.
10. Улуханов И. С. О языке Древней Руси. М.: Наука, 1972. 136 с.
11. Пичугина В. П. Отглагольные существительные с суффиксом -к(а) и их словообразовательные параллели в памятниках XVII века // Исследования по исторической грамматике и лексикологии: сб. ст. / отв. ред. И. С. Улуханов. М.: Ин-т рус. яз. АН СССР, 1990. С. 83–94.
12. Крючкова О. Ю. Развитие русского диминутивного словопроизводства сквозь призму теории концептуализации мира // Человек. Язык. Культура: сб. науч. ст.: в 2 ч. Ч. 2. Киев: ИД Д. Бураго, 2013. С. 49–57.
13. Николаев Г. А. Формы именного словообразования в древнерусских текстах // История русского языка. Лексикология и грамматика: сб. ст. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1991. С. 68–75.

REFERENCES

1. Ginzburg E. L. *Slovoobrazovanie i sintaksis* [Word-formation and Syntax]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 264 p. (in Russian).

2. Remneva M. L. *Puti razvitija russkogo literaturnogo jazyka XI–XVII vv.* [Ways of Development of the Russian Literary Language XI–XVII cent.]. Moscow, Izd-vo Mosc. un-ta, 2003. 336 p. (in Russian).

3. Nozhkina-Elina Je. M. K voprosu o produktivnosti suffiksa -'stvo v drevnerusskom jazyke [About the Productivity of the Suffix -'stvo in the Old Russian]. *Uchenye zapiski Saratovskogo universiteta* [Memoirs of Saratov University], 1959, vol. 67, pp. 123–127 (in Russian).

4. Kad'kalov Ju. G. Slovoobrazovatel'naja dekorreljacija otvlechennyh imen sushhestvitel'nyh na -ie, -'e v istorii russkogo jazyka [The Word-formative Decorrelation of the Abstract Nouns Ending with -ie, -'e in the History of the Russian Language]. In: *Issledovanija po istoricheskomu slovoobrazovaniju: materialy konf. g. Zvenigorod, 1989* [Studies on Historical Word-Formation: conf. proc. Zvenigorod, 1989]. Moscow, In-t rus. yaz. RAN, 1994, pp. 136–148 (in Russian).

5. Vinogradov V. V. K istorii leksiki russkogo literaturnogo jazyka [About the History of the Russian Literary Language Vocabulary]. *Russkaja rech'. Novaja serija* [Russian Speech. New Series], 1927, no. 1, pp. 90–118 (in Russian).

6. Krjuchkova O. Ju. Slovoobrazovatel'nye cepi s dvumja abstraktnymi imenami v istorii russkogo jazyka i razvitie kategorii nomina abstracta [Word-forming Chains with Two Abstract Nouns in the Russian Language History and the Development of the Nomina Abstracta Category]. *Predlozhenie i slovo: sb. nauch. tr.* [The Sentence and The Word]. Saratov, Nauch. kn. Publ., Kn. 2, 2010, pp. 135–150 (in Russian).

7. *Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv.* [The Dictionary of the Russian Language of XI–XVII cent.]. Moscow, Nauka Publ., 1975 (in Russian).

8. Mihajlov M. A. Norma v slovoobrazovanii [The Norm in Word-formation]. In: *Norma i funkcionirovanie jazykovykh edinic: mezhvuz. sb. nauch. tr.* [The Norm and Language Units Functioning: interuniv. coll. of sci. art.]. Gor'kij, GGPI im. M. Gor'kiy, 1989, pp. 17–23 (in Russian).

9. Krjuchkova O. Ju. *Reduplikacija kak javlenie russkogo slovoobrazovanija* [The Reduplication as a Phenomenon of Russian Word-Formation]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2000. 261 p. (in Russian).

10. Uluhanov I. S. *O jazyke Drevnej Rusi* [About the Language of Ancient Russia]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 136 p. (in Russian).

11. Pichugina V. P. Otglagol'nye sushhestvitel'nye s suffiksom -k(a) i ih slovoobrazovatel'nye paralleli v pamjatnikah XVII veka [Verbal Nouns with the Suffix -k(a) and Their Word-Formative Parallels in the Texts of the XVII cent.]. In: *Issledovanija po istoricheskoj grammatike i leksikologii: sb. st.* [Studies on Historical Grammar and Lexicology]. Moscow, In-t rus. yaz. AN SSSR, 1990, pp. 83–94 (in Russian).

12. Krjuchkova O. Ju. Razvitie russkogo diminutivnogo slovoizvodstva skvoz' prizmu teorii konceptualizacii mira [The Development of Russian Diminutive Word-Formation in the Light of the World Conceptualization Theory]. *Chelovek. Jazyk. Kul'tura: sb. nauch. st.: v 2 ch.* [Human. Language. Culture: coll. sci. art. in 2 parts]. Kiev, ID D. Burago, 2013, ch. 2, pp. 49–57 (in Russian).

13. Nikolaev G. A. Formy imennogo slovoobrazovaniya v drevnerusskikh tekstah [The Forms of Noun Word-Formation in the Old Russian Texts]. In: *Istorija russkogo*

jazyka. Leksikologija i grammatika: sb. st. [History of the Russian Language. Lexicology and Grammar: coll. of art.]. Kazan', Izd-vo Kazan. un-ta, 1991, pp. 68–75 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 08.12.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Крючкова О. Ю. Влияние жанрово-стилистического развития русской письменной речи XI–XVII веков на словообразовательные процессы // *Жанры речи*. 2018. № 2 (18). С. 96–103. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-96-103

For citation

Krjuchkova O. Yu. The Influence of Genre and Stylistic Development of the Russian Written Language of XI–XVII Centuries on Word-formation Processes. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 96–103. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-96-103

ИССЛЕДОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ЖАНРОВ

УДК 81'27+81'42

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-104-111

Е. В. Лаврентьева,
Т. И. Стексова
Новосибирск, Россия

Elizaveta V. Lavrent'eva,
Tatiana I. Steksova
Novosibirsk, Russia

ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА ОБВИНЕНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕVERBAL ASSOCIATIONS
AS A COMPLEMENTARY SOURCE
OF MATERIAL IN COMPLEX STUDY
OF SPEECH GENRES

Проблема определения границ жанра, его вариативности или перехода в другой жанр привлекает внимание современных лингвистов, но до сих пор этот вопрос остается дискуссионным. Статья посвящена проблеме функционирования речевого жанра в разных сферах общения. На примере жанра обвинения прослеживаются изменения инварианта жанра в политическом дискурсе, вариативность в характеристике жанрообразующих признаков: образа автора и адресата, коммуникативной цели. Выясняется роль интерпретатора в жанровой квалификации высказывания, при этом отмечается важность ответной реплики обвиняемого или интерпретатора.

Ключевые слова: речевой жанр, функционально-стилевые варианты, политический дискурс, обвинение, жанрообразующие признаки, интерпретация, вариативность.

Modern linguists are trying to solve the problem of determining the boundaries of the genre, its variability or transition to another genre. But until now this issue remains controversial. The article is devoted to the problem of the functioning of the speech genre in various spheres of communication. On the example of the prosecution genre changes in the invariant of the genre in the political discourse, the variability in the characteristic of genre-forming characters: the image of the author and the addressee, the communicative goal are traced. The authors find out the role of the interpreter in the genre qualification of the utterance, while noting the importance of the replica of the accused or interpreter.

Key words: speech genre, functional-style variants, political discourse, accusation, genre-forming features, interpretation, variability.

Сведения об авторах: Стексова Татьяна Ивановна, доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и методики его преподавания.

Место работы: Новосибирский государственный педагогический университет.

E-mail: steksova@inbox.ru

ORCID 0000-0002-5469-7486

Лаврентьева Elizaveta Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой «Русский язык и восточные языки».

Место работы: Сибирский государственный университет путей сообщения, Новосибирск.

E-mail: lev300374@mail.ru

ORCID 0000-0003-2398-2257

About the authors: Steksova Tatiana Ivanovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Modern Russian Language and Methods of Teaching it.

Place of employment: Novosibirsk State Pedagogical University.

E-mail: steksova@inbox.ru

ORCID 0000-0002-5469-7486

Lavrent'eva Elizaveta Vladimirovna, Ph. D. in Linguistics, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Eastern Languages.

Place of employment: Siberian State University of Railways, Novosibirsk.

E-mail: lev300374@mail.ru

ORCID 0000-0003-2398-2257

Введение

М. М. Бахтин определяет речевые жанры как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [1: 242]. Каждой сфере общения и деятельности присущ свой репертуар жанров. Важно отметить, что стиль является

значимым компонентом жанрового единства, входя в него наряду с темой и композицией. Соответственно можно сделать вывод, что, с точки зрения М. М. Бахтина, при изменении стиля высказывания произойдет некое изменение жанра (не обязательно оно будет заключаться в смене жанра, возможно и варьирование в рамках одного «типа

высказывания», но, так или иначе, некоторое преобразование произойдет). В концепции М. М. Бахтина при помощи понятий первичного и вторичного речевого жанра высказана идея о связях между ними. Проблема определения границ жанра, его вариативности или перехода в другой жанр привлекает внимание современных лингвистов, но до сих пор этот вопрос остается дискуссионным [2–6]. В. А. Салимовский, Д. В. Яруллин в своей статье обсуждают вопрос об иллюкутивной функции речевого высказывания как критерии его жанровой идентификации [7]. Бесспорно, иллюкутивная сила во многом определяет тождество жанра, но нам представляется, что это не единственный возможный критерий.

Цель данной статьи – квалифицировать жанровую принадлежность высказываний с семантикой обвинения, функционирующих в политическом дискурсе, и попытаться ответить на вопросы: насколько серьезные семантические сдвиги претерпевают обвинительные высказывания при изменении сферы функционирования жанра?; можно ли различия квалифицировать как внутрижанровые преобразования или изменение сферы функционирования влечет за собой смену жанра?

Функционирование жанра обвинения в разговорно-бытовом дискурсе

Жанр обвинения функционирует преимущественно в трех сферах: разговорно-бытовой, судебной и политической¹. Для воплощения речевого жанра (далее – РЖ) обвинения в повседневной речевой практике обязательно наличие трёх участников: 1) обвинителя; 2) пострадавшего, которому был нанесён ущерб. В стандартной ситуации пострадавший – это субъект обвинения, автор обвинительного высказывания. Однако нужно отметить, что совпадение пострадавшего и говорящего, продуцирующего обвинительное высказывание, в одном лице не является обязательным условием воплощения жанра; 3) обвиняемого, т. е. лица, причинившего ущерб, при этом обвиняемый является и адресатом обвинительного высказывания. Для реализации обвинения нужен еще один компонент – сам причиненный ущерб, т. е. основание обвинения:

– Вы, Шариков, третьего дня укусили даму на лестнице, – подлетел Борменталь... (М. Булгаков. Собачье сердце).

В данном фрагменте эксплицируются все компоненты семантической модели жанра: субъект обвинения (говорящий – Борменталь),

объект обвинения (адресат – Шариков), потерпевший (дама) и основание обвинения (поступок, ненормативность которого является пресуппозицией высказывания).

Обвинение в разговорной сфере – это всегда межсубъектное взаимодействие, характерным признаком которого является обязательная непосредственная обращенность к собеседнику.

Было установлено, что обвинение в разговорной сфере представляет собой полиинтенциональный жанр, коммуникативная цель которого включает два компонента – отрицательную оценку и воздействие на эмоциональное состояние адресата. Перлюкутивный эффект обвинительных высказываний заключается в осознании адресатом чувства вины и ответственности, возникновения у него желания изменить свое невербальное поведение. Способность обвинения выражать негативную оценку и тем самым создавать эмоциональный дискомфорт адресата стало основанием для квалификации обвинения как оценочно-эмотивного жанра, а принадлежность к сфере действий, человеческих поступков позволило отнести обвинение к периферии императивных жанров [9, 10]. Подтвердим примером:

*Из кабинета выглянул Токарь и говорит:
– Опять жуете на посту, Барковец?!
– Ничего подобного, товарищ капитан, – возразил, отвернувшись, дневальный.
– Что я не вижу?! Уши шевелятся... Позавчера вообще уснули...
– Я не спал, товарищ капитан. Я думал. Больше этого не повторится. (С. Довлатов. Зона. Записки надзирателя).*

Несмотря на эксплицированное категоричное отрицание вины адресатом («Ничего подобного... Я не спал»), коммуникативная и перлюкутивная цели обвинения достигнуты, о чем свидетельствует обещание не совершать подобных проступков («Больше этого не повторится»).

Как уже отмечалось, в разговорно-бытовом обвинении наряду с оценочной интерпретацией центральное положение занимает идея ответственности лица за сознательно совершенный ненормативный поступок. По Ч. Филмору, в значении глагола «обвинять», в состав которого входят семы «говорить», «нести ответственность», «считать», «плохо», сема «нести ответственность» является ядерной [цит. по: 1: 119]. Как известно, высказывания с эксплицированным перформативом способны однозначно выразить интенцию говорящего. Однако перформативные высказывания – нетипичная и нечастотная форма реализации

¹Оговоримся, что обвинение в судебной сфере подробно исследовано Т. В. Дубровской [8] и в данной статье не будет предметом специального анализа.

разговорно-бытового обвинения, что объясняется осознанием говорящим конфликтоопасности обвинительных речевых действий.

В сфере повседневно-бытовой коммуникации известность, очевидность обстоятельств делают естественной структурную неполноту обвинительных высказываний, обуславливая отсутствие доказательной части. В повседневном дискурсе обвинение может функционировать как элементарное оценочное высказывание, например:

Аникеева. Вы – клязница! (Э. Брагинский, Э. Рязанов. Гараж).

Функционирование жанра обвинения в политическом дискурсе

Обвинительные высказывания, функционирующие в политическом дискурсе, имеют свою специфику. Заметим, что политический дискурс нами, как и многими другими исследователями [11–17], понимается широко: это не только высказывания политиков, но и обсуждение политических проблем в СМИ, Интернете. Высказывания политиков относятся к ядру политического дискурса, публикации журналистов, политологов в масс-медиа на политические темы формируют ближнюю периферию, а высказывания читателей и зрителей по поводу политиков и политики, разного рода комментарии образуют дальнюю периферию. Именно поэтому специфика обвинительных высказываний заключается в особом характере коммуникативного взаимодействия, участники которого отличаются от стандартного в количественном и качественном отношении. В политическом дискурсе субъектом обвинения может быть сам говорящий, как в следующем примере:

От имени арабских патриотов, заявляет Каадан, я обвиняю правительство США, являющееся главным подстрекателем и организатором преступных происков против сирийского народа (Письмо редактора сирийской газеты президенту США // Северный колхозник. 1957. 19 окт.).

Но обычно обвинитель предстает в политическом дискурсе опосредованно. В роли посредника, интерпретирующего обвинительные высказывания, выступают третьи лица, чаще всего представители масс-медиа. Обратимся, например к выступлению В. В. Жириновского 15 февраля 2017 в Государственной Думе:

Преступления у вас, в Московской области! Самая преступная, криминальная область... подкуплены все! Бандиты и воры в Московской области! ... Видишь, что они делают, «Единая Россия»? Вот они – подкупленные депутаты, подкупленные сто раз...

Реакцией на это выступление было высказывание вице-спикера Госдумы от «Единой России» Сергея Неверова:

Любые политические выступления могут быть эмоциональными, но не должны быть оскорбительными и тем более уж хамскими. Именно избиратели решили, кто будет представлять их в Госдуме, и я хочу сказать: «Господа, некоторые юристы, уважайте нашу Конституцию и институт презумпции невиновности. Только суд может определить, кто преступник, а то мы уже здесь с трибуны Госдумы о расстрелах заговорили сидящих в зале!».

Как показывает анализ этого текста, вице-спикер усмотрел в выступлении Жириновского обвинение ряда депутатов и требование их наказания. Подобная интерпретация высказывания Жириновского отразилась и в текстах журналистов, в частности в следующем²:

Ранее сообщалось, что в ходе выступления на пленарном заседании Жириновский обвинил «Единую Россию» в подкупе на выборах в Московской области, в частности, в Рузском районе, от которого Оксана Пушкина избрана представителем в Госдуму. (URL: http://tvzvezda.ru/news/vstrane_i_mire/content/201703151637-).

Объект обвинения (обвиняемый) и адресат обвинительного высказывания обычно не совпадают, так как обвинительные высказывания адресованы не непосредственному объекту обвинения, они ориентированы прежде всего на массового рассредоточенного адресата. При этом границы как субъекта, так и объекта обвинения размываются: это не конкретная личность, это некий сегмент социума (истеблишмент, русские хакеры, террористические группировки). Подтвердим примером:

Россию неоднократно обвиняли во вмешательстве в выборы президента США с помощью хакеров. Американские журналисты и чиновники утверждали, что они якобы похитили корреспонденцию демократов, позже выложенную в интернете, а также пытались проникнуть в электронную систему подсчета голосов. Американские спецслужбы охарактеризовали эти действия как широкомасштабную операцию, призванную помочь Дональду Трампу победить в борьбе за пост президента и очернить его соперника, представительницу демократов Хиллари Клинтон (Мир Лента.ru).

Как демонстрирует данный фрагмент, определить, кто является субъектом и объектом обвинения в политическом дискурсе крайне сложно. В роли обвинителей выступают американские журналисты, чиновники и спецслужбы. Обвиняемый выражен с помощью метонимии – Россия. Также в качестве обвиняемых называются хакеры. Но ни в первом, ни во втором случае конкретные имена не называ-

²Более подробно о вариативности жанровой интерпретации в политическом дискурсе см. [14].

ются. Таким образом, отсутствие тождества между обвиняемым и адресатом обвинительного высказывания и нечеткость их границ становятся определяющими факторами воплощения политического обвинения, что отличает его от разговорно-бытового.

Объединяет разговорные и политические обвинительные высказывания наличие основания обвинения – ненормативные действия объекта обвинения (обвиняемого), играющие роль каузатора неблагоприятного положения дел и заслуживающие не столько морально-этической, сколько социально-правовой оценки.

Степень императивности обвинительных высказываний значительно повышается в случае реализации их в сфере судопроизводства. Т. В. Дубровская подчеркивает ярко выраженный императивный характер судебных обвинений, представленных в обвинительном заключении следователя и приговоре прокурора [15:123]. Задача следователя – обосновать вину подсудимого и убедить прокурора дать делу дальнейший ход, при этом существенную роль в обвинительном заключении играет отражение причинно-следственных отношений между совершаемыми действиями и теми последствиями, которые эти действия влекут за собой. Императивность речи прокурора особенно наглядно проявляется в финальной части обвинения, побуждающей суд к вынесению приговора и определению меры наказания, например:

Прошу назначить наказание Авдонику в виде 4 лет лишения свободы с отбытием в исправительной колонии строгого режима (пример Т. В. Дубровской).

В политическом дискурсе обвинение теряет свою императивность. Специфика политического дискурса как коммуникативной сферы заключается в установке на формирование общественного мнения путём манипулирования информационным потоком, что становится возможным благодаря оценочному воздействию, которое оказывают тексты политического характера. Это характерно и для высказываний, содержащих обвинительную семантику. Перлокутивный эффект, свойственный разговорно-бытовому обвинению, меняет свой характер. Обвинитель не ставит перед собой цель повлиять на действия объекта обвинения, более того, он не обладает такой возможностью, так как в этом случае речевые действия должны сместиться в плоскость реальных политических или дипломатических решений. Так, обвинение русских хакеров во вмешательстве в результаты выборов в США не имеет никаких последствий для самих хакеров и никак не отразится на их дальнейшем поведении.

В политическом дискурсе меняется мотив осуществления обвинительных высказываний – прежде всего, это дискредитация объекта обвинения. Политические обвинения, утрачивая императивность, сближаются с инвективными жанрами, суть которых «не в оценке, а в “наезде” (инвективе)» [16: 125], но при этом служат основанием, мотивом или предлогом для неких действий, которые в дальнейшем предпринимают обвинители (как, например, обвинение России в аннексии Крыма и участии в войне на Донбассе послужили основанием для введения антироссийских санкций).

В политическом дискурсе идея ответственности не теряет свою актуальность, обвинительные высказывания представляют собой попытку приписать кому-либо ответственность за те или иные политические события, при этом стоит отметить, что перформатив «обвиняю» используется единично, а частотность использования глагола, номинирующего РЖ обвинение, объясняется тем, что обвинение дается «в пересказе» интерпретатора-журналиста. Вернемся к примеру (4): *Россию неоднократно обвиняли во вмешательстве в выборы президента США с помощью хакеров*. Глагол-имя жанра появляется в речи журналиста, который отмечает, что *Американские журналисты и чиновники утверждали, что они якобы похитили корреспонденцию демократов...* Американские журналисты не использовали перформатив «обвиняю», они лишь утверждали, а их утверждение было интерпретировано российским журналистом как обвинение.

Актуализация смысла ответственности в обвинении определяет обязательность обоснованности обвинительных речевых действий, что демонстрируют данные ассоциативного словаря: обвинение зафиксировано как наиболее частотная ассоциативная реакция на стимул *доказано* [17]. Следовательно, для успешного воплощения обвинительного высказывания необходимы доказательства, подтверждающие факт ответственности обвиняемого лица. Наличие доказательств становится неременным условием реализации судебных обвинений. Обвинительное заключение предполагает включение не только перечня и квалификации действий обвиняемого, но и показаний обвиняемого и свидетелей, отсюда использование клишированной формулы: *На основании изложенного обвиняются...* Таким образом, в силу специфики процесса судопроизводства судебное обвинение представляет собой комплексный монологический тип текста, обязательным компонентом которого является доказательство, аргументация обоснованности положений обвинения.

Для политических обвинений наличие доказательств должно являться обязательным

условием их осуществления, но, как показывают наблюдения, не является, более того, минимальная степень облигаторности доказательств становится дифференцирующим признаком политических обвинений, что объясняется мотивом – дискредитировать, а не доказать. Однако это не отменяет того, что говорящий может указать на коммуникативную ущербность бездоказательного обвинения. Подтвердим примером:

Мегин Келли: Что касается взаимоотношений России и США, одним из элементов взаимоотношений России и США, России и Европы является предположение, что Россия вмешивалась в ход выборов. В интервью французской газете вы сказали, что Россию обвинили в том, что она вмешивалась в выборы. Все 17 агентств по разведке сделали этот вывод. Это были беспартийные специалисты, и республиканцы, и демократы, и те, кто поддерживал президента Трампа, и те, кто защищал вас. А также частные компании. Они все сказали. Они что все неправы?

В. В. Путин: Вы читали эти отчеты?

Мегин Келли: Я публичную, общественную, т. е. незасекреченную версию читала.

В. В. Путин: Публичную, общественную? Т. е. никакую. Я читал эти отчеты. Даже в этих отчетах нет ничего конкретного. Там только предположения и выводы на основе этих предположений. Вот если что-то конкретное, тогда будет предмет обсуждения. Как в одной организации, в которой я работал: адреса, явки, фамилии. Что касается независимых источников. Нет ничего независимого в этом мире. Глупость полная. Мне кажется это должно прекратиться (URL: <https://www.youtube.com/watch?v=3tJIZ5fuJ9A>).

В данном фрагменте интервью Мегин Келли говорит о предположении, которое В. В. Путин (в интервью французской газете) расценил как обвинение. Здесь же В. В. Путин подчеркивает, что отсутствие конкретного исполнителя (адреса, явки, фамилии) лишает обвинение основания, отсутствие доказательств делает обвинительное высказывание несостоятельным, превращает его в предположение или клевету. И так, как показывают примеры, чаще всего в политическом дискурсе обвинение подается косвенным образом, маскируясь под утверждение, предположение и другие жанры, так как прямое обвинение требует доказательств и принятия мер, какого-либо наказания. Бездоказательные обвинения негативно оцениваются социумом, что требует либо вербального, либо невербального извинения, как в следующем примере:

И если бы данный западный политический институт влияния не отказался от заведомо ложных обвинений России в аннексии Крыма, в оккупации Донбасса и так далее, – вполне логично от союзника ожидать, что он откажется от проведения данного

антироссийского мероприятия (URL: https://regnum.ru/news/polit/2295370.html?utm_source=infox.sg).

Заключение

Таким образом, можно говорить, что в политическом дискурсе наблюдается качественное изменение жанра, такие определяющие жанрообразующие признаки, как коммуникативная цель, образ автора и образ адресата политического обвинения подвергаются значительной конверсии. Однако доказательством того, что перед нами не новый самостоятельный жанр, использующий номинацию обвинения, а «функционально-стилевые варианты» (по терминологии Т. И. Стекловой) [3], или модификация инварианта (по М. А. Кантуровой) [6], служит реакция на информативное содержание обвинения – РЖ оправдания.

Оправдание может быть представлено двумя разновидностями, в основе разграничения которых лежит отношение говорящего к диктумному содержанию обвинения:

– оправдание₁ – говорящий не признает вину и протестует против событийного факта или его толкования, тем самым утверждая свою невиновность;

– оправдание₂ – говорящий признает свою виновность, но приводит какие-либо доводы в свою защиту, тем самым минимизируя степень виновности.

В разговорно-бытовой сфере отмечается большая частотность использования носителями языка оправдания₁, в котором отрицается тезис обвинения, и реже используется оправдание₂ [9]. В политическом дискурсе наблюдается использование исключительно первой разновидности жанра, что можно объяснить мотивом обвинительных высказываний – дискредитировать оппонента:

Москва отрицает подобные обвинения. Президент Владимир Путин не исключил, что таинственные хакеры вполне могли базироваться в США.

«Хакеры могут быть где угодно. Они могут быть в России, в Азии, даже в Америке, в Латинской Америке. Это могут быть хакеры, кстати сказать, в Соединенных Штатах, которые очень ловко и профессионально перевели стрелки на Россию. В ходе политической борьбы им было, по каким-то соображениям, удобно выпустить эту информацию. Они ее выпустили, сославшись на Россию. Вы не можете такое допустить? Я могу», – заявил Путин.

1 июня российский лидер высказал мнение, что вмешательство хакеров в принципе не может повлиять на результаты выборов в какой-либо стране. Он подчеркнул, что Москва «на государственном уровне не занимается этим и не собирается заниматься». Наоборот, мы всячески стараемся бороться внутри страны» (Мир Лента.ру).

(11) Американское внешнеполитическое ведомство **отвергло заявления РФ, обвинившей** Соединенные Штаты в косвенной поддержке террористических формирований на территории Сирии, в результате которой в окрестностях сирийского Дейр-эз-Зора погиб российский генерал Валерий Асапов, сообщает Федеральное агентство новостей.

Помимо этого, представитель Госдепартамента США негативно воспринял заявление российской стороны о «двуличной» позиции Штатов касательно операций в арабской республике. Он подчеркнул, что силы международной коалиции, возглавляемые американским командованием, в Сирии преследуют лишь одну цель – ликвидацию террористической группировки «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ). По словам представителя американского МИД, «заявления, что США поддерживают ИГ или потворствовали гибели российского командира, **не основываются на фактах**» (URL: <https://jrgazeta.ru/ssha-otritsayut-obvneniya-rtf-v-svoy-adres-posle-gibeli-rossiyskogo-general-a-v-sirii/>).

(12) В СБУ назвали «**безосновательными**» обвинения лидера партии «Рух новых сил», экс-главы Одесской областной государственной администрации Михаила Саакашвили относительно попытки якобы его прослушивания.

«СБ Украины **опровергает безосновательные обвинения** Саакашвили относительно попытки якобы его “прослушивания” сотрудниками спецслужбы», – сообщает пресс-центр СБУ в Facebook.

Служба безопасности Украины напомнила, что работает «исключительно в правовом поле укра-

инского законодательства и не осуществляет подобных процессуальных действий без решения суда за гражданами, какой бы статус они не имели» (<http://hvylya.net/news/exclusive/v-sbu-otritsayut-obvneniya-saakashvili-otnositelno-popyitki-ego-proslushivaniya.html>).

Представленные примеры демонстрируют, что в ответ на политическое обвинение звучит протестное категоричное непризнание вины, основанием которого становится именно декларативность обвинительного высказывания, обусловленная отсутствием в нем доказательной части.

Итак, можно согласиться с В. А. Салимовским и Д. В. Яруллиным в том, что «наличие у многочисленных жанровых вариантов общей исходной целеустановки, по-разному актуализируемой в различных коммуникативных условиях» [7: 156] является фактором, определяющим инвариант жанра, а вариативность жанра обусловлена и сферой его функционирования, и образами автора и адресата. В ходе анализа жанрообразующих признаков РЖ обвинения, функционирующего в разговорной и политической сферах, было установлено, что, действительно, при смене стиля высказывания наблюдается качественная трансформация некоторых жанрообразующих параметров (таблица).

Сопоставление обвинения в разных дискурсах
Comparison of the charge in different discourses

Параметр	Дискурс	
	разговорно-бытовой	политический
Обвинитель	Непосредственно говорящий	Чаще опосредован (представители масс-медиа)
Пострадавший	М.б. равен обвинителю; м.б. третьим лицом	Не равен обвинителю
Обвиняемый	Конкретный Обвиняемый = непосредственный адресат (как правило)	Неконкретный, некий сегмент социума Обвиняемый ≠ непосредственный адресат
Основание для обвинения	Ненормативные действия обвиняемого	Ненормативные действия обвиняемого
Коммуникативная цель	Отрицательная оценка + воздействие на эмоциональное состояние обвиняемого	Дискредитация объекта обвинения в глазах третьих лиц, осуществляемая путем выражения отрицательной оценки действий обвиняемого и воздействия на эмоциональное состояние адресата
Наличие доказательной части в обвинительном высказывании	Частотность структурно неполных высказываний	Минимальная степень обязательности включения в высказывание аргументации
Перлокутивный эффект	Чувство вины, желание изменить поведение	Формирование общественного мнения
Реактивное высказывание	Оправдание ₁ – непризнание вины и утверждение невиновности; оправдание ₂ признание вины + минимизация степени виновности	Оправдание ₁ – непризнание вины и утверждение невиновности

Тем не менее стабильный характер реактивных высказываний, а именно воплощение РЖ оправдания, свидетельствует о том, что адресат безошибочно прочитывает иллюкативную функцию высказываний и, несмотря на изменившийся облик жанра, интерпретирует его как обвинение, что дает основание квалифицировать все преобразования как внутрияжанровые.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
2. Орлова Н. В. Жанры разговорной речи и их «стилистическая обработка»: К вопросу о соотношении стиля и жанра // Жанры речи: сб. ст. / под ред. В. Е. Гольдина. Вып. 1. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1997. С. 51–56.
3. Стеклова Т. И. Функционально-стилевые варианты речевого жанра просьбы // Проблемы интерпретационной лингвистики: Интерпретаторы и типы интерпретации: сб. науч. ст. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. С. 89–99.
4. Стеклова Т. И. Речевой жанр обещания в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2011. № 4. С. 63–67.
5. Стеклова Т. И. Комментарий как речевой жанр и его вариативность // Жанры речи. 2014. № 1–2 (9–10). С. 81–88.
6. Кантурова М. А. Деривационные процессы в системе речевых жанров (на примере речевого жанра кулинарного рецепта): дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2012. 169 с.
7. Салимовский В. А., Яруллин Д. В. О тождестве речевого жанра // Жанры речи. 2017. № 2 (16). С. 151–159.
8. Дубровская Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. Пенза: Изд-во ПГУ, 2014. 272 с.
9. Лаврентьева Е. В. Речевые жанры обвинения и оправдания в диалогическом единстве: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2006. 261 с.
10. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: учеб. пособие. М.: Едиториал УРСС, 2004. 352 с.
11. Плотникова С. Н. Политик как конструктор дискурса реагирования // Политический дискурс в России: материалы постоянного действующего семинара / под ред. В. Н. Базылева, В. Г. Красильниковой. 2005. М.: МАКС Пресс, 2005. Вып. 8.
12. Ровинская Т. Л. Роль СМИ в деятельности «зеленых» партий (опыт США и ФРГ) // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. 2002. № 6. С. 85–98.
13. Шейгал Е. И. Семантика политического дискурса. М.: Гнозис, 2004. 328 с.
14. Стеклова Т. И. Вариативность жанровой интерпретации в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2017. № 4. С. 28–35.
15. Дубровская Т. В. Судебные документы и речи обвинителей как образцы речевых жанров «обвинение» и «осуждение» // Филологические этюды: сб. науч. ст. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2002. Вып. 5. С. 123–126.
16. Шарифуллин Б. Я. Языковая агрессия и языковое насилие в свете юрислингвистики: проблемы инвективы // Юрислингвистика-5: Юридические аспекты языка и лингвистические аспекты права / под ред. Н. Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. С. 120–132.

17. Русский ассоциативный словарь: От стимула к реакции: около 7000 стимулов: в 2 т. / под ред. Ю. Н. Караулова, Г. А. Черкасова, М. В. Уфимцева. М.: АСТ: Астрель, 2002. Т. 1. 782 с.

REFERENCES

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Esthetics of written word]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p. (in Russian).
2. Orlova N. V. Zhanry razgovornoy rechi i ikh «stilisticheskaya obrabotka»: K voprosu o sootnoshenii stilya i zhanra [Genres of colloquial speech and their “stylistic processing”: On the question of the relationship between style and genre]. *Zhanry rechi. : sb. st. Vyp. 1.* [Speech Genres. Iss. 1]. Saratov, GosUNTs “Kollledzh”, 1997. pp. 51–56 (in Russian).
3. Steksova T. I. Funktsionalno-stilevye varianty rechevogo zhanra prosby [Functional-style versions of the speech genre of the request]. In: *Problemy interpretatsionnoy lingvistiki: Interpretatory i tipy interpretatsii: sb. nauch. st.* [Problems of interpretational linguistics]. Novosibirsk, Izd-vo NGPU, 2004, pp. 89–99 (in Russian).
4. Steksova T. I. Rechevoy zhanr obeshchaniya v politicheskom diskurse [The speech genre of promises in political discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], 2011, no. 4, pp. 63–67 (in Russian).
5. Steksova T. I. Kommentariy kak rechevoy zhanr i ego variativnost [Commentary as a speech genre and its variability]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2014, no. 1–2 (9–10), pp. 81–88 (in Russian).
6. Kanturova M. A. Derivatsionnye protsessy v sisteme rechevykh zhanrov (na primere rechevogo zhanra kulinarnogo retsepta) [Derivational processes in the system of speech genres (on the example of the speech genre of the recipe)]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Novosibirsk, 2012. 169 p. (in Russian).
7. Salimovskiy V. A., Yarullin D. V. On the Identity of the Speech Genre [Speech Genres], 2017, no. 2 (16), pp. 151–159 (in Russian).
8. Dubrovskaya T. V. *Rechevye zhanry «osuzhdenie» i «obvinenie» v russkoy i angliyskoy lingvokulturakh* [Speech genres are “condemnation” and “accusation” in Russian and English linguocultures]. Penza, Izd-vo PGU, 2014. 272 p. (in Russian).
9. Lavrenteva Ye. V. Rechevye zhanry obvineniya i opravdaniya v dialogicheskom edinstve [Speech Genres of Prosecution and Justification in Dialogical Unity]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Novosibirsk, 2006. 261 p. (in Russian).
10. Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow, Izd-vo Yeditorial URSS Publ., 2004. 352 p. (in Russian).
11. Plotnikova S. N. Politik kak konstruktor diskursa reagirovaniya [The politician as a designer of the discourse of reaction]. *Politicheskij diskurs v Rossii: materialy postoyanno deystvuyushchego seminar. Vyp. 8* [Political Discourse in Russia: Materials of constant seminar. Iss. 8]. Moscow, MAKS Press Publ., 2005 (in Russian).
12. Rovinskaya T. L. Rol SMI v deyatelnosti «zelenykh» partiy (opyt SShA i FRG) [The role of the media in the activities of “green” parties (the experience of the US and Germany)]. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 12. Politicheskije nauki* [Moscow University Vestnik. Ser. 12. Political sciences], 2002, no. 6, pp. 85–98 (in Russian).

13. Sheygal Ye. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [The Semiotics of Political Discourse]. Moscow, Gnozis Publ., 2004. 328 p. (in Russian).

14. Steksova T. I. Variativnost zhanrovoy interpretatsii v politicheskom diskurse [Variability of the genre interpretation in political discourse]. *Politicheskaya lingvistika* [Political linguistics], 2017, no. 4, pp. 28–35 (in Russian).

15. Dubrovskaya T. V. Sudebnye dokumenty i rechi obviniteley kak obraztsy rechevykh zhanrov «obvinenie» i «osuzhdenie» [Judicial documents and speeches of accusers as examples of speech genres “accusation” and “conviction”]. *Filologicheskie etyudy: sb. nauch. st. Vyp. 5* [Philological studies: coll. of sci. art. Iss. 5]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2002, pp. 123–126 (in Russian).

16. Sharifullin B. Ya. Yazykovaya agressiya i yazykovoe nasilie v svete yurilingvistiki: problemy invektivy [Language aggression and linguistic violence in the light of legal science: problems of invective]. In: *Yurilingvistika-5: Yuridicheskie aspekty yazyka i lingvisticheskie aspekty prava* [Legal aspects of language and linguistic aspects of law]. Barnaul, Izd-vo Alt. un-ta, 2004, pp. 120–132 (in Russian).

17. *Russkiy assotsiativnyy slovar: Ot stimula k reaktsii: okolo 7000 stimulov: v 2 t.* [Russian associative dictionary: From stimulus to reaction: about 7000 stimulus: in 2 vol.]. Moscow, AST, Astrel Publ., 2002, vol. 1. 782 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 25.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Лаврентьева Е. В., Стексова Т. И. Особенности жанра обвинения в политическом дискурсе // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 104–111. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-104-111

For citation

Lavrent'eva E. V., Steksova T. I. Verbal Associations as a Complementary Source of Material in Complex Study of Speech Genres. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 104–111. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-104-111

УДК 811.161.1'276.1'38

ББК 81.2Рус-5

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-112-118

Н. Н. Панченко,
А. Д. Никодимова
Волгоград, Россия

Nadezhda N. Panchenko,
Anna D. Nikodimova
Volgograd, Russia

ШАНТАЖ: РЕЧЕВОЙ АКТ VS РЕЧЕВОЙ ЖАНР

Исследование посвящено анализу речевого жанра шантажа в межличностной повседневной коммуникации. Авторы уточняют понятие шантажа по отношению к повседневной коммуникации в сопоставлении с понятием шантажа, функционирующим в юридическом контексте. Под шантажом в данном исследовании понимается разновидность манипулятивного, психоэмоционального воздействия, направленного на получение личной выгоды (материальной или психологической) с помощью угрозы.

В статье уделяется внимание разграничению терминов «речевой акт» и «речевой жанр», рассматриваются виды угрозы, типичные для речевого жанра «шантаж». Анализ проводится на материале примеров из художественной литературы, фильмов и Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: речевой жанр, речевой акт, коммуникация, дискурс, угроза, шантаж.

Сведения об авторах: Панченко Надежда Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

E-mail: panchnn@yandex.ru

ORCID 0000-0003-4498-5262

Никодимова Анна Дмитриевна, ассистент кафедры романской филологии.

Место работы: Волгоградский государственный социально-педагогический университет.

E-mail: baas-tet@mail.ru

ORCID 0000-0002-6518-3069

BLACKMAIL: SPEECH ACT VS SPEECH GENRE

This article is devoted to the analysis of the speech genre of «blackmail» in the interpersonal everyday communication. We specify the concept of «blackmail» in relation to the everyday communication in comparison with the related concept used in the legal discourse. The paper defines blackmail as a kind of manipulative psycho-emotional impact intended to obtain the benefits by means of threatening to harm the recipient. The article focuses on the differentiation of the terms «speech act» and «speech genre» and analyses different kinds of threats typical of the speech genre of «blackmail». The study is based on the examples from literature, films, Russian National Corpus.

Key words: speech genre, speech act, communication, discourse, threat, blackmail.

About the authors: Panchenko Nadezhda Nickolaevna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics.

Place of employment: Volgograd State Social-Pedagogical University.

E-mail: panchnn@yandex.ru

ORCID 0000-0003-4498-5262

Nikodimova Anna Dmitrievna, Assistant Professor of the Department of Romance Philology.

Place of employment: Volgograd State Social-Pedagogical University.

E-mail: baas-tet@mail.ru

ORCID 0000-0002-6518-3069

Введение

Очевиден интерес современных исследователей к различного рода речевым произведениям, «отлитым» (в терминологии М. М. Бахтина) по определенным жанровым формам. Интерес этот распространяется на самые, казалось бы, неожиданные коммуникативные объекты – от жанра обзываний [1] до речевого жанра «автограф автора на книге» [2] или социальной сети INSTAGRAM [3]. Многообразие речевых жанров в свое время объяснил М. М. Бахтин, мотивируя это богатство неисчерпаемостью возможности разнообразной человеческой деятельности: «в каждой сфере

человеческой деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы» [4: 159].

Не является неожиданным в этой связи обращение к такому коммуникативному явлению, как шантаж, который, на наш взгляд, нуждается в более пристальном лингвистическом внимании.

Термин «шантаж» понимается в настоящей статье как *разновидность манипулятивного, психоэмоционального воздействия, направленного на получение личной выгоды (материальной или психологической) с помощью*

угрозы. Заметим, что в фокус исследовательского внимания не попали примеры шантажа в узком, юридически правовом, смысле этого слова, подразумевающим средство совершения преступления – противоправное принуждение лица к выгодному для шантажиста поведению посредством угрозы распространения нежелательных к огласке сведений (компромата), разглашения позорящей (часто сфабрикованной) информации.

Обратим внимание, что при реализации шантажа неизменно актуализируется речевой акт угрозы, который, по сути, служит одним из дифференциальных признаков понятия «шантаж», его «визитной карточкой», независимо от типа дискурса, в котором говорящий практикует шантаж.

В настоящей статье осуществляется анализ типов высказываний, соотносимых с коммуникативной ситуацией шантажа в межличностной повседневной коммуникации. При этом первоочередной задачей является определение исследовательского подхода: можно ли шантаж рассматривать как речевой жанр или следует подходить к его анализу с позиции теории речевых актов? Прежде чем ответить на этот вопрос, целесообразным представляется определение терминологических границ понятий «речевой жанр», «речевой акт», попутно уделим внимание близким к ним явлениям «речевое (коммуникативное) событие» и «речевой поступок», которые нередко служат обозначением одного и того же коммуникативного действия.

1. Структурное моделирование дискурса: разграничение понятий

Коммуникативное поведение реализуется в определенном формате общения – дискурсе, в потенциальное измерение которого включается «представление о типических моделях речевого поведения и набор речевых действий и жанров, специфических для данного типа коммуникации» [5: 11]. На сегодняшний день при структурном моделировании дискурса выделяются такие его составляющие, как речевое событие, речевой поступок, речевой жанр, речевой акт. Перечисленные понятия и их взаимоотношения по-прежнему не имеют в современной лингвистике однозначного понимания и нуждаются в терминологическом уточнении. Однако, поскольку всестороннее рассмотрение этих, отнюдь не простых, явлений в рамках настоящей работы не представляется возможным, ограничимся описанием ключевых моментов, обозначив нашу исследовательскую позицию.

Достаточно часто встречается и в какой-то степени азбучно сегодня звучит высказывание,

что все человеческое общение осуществляется в речевых жанрах, а дискурс, как социокультурное явление, соответственно распадается на отдельные речевые жанры. Нельзя не согласиться с точкой зрения В. Е. Гольдина, что применение термина «жанр» ко все новым и новым явлениям «до такой степени расширило его содержание, что сегодня, с одной стороны, потребовалось создание многоступенчатых и разноаспектных типологий жанров, а с другой стороны, возникла необходимость соотносить понятие жанра с такими общими формами осмысления мира, как ситуация, событие, поступок» [6: 23].

Имена речевого жанра могут совпадать с именами речевого (шире – коммуникативного) события. Речевое (коммуникативное) событие – тип взаимодействия, которому присущи обязательная пространственная и темпоральная локализация, приписывается идея регулярности, повторяемости структуры, в котором выделяются участники и границы события, обстановка, тема, правила взаимодействия [7]. Событийность значения имен проверяется возможностью их подстановки во фразу: *‘Это случилось / произошло во время Р’* (например, *это произошло во время лекции*), или *‘Р состоялась’* (*митинг состоялся*). Иначе обстоит дело с лексемами, главное в содержании имен которых характеристика или оценка. При этом «оцениваются и именуется не сами конкретные действия, не их структура, не локутивная или пропозициональная сторона, а воплощенные в них единицы поведения, **поступки**, то, чем оказываются, как могут восприниматься соответствующие действия» (выделено автором. – [6: 29]). Соответственно имена речевых поступков соотнесены с речевыми событиями опосредованно, на основе оценочных отношений. Думается, что под речевым поступком следует понимать единицу коммуникативного поведения, целенаправленного коммуникативного действия, реализуемого на фоне определенного коммуникативного события или ситуации, характеризуемого единством интенции и последствий, воспринимаемого и оцениваемого внешним наблюдателем.

Анализ и обобщение многочисленных подходов (М. М. Бахтин, Г. И. Богин, А. Вежбицкая, В. Е. Гольдин, В. В. Дементьев, В. И. Карасик, К. Ф. Седов, Т. В. Шмелева и мн. др.) к определению термина «речевой жанр» позволяет выделить такие его основные характеристики, как стереотипизированность, кодифицированность, узнаваемость, наличие коммуникативной цели, социальная обусловленность.

Речевой жанр и речевое событие обнаруживают следующие точки пересечения: 1) значимость экстралингвистической составляющей; 2) наличие коммуникативного прошлого и буду-

щего; 3) дифференциация по объему / степени сложности. Отношения между речевым событием и речевым жанром разнообразны, что лишний раз доказывает вариативность и паритурность коммуникации: отношение тождества – один речевой жанр может полностью покрывать определенное коммуникативное событие; отношение включения – речевой жанр может выступать как часть данного события; отношение пересечения – речевой жанр может входить в разные коммуникативные события [8].

Еще одним сегментом дискурсивного пространства является речевой акт, претендующий на статус минимальной единицы общения. Присмотримся внимательнее к соотношению понятий «речевой акт» и «речевой жанр» и попытаемся ответить на вопрос: в чем еще, помимо очевидной принадлежности к разным научным парадигмам (лингвопрагматике и генеристике), обнаруживается различие данных терминопонятий? Прежде всего, вспомним суждения М. М. Бахтина о диалогической ориентации жанров, в то время как речевой акт, согласно М. Л. Макарову, «по определению односторонен и изолирован», поскольку «в его структуре не отражена специфика общения как **взаимодействия**» [9: 109].

С другой стороны, небезынтересной представляется точка зрения Л. Р. Безуглой, противопоставляющей объектоцентрический характер теории речевых жанров (которая концентрирует внимание на типах текстов, а не типах действий) и субъектоцентрический характер теории речевых актов (речевой акт производится говорящим субъектом и имеет своим результатом высказывание, жанр которого определяется типом речевого акта) [10: 31]. Примиряющим моментом, позволяющим автору оперировать данными терминами в одном исследовании, является взгляд на речевые акты с точки зрения процессуальности, а на речевые жанры – с точки зрения результативности [10: 32].

На идею совместного рассмотрения данных понятий работает и классификация речевых жанров по объему речевого взаимодействия, которая позволяет дифференцировать простые речевые жанры – типы иллокутивных актов, называемые при помощи отглагольных существительных, значение которых определяет речевое действие, и сложные – типизированная последовательность речевых актов, структура которого имеет относительно конвенциональный характер [11]. Или классификация, построенная по сходному принципу, в которой выделяются субжанр (минимальная единица, равная одному речевому акту) – речевой жанр (более длительная интеракция, содержащая несколько сверхфразовых единств) –

гипержанр (макрообразование, объединяющее несколько жанров) [12: 14].

Логично предположить, что шантаж и угроза могут рассматриваться как речевой жанр и субжанр соответственно. Если шантаж включает в себя речевой акт / жанр угрозы, то можно ли считать угрозу жанрообразующим признаком шантажа? На этот вопрос мы попытаемся ответить в следующей части исследования.

2. Шантаж как речевой жанр

Необходимо заметить, что на сегодняшний день достаточно полно и многосторонне изучен речевой акт угрозы, при этом в лингвистических исследованиях угроза обозначается по-разному, описываясь в терминах речевого акта (например, М. Я. Гловинская [13]) или речевого жанра (В. В. Дементьев [14]), что в принципе может служить еще одним доказательством отсутствия непроходимой границы между данными коммуникативными явлениями и преемственности научных парадигм. Кроме того, нельзя не согласиться с А. Вежбицкой, предложившей «для выхода из тупика» теории речевых актов перенести акцент с понятия «речевой акт» (вызывающего представление о чем-то коротком, однофразовом) на бахтинское понятие «речевой жанр» (являющегося кодифицированной формой действия) [15].

Н. В. Хохлова определяет угрозу как действие (выполняемое при помощи жестов, мимики или речи), цель которого заключается в том, чтобы напугать собеседника намерением причинить ему вред. Содержание угрозы определяется комбинацией двух интенций: проявление гнева и недовольства по отношению к кому-либо; воздействие на собеседника возбуждением страха [16: 7]. В. В. Макашова предлагает толкование угрозы как речевого действия и под этим понимает выраженное словесно намерение нанести физический, материальный или иной вред какому-либо лицу или его интересам [17: 171].

Кроме того, существует несколько точек зрения, к какому конкретно типу высказывания/речевого акта стоит относить угрозу – к комиссивам (Дж. Р. Сёрль, Д. Вандервекен и др.), к экспрессивам (Н. И. Формановская, Р. В. Шиленко и др.) либо к менасивам (Г. Г. Почепцов, Н. В. Хохлова и др.), а также угроза фигурирует в исследованиях как регулятив (Ю. Хабермас), регулятивное побуждение (Й. Ребайн), причисляется к конфликтному типу высказываний (Дж. Лич) [приводится по: 18: 25].

Но как бы терминологически не обозначалась угроза, в большинстве случаев она определяется как средство отрицательного эмоционального воздействия на адресата, как

тип высказываний, с помощью которых говорящий обещает причинить своему адресату зло, а интенция / иллюкутивная цель угрозы понимается традиционно как направленная на то, «чтобы Y 'адресат' боялся, что X 'говорящий' сделает P» [12: 187].

Прототипическое представление об угрозе, представленное на языке семантических примитивов, выглядит следующим образом:

УГРОЗА:

говору: я хочу, чтобы ты знал, что если ты сделаешь X, то я сделаю тебе нечто плохое
думаю, что ты не хочешь, чтобы я это сделал

говору это, потому что хочу, чтобы ты не сделал X [15: 104].

Исследователями выделяются конститутивные признаки угрозы, которые являются обязательными и актоопределяющими. Это **субъектный состав** (произнесение угрозы одним субъектом в адрес другого), **темпоральная маркированность** (сообщение жертве о совершении некоего действия в будущем), **субъектная принадлежность действия** (горящий может либо угрожать собственными действиями – прямая принадлежность, либо обещать привлечь третьих лиц – косвенная принадлежность), **тип действия** – причинение вреда жертве. И, наконец, **адресованность действий**, которая также может быть прямой – при непосредственном контакте и косвенной (при передаче через носители информации или третьих лиц) [19].

Нельзя не обратить внимание на многообразие способов выражения угрозы в речи, которая реализуется чаще всего с помощью: прототипической конструкции с союзом *если* (*Если не сделаешь – пожалеешь*), менасивной модели с союзами *или-или* (*Или ты идёшь, или тебе не поздоровится*), конструкции с союзом *пока* в условно-временном значении. При этом интенция угрозы может быть выражена прямо (*Я тебе отомщу*), в высказываниях других иллюкутивных типов, то есть в косвенных речевых актах (*Я тебя научу, <...> Ты за всё ответишь и др.*), невербально и специфично [16: 9]. Кроме того, угроза может быть адресована устно, письменно, с помощью жестов, быть опосредована технически (по телефону, Интернету), может быть высказана лично или передана через третьих лиц, быть обращена в будущее или же относиться непосредственно к моменту высказывания [17: 172].

По нашим наблюдениям, чаще всего прямая угроза выражается с помощью конструкции с союзом *если* или без него (*если не вернешь-*

ся, я...; если не перестанешь, я...; уедешь – я...):

- (1) [Надя, Елизавета Боярская, жен, 22, 1985] *Просто у него непереносимость.*
[Иракий, Сергей Безруков, муж, 34, 1973] *Ты его уже защищаешь.*
[Надя, Елизавета Боярская, жен, 22, 1985] *Нет. Но если ты не вернёшься к Новому году... я буду встречать его с ним. Я почти уверена* (Т. Бекмамбетов и др. Ирония судьбы. Продолжение, к/ф (2007). НКРЯ¹).
- (2) [Иван, Федор Дунаевский, муж, 17, 1969] *Перестань плакать. Перестань плакать / я те сказал! Если ты не перестанешь / я... я весь дом сожгу!* (К. Шахназаров, А. Бородинский. Курьер, к/ф (1986). НКРЯ).
- (3) *Денис Иванович поднялся.*
– *Уедешь – повешушь*, – хрипло сказала Евдокия Андреевна.
Денис Иванович сел.
– *Дурак*, – сказала Евдокия Андреевна. – *Дурак или глупый: кто ж бабам верит? Если б из-за мужиков вешались, ни одной бабы не осталось бы. Езжай спокойно.*
Денис Иванович поднялся.
– *Езжай, а я повешушь*, – тихо, почти неслышно произнесла Евдокия Андреевна.
Денис Иванович сел.
– *Уходи, дубина непонятливая!* – закричала Евдокия Андреевна. – *Ничего в жизни не понимаешь! Я на испуг тебя беру, использую характер твой! Шантаж называется, видел кино? – когда пугают сделать, а не делают! Пугаю тебя, чтобы ты остался* (А. Слаповский. Гибель гитариста).

В приведенных примерах бесспорным является наличие угрозы, а также сопутствующей установкой говорящего на отрицательное эмоциональное воздействие на адресата, но при этом очевидно, что истинная коммуникативная интенция говорящего в третьем случае не тождественна иллюкутивной цели речевого акта угрозы и, помимо собственно угрозы и намерения отрицательно повлиять на эмоции адресата, содержит установку на манипулятивное воздействие для получения определенной выгоды. Другими словами, если иллюкутивная цель угрозы достаточно открыто информирует адресата о намерениях говорящего оказать на адресата определенное негативное воздействие (примеры 1, 2), то в содержании речевого жанра шантажа (пример 3) включены сведения о такой коммуникативной интенции говорящего, которая не эксплицирована, не имеет обязательного формального выражения, но может быть обнаружена в определенном ситуативном контексте благодаря реализации субжанра угрозы.

¹Здесь и далее примеры с пометой НКРЯ взяты из Национального корпуса русского языка. URL: <http://www.ruscorg.ru>.

Рассмотрим несколько примеров шантажа, выделив некоторые конститутивные признаки данного речевого жанра и наиболее типичные средства реализации угрозы.

Обратим внимание на эпизод, в котором Гермиона настойчиво просит журналиста Риту Скитер взять интервью у Гарри Поттера, выдвигая требование правдивой передачи информации для восстановления репутации Гарри:

- (4) *Лицо у Риты снова приняло такой вид, будто ее угостили Смердящим соком, и она повернулась к Гермионе:*
 – Я, что же, буду писать бесплатно?
 – Ну да, – хладнокровно подтвердила Гермиона, отпив из стакана. – **Иначе, как вы понимаете, я сообщу властям, что вы незарегистрированный анимаг. Конечно, «Пророк» вам неплохо заплатит за репортаж из камеры о жизни Азкабана** (Дж. Роулинг. Гарри Поттер и Орден Феникса).

В данном фрагменте присутствуют все конститутивные признаки шантажа: манипулятивное воздействие; личная выгода для инициатора шантажа (реабилитация друга); угроза, которая реализуется как сообщение о сокрытии факта анимагии, что считается уголовным преступлением и карается заключением в тюрьму; типичные для угрозы – субъектный состав: *Я сообщу, ... что Вы*; темпоральная маркированность – употребление будущего времени.

Содержательной особенностью угрозы является разглашение определенной секретной информации, то есть компромата. Данный вид угрозы позволяет однозначно маркировать этот речевой жанр как шантаж. Налицо также фактор гипотетического вреда – невыгодного и отчасти опасного варианта развития событий для реципиента шантажа. Кроме того, мы наблюдаем прямую адресованность, но косвенную субъектную принадлежность действия, так как субъект шантажа угрожает не самостоятельно выступить карающим элементом, а привлечь сильную сторону – власть.

Следует отметить, что угроза разглашения компромата является достаточно частотной, прототипической для речевого жанра шантажа.

- (5) – *Так это все шантаж! Завербовать меня решил. Я, мол, ничего не скажу Максиму, а ты за это будешь доносить. Потом, наверное, и на Макса надо будет стучать* (С. Данилюк. Рублевая зона. НКРЯ).
- (6) *А тем временем Мэйсон пригрозил Джулии, что предаст огласке ее интимную связь с отцом Майклом, если она не отдаст ему документы, подтверждающие, что Си-Си виновен в гибели шахтеров. Джулия поддалась на шантаж* (Т. Дудкевич. Самое главное // «Столица», 1997.07.29. НКРЯ).

Однако в межличностном повседневном общении случаи шантажа не ограничиваются угрозой разглашения компромата. Воздействие на объект, на его эмоциональную сферу, инициация страха может производиться с помощью угрозы причинения материального вреда или физической расправы над адресатом (пример 7) или близкими ему людьми (пример 8). Примечательно, что в межличностном общении в данном случае весьма часто используется гиперболизированное выражение *Я тебя убью*:

- (7) *Он прошептал зловецким голосом: «Или ты будешь моя, или я тебя убью!»* (Л. Лопато. Волшебное зеркало воспоминаний. НКРЯ).

Свидетельница убийства под давлением дала ложные показания во время очной ставки, не указав на виновность Рональда Крея – брата Реджинальда. Несколько позже, случайно столкнувшись на улице с Реджинальдом и его женой, свидетельница испуганно перебегает на другую сторону улицы.

- (8) Френсис: *Что ты ей сказал?*
 Реджинальд Крей: *Я сказал / что ей надо о своих детях побеспокоиться*
 (х/ф Легенда, 2015)

Специфической разновидностью угрозы, реализуемой в речевом жанре шантажа, является обещание причинить вред самому себе, чтобы добиться выполнения требования, а в некоторых случаях и вообще покончить жизнь самоубийством. Такой вид угрозы характеризует исключительно ситуации повседневной коммуникации, так как эксплуатирует близкую эмоциональную связь между объектом и субъектом шантажа, их значимость друг для друга (пример 3).

Заключение

Угроза как речевой (менасивный) акт / речевой жанр / тактический прием является привлекательным объектом исследований, фиксирующих внимание на намерении инициатора угрозы нанести вред, ущерб реципиенту угрозы.

Шантаж можно определить как коммуникативный феномен, речевой жанр со смысловой доминантой – субжанром угрозы. Это специфическая форма психологического насилия над личностью, реализуемая вербально как сообщение о негативных последствиях для адресата в случае выполнения или невыполнения каких-либо действий. Говорящий при этом принимает на себя обязательство совершить некое действие, которое причинит вред адресату, в том числе его репутации.

Нами обнаружены следующие варианты угрозы, релевантные для речевого жанра шантажа: разглашение определенной секретной информации; обещание причинения материального вреда или физической расправы над адресатом или близкими ему людьми; обещание причинить вред самому себе.

Наличие данных типов угрозы, на наш взгляд, позволяет адресату / наблюдателю идентифицировать речевой жанр «шантаж».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жельвис В. И. Жанр обзываний: тело как бранный инвентарь (немецко-русские языковые параллели) // Жанры речи. 2015. № 1(11). С. 85–93.
2. Евсеева И. В., Морозова А. Д. Речевой жанр «автограф автора на книге» // Жанры речи. 2017. № 1(15). С. 58–65.
3. Шурина Ю. В. Жанровое своеобразие социальной сети INSTAGRAM // Жанры речи. 2016. № 1(13). С. 156–168.
4. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собр. соч.: в 7 т. М.: Рус. словари, 1996. Т. 5. С. 159–206.
5. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена, 2000. 368 с.
6. Гольдин В. Е. Имена речевых событий, поступков и жанров русской речи // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: УНЦ «Колледж», 1997. Вып. 1. С. 23–34.
7. Дубровская О. Н. Речевые жанры, речевые события и новые средства коммуникации // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 360–370.
8. Hymes D. Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach. L.: Tavistok, 1977. 248 p.
9. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
10. Безуглая Л. Р. Неискренние речевые акты и неискренние речевые жанры // Жанры речи. 2015. № 1 (11). С. 30–37.
11. Гайда С. Жанры разговорных высказываний // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 2. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 1999. С. 103–112.
12. Седов К. Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / под ред. К. Ф. Седова. М.: Лабиринт, 2007. С. 7–39.
13. Гловинская М. Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М.: Наука, 1993. С. 158–218.
14. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М.: Гнозис, 2006. 560 с.
15. Вежбицка А. Речевые жанры // Жанры речи: сб. науч. ст. Вып. 1. Саратов, 1997. С. 99–112.
16. Хохлова Н. В. Способы и средства реализации коммуникативной категории угрозы в русском и английском языках: автореф.... канд. филол. наук. Волгоград, 2004. 18 с.
17. Макашова В. В. Речевое действие как правонарушение. М.: РИЦ МГУ им. М. А. Шолохова, 2014. 228 с.
18. Романов А. А., Новоселова О. В. Дискурс угрозы в социальной интеракции (функционально-семантический

анализ). М.; Тверь: ИЯ РАН, Тверская ГСХА, 2013. 168 с.

19. Осадчий М. А. Публичная речевая коммуникация в аспекте управления правовыми рисками: автореф. ... д-ра филол. наук. Кемерово, 2012. 72 с.

REFERENCES

1. Zhel'vis V. I. The Name Calling Communication Genre: German vs Russian Names of Human Body Parts as a Source of Derogatory Idioms. *Speech Genres*, 2015, no. 1(11), pp. 85–93 (in Russian).
2. Evseeva I. V., Morozova A. D. Speech Genre «Author's Autograph on the Book». *Speech Genres*, 2017, no. 1(15), pp. 58–65 (in Russian).
3. Shchurina Ju. V. Genre Individuality of Instagram Social Net. *Speech Genres*, 2016, no. 1, pp. 156–168 (in Russian).
4. Bahtin M. M. Problema rechevyh zhanrov [The Problem of Speech Genres]. *Bahtin M. M. Sobr. soch.: v 7 t.* Moscow, Rus. slovari Publ., 1996, vol. 5, pp. 159–206 (in Russian).
5. Shejgal E. I. *Semiotika politicheskogo diskursa* [Semiotics of political discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2000. 368 p. (in Russian).
6. Gol'din V. E. Imena rechevyh sobytij, postupkov i zhanrov russkoj rechi [Names of Russian Speech Events, Speech Acts and Genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1997, pp. 23–34 (in Russian).
7. Dubrovskaja O. N. Rechevyje zhanry, rechevyje sobytija i novye sredstva kommunikacii [Speech Genres, Speech Events and New Means of Communication]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 5. Zhanr i kul'tura* [Speech Genres: coll. sci. art. Iss. 5. Genre and Culture]. Saratov, ITs "Nauka" Publ., 2007, pp. 360–370 (in Russian).
8. Hymes D. *Foundations in Sociolinguistics. An Ethnographic Approach*. London, Tavistok, 1977. 248 p.
9. Makarov M. L. *Osnovy teorii diskursa* [Fundamentals of the Theory of Discourse]. Moscow, Gnosis Publ., 2003. 280 p. (in Russian).
10. Bezuglaja L. R. Insincere Speech Acts and Insincere Speech Genres. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 30–37 (in Russian).
11. Gajda S. Zhanry razgovornyh vyskazyvanij [Genres of Speech Utterances]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 2* [Speech Genres: coll. sci. art. Iss. 2]. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 1999, pp. 103–112 (in Russian).
12. Sedov K. F. Chelovek v zhanrovom prostranstve povsednevnoj kommunikacii [Person in the Genre Space of Everyday Communication]. In: *Antologija rechevyh zhanrov: povsednevnaja kommunikacija* [Anthology of speech genres: everyday communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 7–39 (in Russian).
13. Glovinskaja M. Ja. Semantika glagolov rechi s točki zrenija teorii rechevyh aktov [The Semantics of Speech Verbs from the Point of View of the Theory of Speech Acts]. In: *Russkij jazyk v ego funkcionirovanii. Kommunikativno-pragmatičeskij aspekt* [Russian language in its functioning. Communicative and pragmatic aspect]. Moscow, Nauka Publ., 1993, pp. 158–218 (in Russian).
14. Dementyev V. V. *Neprjamaja kommunikacija* [Indirect Communication]. Moscow, Gnosis Publ., 2006. 560 p. (in Russian).
15. Vezhbicka A. Rechevyje zhanry [Speech Genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr. Vyp. 1* [Speech Genres: coll.

sci. art. Iss. 1]. Saratov, GosUNTs “Kolledzh”, 1997, pp. 99–112 (in Russian).

16. Hohlova N. V. *Sposoby i sredstva realizacii kommunikativnoj kategorii ugrozy v russkom i anglijskom jazykah* [Ways and Means of Realisation of the Communicative Category of Threat in The Russian and English Languages]. Thesis Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2004. 18 p. (in Russian).

17. Makashova V. V. *Rechevoe dejstvie kak pravonarushenie* [Speech Act as Violation of Law]. Moscow, RITs MGGU im. M. A. Sholokhova, 2014. 228 p. (in Russian).

18. Romanov A. A., Novoselova O. V. *Diskurs ugrozy v social'noj interakcii (funkcional'no-semanticheskij analiz)* [Discourse of threat in Social Interaction (Functional-Semantic Analysis)]. Moscow, Tver', IYa RAN, Tverskaya GSKhA, 2013. 168 p. (in Russian).

19. Osadchij M. A. *Publichnaja rechevaja kommunikacija v aspekte upravlenija pravovymi riskami* [Public Speech Communication in the aspect of management of legal risks]. Thesis Diss. Dr. Sci. (Philol.). Kemerovo, 2012. 72 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 26.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Панченко Н. Н., Никодимова А. Д. Шантаж : речевой акт VS речевой жанр // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 112–118. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-112-118

For citation

Panchenko N. N., Nikodimova A. D. Blackmail : Speech act VS Speech Genre. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 112–118. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-112-118

УДК 811.111'271.16+811.161.1'271.16
ББК 81.2Англ-5+81.2Рус-5
DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-119-126

В. В. Леонтьев
Волгоград, Россия

РЕЧЕВОЕ ПОДТРУНИВАНИЕ В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Исследование посвящено сравнительному анализу речевого подтрунивания в английской и русской лингвокультурах.

Подобный вид сравнительного анализа данного речевого действия проводится впервые в отечественной лингвистике.

В исследовании проведен краткий анализ работ отечественных и зарубежных лингвистов, посвященных изучению отличительных характеристик речевого подтрунивания.

На основании дефиниций речевого подтрунивания из толковых словарей английского и русского языков, а также произведений художественной литературы второй половины XIX–XX вв. на английском и русском языках в исследовании проведен анализ основных характеристик речевого подтрунивания в данных лингвокультурах.

Ключевые слова: речевое подтрунивание, шутка, насмешка, речевая стратегия, лингвистическая вежливость, лингвистическая невежливость, лингвистическая (не)вежливость, фактор адресата.

Сведения об авторе: Леонтьев Виктор Владимирович, кандидат филологических наук, доцент кафедры иноязычной коммуникации.

Место работы: Волгоградский государственный университет.

E-mail: leontiev_vgu@mail.ru
ORCID 0000-0002-9683-3255

Введение: Речевое подтрунивание как объект исследования

Как справедливо замечает О. Б. Сиротина, «речевой жанр сложился ... в реальном восприятии бытового общения прежде всего с точки зрения получателя речи» [1: 27].

При этом адресат (реципиент) высказывания волен реагировать на услышанное высказывание адресанта совершенно по-разному, трактуя его сообразно своим жизненным знаниям, своему коммуникативному опыту и эмоциональному состоянию. Данная оценка адресатом не только вербальна: высказывание «становится значимым и интерпретируемым ... при взаимодействии вербальных, кинетических и просодических действий в контексте» [2: 248].

Фактор адресата играет краеугольную роль также в исследовании сложного социопрагма-

Victor V. Leontyev
Volgograd, Russia

BANTER IN RUSSIAN AND ENGLISH LINGUA-CULTURES

The research is devoted to the comparative analysis of banter in English and Russian lingua-cultures.

The comparative analysis of the given type is being done for the first time in the home linguistics.

The short analysis of the works by home and foreign linguists devoted to the studying of distinctive characteristics of banter has been done in the research.

The analysis of the main characteristics of banter in the given lingua-cultures has been done in the research based on definitions of banter in the explanatory dictionaries of Russian and English languages and the English and Russian fiction of the second half of the 19th century and the 20th century.

Key words: banter, joke, mockery, speech strategy, linguistic politeness, linguistic impoliteness, linguistic (im)politeness, factor of an addressee.

About the author: Leontyev Victor Vladimirovich, Ph.D. in Linguistics, Associate Professor of the Department of Foreign Language Communication.

Place of employment: Volgograd State University.

E-mail: leontiev_vgu@mail.ru
ORCID 0000-0002-9683-3255

тического феномена вежливости. Цель изучения вежливости на теоретическом уровне заключается в понимании того, как люди успешно управляют межличностными отношениями для достижения личных и групповых интересов [3: 1]. За последние три десятилетия вежливость стала объектом изучения многочисленных работ зарубежных и отечественных лингвистов [4–16].

В исследовании вежливости фактор адресата играет кардинальную роль потому, что именно адресат дает оценку (не)речевого поведения адресанта как вежливого или невежливого (грубого), т. е. адресат оценивает проявление в речи своего собеседника социально-культурного феномена вежливости, связанного с основными принципами социокультурной организации общества и межличностными отно-

шениями, существующими между его членами, с их коммуникативным сознанием [4: 30].

Вежливость не перформативна по своей сути, и нельзя утверждать, что конкретные лексемы или синтаксические формулы данного языка могут служить только средством выражения вежливости. Как показали многочисленные исследования, одни и те же лексемы и синтаксические конструкции могут служить средством выражения как вежливости, так и невежливости.

Коммуниканты стремятся вести себя вежливо, учтиво по отношению друг к другу, руководствуясь общепризнанными культурно-специфичными нормами. Но в каждом конкретном случае вербальное и невербальное поведение адресанта может быть оценено адресатом как вежливое, уместное, учитывающее его личность и одновременно оно может быть оценено как неуместное, невежливое (грубое) другими коммуникантами в зависимости от их степени воспитанности, уровня внутренней культуры и ожиданий от данного коммуникативного действия.

Поэтому представляется оправданным употребление в современной зарубежной прагматике зонтичного термина «лингвистическая (не)вежливость» для обозначения всех видов оценочных значений относительно коммуникативного поведения адресанта: от оценки данного поведения адресатом как сердечного, одобрительного, тактичного, вежливого, уважительного, почтительного до его оценки адресатом как высокомерного, пренебрежительного, агрессивного, грубого [17: 97].

Иными словами, только детальный анализ широкого коммуникативного контекста, учет социальных статусов коммуникантов, учет истории их взаимоотношений, равно как и их эмоционального состояния (испытывают ли они положительные эмоции радости, восторга или отрицательные эмоции раздражения, гнева) позволит относительно точно отнести анализируемое высказывание к категории вежливых или грубых.

Интерпретация адресатом высказывания адресанта значительно усложняется в условиях так называемой непрямой коммуникации, т. е. содержательно осложненной коммуникации, в которой понимание высказывания включает смыслы, не содержащиеся в собственно высказывании, и требует дополнительных интерпретативных усилий со стороны адресата [18: 5].

В монографии В. В. Дементьева к речевым жанрам (далее – РЖ) непрямо́й коммуникации относятся светская беседа, флирт, шутка, ирония, издевка, розыгрыш, колкость, косвенная угроза и ряд других [18: 259–335].

В данной классификации шутка и флирт относятся к фатическим РЖ, улучшающим межличностные отношения в косвенной форме. Автор также выделяет РЖ, улучшающие межличностные отношения в прямой форме, РЖ, ухудшающие эти отношения в прямой и косвенной форме, соответственно и праздноречевые РЖ, сохраняющие межличностные отношения в прежнем виде [18: 264–274].

РЖ «Шутка», будучи результатом нестандартного, творческого подхода к языку, является особым РЖ, осуществляющимся в ходе реализации говорящим (адресантом) установок на комический эффект. Особый режим комического, в котором продуцируются и интерпретируются шутки и другие РЖ, обладающие свойством «шуточности», противопоставлен нормативному – серьезному режиму [19: 284].

Если РЖ «шутка» относительно полно изучен в работах отечественных жанроведов, то такой вид шутилого речевого поведения, как подтрунивание пока не получил должного исследования в отечественной лингвистике. Так, в статье петербургского лингвиста Е. А. Рудневой приводятся краткие описания подтрунивания (подшучивания) коммуникантов друг над другом в русской коммуникативной культуре. Исследуя отношения коммуникантов на рабочем месте, автор относит речевое подтрунивание к стратегии поддержания отношений и снижения напряженности в рабочем коллективе [9: 233].

Что касается исследования речевого подтрунивания западными лингвистами, то начало было положено в классическом труде Дж. Лича (Leech) «Principles of Pragmatics», в котором автор уделил значительное внимание этому речевому феномену.

Речевое подтрунивание (*banter*) в терминах Дж. Лича относится к речевым средствам выражения так называемой шутилой (мнимой) невежливости (*mock impoliteness*). Автор выдвигает риторический принцип речевого подтрунивания (*The Banter Principle*): «Для того, чтобы проявить солидарность с *h*, скажите что-то, что (i) является очевидным ложным, и (ii) очевидно невежливым по отношению к *h*» [12: 144], добавляя, что, как и ирония, речевое подтрунивание должно очевидным образом трактоваться как несерьезное действие.

В терминах М. Кинпоинтнера (*Kienpointner*), различающего кооперативную и некооперативную грубость, речевое подтрунивание (*banter*), наряду с ироничной грубостью (*ironic rudeness*) и так называемой «грубостью на пользу общим интересам» (*common interest rudeness*), служащей интересам большинства участников коммуникативного процесса, относится к стратегиям кооперативной грубости и отождеств-

ляется с шуточной (мнимой) невежливостью. Подтрунивание понимается автором как речевое средство, позволяющее предположить, что в случае очень близких и прочных взаимоотношений коммуникантов их социальным лицам не могут угрожать даже очевидно грубые высказывания [20: 262].

В понимании С. Миллз (Mills) в ряде ситуаций речевое подтрунивание или мнимая (шутливая) невежливость могут позволить адресанту произнести что-то, близкое к их истинным чувствам в преувеличенном виде, в то же время подавая сказанное таким образом, что на поверхностном уровне эти фразы будут интерпретированы как нечто несерьезное [14: 124].

В работе М. Дынеп (Dyneel) речевое подтрунивание понимается как особая языковая игра с целью укрепления взаимоотношений коммуникантов. Автор считает, что подтрунивание не кажется оскорбительным даже на первый взгляд, так как в его основе лежит не мнимое (шутливое) оскорбление (mock abuse), а остроумные ответы по нейтральной теме, или совместно созданные каламбуры, не обладающие каким-либо агрессивным потенциалом. В терминах автора речевое подтрунивание (banter) наряду с поддразниванием (teasing) следует отличать от специфического некооперативного типа юмора, цель которого заключается в том, чтобы сконфузить или унижить адресата (putdown humor) [21: 246, 257].

Взгляду М. Дынеп на речевое подтрунивание очень близка позиция М. Хо (Haugh) и Д. Бусфильда (Bousfield) [22], полагающих, что речевое подтрунивание по сути равнозначно мнимой (шутливой) невежливости и что эти феномены соотносятся друг с другом следующим образом: мнимая невежливость представляет собой социальную оценку (evaluation), а речевое подтрунивание – социальное действие (action). Социальная оценка подразумевает оценивание личности или взаимоотношений, а социальное действие подразумевает направленное (не)вербальное поведение отдельных коммуникантов, принимающее во внимание действия и реакции других индивидуумов [22: 1103].

Таким образом, речевое подтрунивание широко исследуется в зарубежных работах по лингвистической (не)вежливости, представляя собой очень сложный многогранный феномен, относящийся к категории так называемых «смешанных речевых посланий (сообщений) (mixed messages)», т. е. речевых действий, содержащих характерные черты, направленные на вежливую интерпретацию, смешанные с характерными чертами, направленными на невежливую интерпретацию. К этой же категории следует отнести в том числе сар-

казм, поддразнивание, шуточное оскорбление, ритуальные оскорбления, мнимое (шутливое) издевательство, мнимую (шутливую) невежливость, мнимую (шутливую) вежливость и ряд других (не)речевых явлений [23: 323–324].

Наша статья представляет собой начальный этап сравнительного исследования феномена речевого подтрунивания в русской и английской лингвокультурах. Мы ставим перед собой задачу проанализировать возможные сходства и различия проявления речевого подтрунивания в повседневной коммуникации представителей английской и русской культуры.

Оговоримся, что при анализе примеров (не)речевого взаимодействия коммуникантов в повседневном общении мы придерживаемся социологического подхода в изучении лингвистической (не)вежливости, предложенного Д. З. Кадаром (Kádar) и М. Хо (Haugh), в терминах которых лингвистическая (не)вежливость по сути своей представляет социальную практику (social practice) [11: 47].

1. Речевое подтрунивание в русской лингвокультуре

Как известно, для современной русской культуры характерна дуальная модель мышления, развившаяся на основе дуальных моделей средневековой русской культуры и русского православия в целом, с его «двуполюсным ценностным полем, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны» [24: 220]. В системе русского православия всегда отсутствовало (и отсутствует) понятие чистилища, очень важное для западных католических и протестантских стран.

Двуполюсность русской системы ценностей привела к формированию основных коммуникативных / некоммуникативных сценариев русской культуры, таких как: а) стремление к гармоничному, личностно не-нейтральному общению, потребность в нем и получение от него удовольствия; б) высокий уровень востребованности доверия к собеседнику в важных разговорах, готовность говорящих подвергать обсуждению, оценке, самооценке наиболее критические моменты в своем эмоциональном и интеллектуальном «Я», склонность давать и получать советы, касающиеся этих моментов; в) несклонность к утилитарному отношению к общению, к подчинению его внешней цели [25: 265–266].

Как следствие вышеуказанных особенностей развития русскую культуру, в отличие от западных культур, следует охарактеризовать как культуру вежливости солидарности в терминах Р. Ратмайр (данное понятие близко понятию позитивной вежливости в терминах П. Браун (Brown) и С. Левинсона (Levinson)

[10]), что проявляется в свойственной большинству русских коммуникантов спонтанной открытости в общении. Подчеркивание принадлежности собеседников к области своего, т. е. очень близкого (разговорное клише «*мы же свои люди*»), как и подчеркивание чего-то общего с собеседником являются вежливыми в ситуациях, в которых в англо-американских и немецко-язычных культурах требуется соблюдение дистанции. В частности, РЖ «разговор по душам» или «изливание души» характерны именно для представителей русской культуры, так как эти жанры не несут угрозы личной неприкосновенности русских коммуникантов, в отличие от представителей индивидуалистических западных культур [8: 147–148].

Как отмечает В. В. Дементьев, в русской культуре именно фатическая, а не информативная коммуникация представляет особую ценность. Это объясняет тот факт, что базовые коммуникативные ценности нашей родной культуры связаны именно с фатикой [25: 231–232].

Выскажем предположение, что в силу характерной для русской культуры спонтанности в общении речевое подтрунивание весьма распространено в коммуникации ее представителей, но с одной оговоркой: коммуниканты должны очень хорошо знать друг друга, быть родственниками или друзьями, работать в одном коллективе (*community of practice*).

В русской культуре подтрунивание трактуется как в целом позитивное для адресата речевое действие, иллокутивная цель которого заключается в укреплении существующих взаимоотношений коммуникантов. В силу чего высказывания речевого подтрунивания в русской культуре ассоциируются с мягкими, дружескими шутками в адрес собеседника:

Подтрунить – слегка посмеяться. П. над чьей-либо застенчивостью, неловкостью. П. над товарищами, над окружающими. П. над лучшими чувствами [26].

В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» отмечается, что лексический ряд *подшучивать, подтрунивать* близок по значению к ряду *насмехаться, смеяться 2, потешаться, шутить*, но предполагает меньшую интенсивность действия и мягкую, дружескую манеру речи [27: 206–207].

Если же мы обратимся к вопросу понимания речевого подтрунивания рядовыми представителями русской культуры, например, середины XIX в., то на основании анализа дефиниций данной лексемы из словарей той эпохи можно сделать вывод, что подтрунивание как повседневное речевое действие подразумевало более жесткое отношение к объекту речевой

шутки, чем в настоящее время. Что подтверждается следующей дефиницией из «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля [28]:

Подтрунивать, подтрунить над кем – подшучивать, подсмеиваться, зубоскалить, поднять на зубки, изгаляться. ся, страд.

Подтруниванье, подтрунка – действие по гл.

Подтрунчивый человек – охочий трунить, насмешливый.

Можно предположить, что представители русской культуры середины XIX столетия ассоциировали речевое подтрунивание с довольно жесткой формой иронии, близкой к насмешке:

Просидели мы там очень недолго. Провожая нас в переднюю, Эмилия, точно в оправдание, беспрестанно повторяла: «Я так испугалась, так испугалась».

*Это были чуть ли не единственные слова, которые я от нее услышала. Лишь только мы очутились на улице, Бойко начал **подтрунивать** надо мной. «Ну что, ведь говорил вам, что нечего было идти? А вы все свое *!* скорей да скорей!» И он насмешливо передразнивал мой голос. (С. М. Степняк-Кравчинский. Подпольная Россия).*

Что касается современной русской культуры, то, как показало наше исследование, речевое подтрунивание распространено во взаимоотношениях очень близких людей, уважающих и любящих друг друга, могущих в силу близких взаимоотношений мягко пошутить друг над другом. В этом случае коммуникативная цель адресанта подтрунивания заключается не в самой шутке и не в принижении достоинств адресата, а в укреплении существующих между ними межличностных взаимоотношений и в одновременном доставлении друг другу эстетического удовольствия от своеобразной речевой игры:

*Они любили друг друга, хотя, конечно, никогда в жизни не говорили об этом, а, наоборот, бесконечно **подтрунивали** друг над другом (Ф. Искандер. Сандро из Чегема).*

*И все затихло. Почему я их не догнал? В прошлом году этого бы не случилось. В прошлом году я бы их, моих друзей, запросто догнал и мы бы вместе стали хохмить и **подтрунивать** друг над другом. Что-то изменилось за два года, за год. Эти посиделки были подсознательной попыткой что-то восстановить, но что-то изменилось и после посиделок мы идем в разных направлениях (В. Аксенов. Таинственная страсть).*

2. Речевое подтрунивание в английской лингвокультуре

Если обратиться к толковым словарям английского языка, то можно сделать предварительный вывод, что для представителей

английской культуры подтрунивание носит в целом положительную направленность в сторону адресата (объекта данного речевого действия), близкую к незлобным шуткам или мягкой иронии:

Banter n

1) добродушное подшучивание; шутки

2) шутливая беседа

to banter v

1) 1) добродушно подшучивать, подтрунивать, поддразнивать

2) (with) вести шутливую беседу, обмениваться шутками [29].

banter n friendly remarks, jokes (дружеские замечания, шутки)

to banter v (with smb) to make jokes (шутить, разыгрывать шутки) [30].

С другой стороны, вышеприведенные теоретические рассуждения западных лингвистов, равно как и проанализированные нами примеры из художественной литературы, указывают на то, что речевое подтрунивание в английской культуре не всегда можно интерпретировать как коммуникативное действие, дружеское по отношению к адресату, не наносящее ему обиды.

В ряде случаев подтрунивание среди представителей английской культуры может быть интерпретировано как близкое к насмешке.

Как отмечает В. И. Карасик, насмешка, т. е. обидная шутка, представляет собой коммуникативное действие, состоящее в понижении значимости объекта оценки путем подчеркивания его нелепой комичности с целью причинить ему зло и получить от этого удовольствие. Психологическая природа насмешки заключается в вытеснении зависти или страха через выпускание отрицательных эмоций, т. е. насмешка – это вид агрессии [31: 231].

Содержательный минимум одноименного концепта включает следующие базовые признаки: 1) шутка, 2) причиняющая обиду, 3) свидетельствующая о несерьезном отношении к адресату [31: 232].

Потенциальную близость речевого подтрунивания именно к насмешке в когнитивном мире представителей английской культуры можно проиллюстрировать на следующем примере:

“What’s he really doing over there?” She shook her head. “I assumed he was going to the apartment to pick up some papers”, she said vaguely. She darted a glance across the table and colored when she saw the piercing intelligence in his dark eyes. “When are you going to level with me, Sorella?” he asked lightly. She tried to pretend that she didn’t know what he meant. But his bantering tone was deceptive. He leaned forward. “I know it’s difficult for you living in the world of make-believe as you obviously do. But I’m not a fool and object to be thought one” (Heywood S. Castle of Desire).

Как видно из коммуникативного контекста, женщина-адресат инициального вопроса, заданного ее собеседником, с кем она хорошо знакома, попыталась уйти от четкого ответа, чем вызвала его весьма ироничное подтрунивание. Довольно жесткое подтрунивание мужчины-собеседника было обусловлено его отрицательным эмоциональным состоянием, в свою очередь, вызванным неправильным поведением женщины, явно несоответствующим, по мнению адресанта подтрунивания, коммуникативной ситуации.

Выскажем предположение, что речевое подтрунивание чаще интерпретируется представителями английской культуры все же как добродушное подшучивание над собеседником с целью улучшить его/ее эмоциональное состояние, с целью укрепления сложившихся межличностных взаимоотношений, на что указывают вышеприведенные данные словарей английского языка.

Проанализируем следующий диалог:

His voice was pleasantly cajoling. “Take pity on a lonely bachelor. I’d like to take you out. I know of a very lovely hotel where we can enjoy a fabulous meal and afterwards take a romantic stroll by the sea in the midnight”. She said lightly, “The meal sounds tempting, but I’m not so sure about the moonlight stroll”. “Sophie, is there no romance in your scientific soul?” She paused before replying. This light-hearted banter was amusing but she mustn’t let it get out of hand. Giles, in spite of his charm was not the type of the man she admired, still less the type of the man with whom she could fall in love (Bowring M. Vets in Opposition).

В данном контексте мужчина-адресант применяет стратегию беззаботного подтрунивания в адрес женщины, которая ему нравится и с которой он хотел бы провести вечер. Женщина-адресат частично соглашается с предложенным планом приятно провести время в компании мужчины, хотя осознает, что ее собеседник не относится к мужчинам ее мечты. Тем не менее последовавший вопрос относительно отсутствия в ее душе романтических черт был воспринят ею не как попытка оскорбить ее, или злобно посмеяться над ней, а как речевое подтрунивание, добродушное подшучивание, помогающее адресанту укрепить их взаимоотношения.

Заключение

Проведенный нами начальный этап в исследовании феномена речевого подтрунивания в русской и английской лингвокультурах позволяет сделать предварительный вывод о том, что данное речевое действие чаще выступает речевой стратегией укрепления личностных взаимоотношений между хорошо знакомыми коммуникантами.

В подобных ситуациях даже несколько грубая, на первый взгляд форма, речевого подтрунивания не приводит к оскорблению адресата, а может доставить как адресату, так и адресанту определенное эстетическое удовольствие.

Если говорить о русской культуре, то речевое подтрунивание в целом не характерно для общения малознакомых коммуникантов, хотя многое здесь зависит от социальных статусов и возраста общающихся.

Что касается английской культуры, то мы делаем предварительный вывод, что в силу культурной специфики английского социума речевое подтрунивание характерно даже для общения малознакомых коммуникантов.

При анализе речевого подтрунивания как вида шуток очень важно обращать самое пристальное внимание не только на соотношение социальных статусов коммуникантов и историю их взаимоотношений, но и на их эмоциональное состояние.

Выскажем требующее дальнейшей верификации предположение, что как в русской, так и в английской культуре молодые малознакомые коммуниканты более склонны к речевому подтруниванию по сравнению с более взрослыми людьми в силу различий в системе воспитания и в ценностных структурах.

Полагаем, что для более детального понимания сходств и различий речевого подтрунивания в указанных лингвокультурах представляет несомненный интерес проведение анализа языковых средств выражения подтрунивания в женских и мужских коллективах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сиротиница О. Б. Некоторые размышления по поводу терминов «речевой жанр» и «риторический жанр» // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 1999. Вып. 2. С. 26–31.
2. Arndt H., Jenny R. Intergrammar: Towards an Integrative Model of Verbal, Prosodic and Kinesic Choices in Speech. Berlin ; N. Y. ; Amsterdam : Mouton de Gruyter, 1987. 462 p.
3. Watts R., Ide S., Ehlich K. Introduction // Politeness in Language: Studies in its History, Theory and Practice / eds. R. Watts, S. Ide, K. Ehlich. 2nd ed. Berlin ; N. Y. : Mouton de Gruyter, 2005. P. 1–17.
4. Ларина Т. В. Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М. : Изд-во РУДН, 2003. 316 с.
5. Ларина Т. В. Английский стиль фатической коммуникации // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 251–262.
6. Леонтьев В. В. Дискурсивный поворот в теории лингвистической вежливости: К образованию теории лингвистической невежливости // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики. Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2012. С. 222–228.
7. Леонтьев В. В. Лингвистическая (не)вежливость: к проблеме содержания категории // Экология языка и коммуникативная практика. 2016. № 1. С. 70–83.
8. Rammatir P. Русская речь и рынок: Традиции и инновации в деловом и повседневном общении. М. : Языки славянской культуры, 2013. 456 с.
9. Руднева Е. А. Антропология вежливости: общекультурные и локальные нормы взаимодействия // Антропологический форум. 2016. № 30. С. 215–242.
10. Brown P., Levinson S. Politeness: Some Universals in Language Usage. 2nd ed. Cambridge: CUP, 1987. 348 p.
11. Kádár D. Z., Haugh M. Understanding Politeness. Cambridge: CUP, 2013. 296 p.
12. Leech G. Principles of Pragmatics. L.; N. Y.: Longman, 1983. 250 p.
13. Locher M., Watts R. Politeness theory and relational work // J. of Polit. Res. 2005. Vol. 1, № 1. P. 9–33.
14. Mills S. Gender and Politeness. Cambridge: CUP, 2003. 270 p.
15. Stewart M. Politeness In Britain: 'It's only a suggestion' // Politeness in Europe / eds. L. Hickey, M. Stewart. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters Ltd., 2005. P. 116–129.
16. Watts R. Politeness. Cambridge: CUP, 2003. 308 p.
17. Spencer-Oatey H. (Im)politeness, face and perception of rapport // J. of Polit. Res. 2005. Vol. 1, № 1. P. 95–119.
18. Дементьев В. В. Непрямая коммуникация. М. : Гнозис, 2006. 376 с.
19. Щурина Ю. В. Шутка // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. М. : Лабиринт, 2007. С. 284–294.
20. Kienpointner M. Varieties of rudeness: Types and functions of impolite utterances // Functions of Language. 1997. Vol. 4, № 2. P. 251–287.
21. Dynel M. No aggression, only teasing: The pragmatics of teasing and banter // Lodz Papers in Pragmatics. 2008. Vol. 4, № 2. P. 241–261.
22. Haugh M., Bousfield D. Mock impoliteness, jocular mockery and jocular abuse in Australian and British English // J. of Pragmatics. 2012. Vol. 44. P. 1099–1114.
23. Culpeper J., Haugh M., Sinkeviciute V. (Im)politeness and mixed messages // The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness / eds. J. Culpeper, M. Haugh, D. Z. Kádár. L.: Palgrave MacMillan, 2017. P. 323–355.
24. Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б. А. Избранные труды: в 2 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М. : Гнозис, 1994. С. 219–254.
25. Дементьев В. В. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М. : ГлобалКом, 2013. 336 с.
26. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
27. Санников А. В. Высмеивать, осмеивать, вышучивать, засмеять // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М. : Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 206–209.
28. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/314502> (дата обращения: 19.11.2017).
29. Новый Большой англо-русский словарь: в 3 т. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна и Э. М. Медниковой. 5-е изд., стереотип. М. : Рус. яз., 2000.

30. Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English / ed. S. Wehmeier. 6th ed. Oxford: OUP, 2000. 1539 p.

31. Карасик В. И. Концептуализация насмешки в языковом сознании // Коммуникация. Мышление. Личность. Саратов: ИЦ «Наука», 2012. С. 231–241.

REFERENCES

1. Sirotinina O. B. Nekotorye razmyshleniya po povodu terminov “rechevoi zhanr” i “ ritoricheskiy zhanr” [Some thoughts on the terms “speech genre” and “rhetoric genre”]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr. Vyp. 2* [Speech genres: coll. of sci. works. Iss. 2]. Saratov, GosUNTs “Kолledzh”, 1999, pp. 26–31 (in Russian).
2. Arndt H., Jenny R. *Intergrammar: Towards an Integrative Model of Verbal, Prosodic and Kinesic Choices in Speech*. Berlin, New York, Amsterdam, Mouton de Gruyter, 1987. 462 p.
3. Watts R., Ide S., Enlich K. *Introduction. Politeness in Language: Studies in its History, Theory and Practice*. 2nd ed. Berlin, New York, Mouton de Gruyter, 2005, pp. 1–17.
4. Larina T. V. *Kategoriya veshlivosti v angliyskoi i russkoi kommunikativnykh kulturakh* [The Category of Politeness in Russian and English Communicative Cultures]. Moscow, Izd-vo RUDN, 2003. 330 p. (in Russian).
5. Larina T. V. *Angliyskiy stil’ faticheskoj kommunikatsii* [The English style of phatic communication]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr. Vyp. 4. Zhanr i kontsept* [Speech Genres: coll. of sci. works. Iss. 4. Genre and concept]. Saratov, GosUNTs “Kолledzh”, 2005, pp. 251–262 (in Russian).
6. Leontyev V. V. *Diskursivnyi povorot v teorii lingvisticheskoi veshlivosti: K obrazovaniyu teorii lingvisticheskoi neveshlivosti* [The discursive turn in the theory of linguistic politeness: To the emerging of the theory of linguistic impoliteness]. In: *Kommunikativnye aspekty sovremennoy lingvistiki i lingvodidaktiki* [Communicative aspects of contemporary linguistics and lingua-didactics]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2012, pp. 222–228 (in Russian).
7. Leontyev V. V. *Lingvisticheskaya (ne)veshlivost’: k probleme sodержaniya kategorii* [Linguistic (im)politeness: to the problem of category content]. *Ekhologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of Language and Communicative Practice], 2013, no. 1, pp. 70–83 (in Russian).
8. Rathmayer R. *Russkaya rech’ i rynek: traditsii i innovatsii v povsednevnom obshchenii* [The Russian Speech and Market: Traditions and innovations in everyday communication]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul’tury Publ., 2013. 456 p. (in Russian).
9. Rudneva E. A. *Antropologiya veshlivosti: obshchie i lokal’nye normy vzaimodeistviya* [The anthropology of politeness: general and local norms in everyday communication]. *Antropologicheskii Forum* [The Anthropological Forum], 2016, vol. 30, pp. 215–242 (in Russian).
10. Brown P., Levinson S. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. 2nd ed. Cambridge, CUP, 1987. 348 p.
11. Kádár D. Z., Haugh M. *Understanding Politeness*. Cambridge, CUP, 2013. 296 p.
12. Leech G. *Principles of Pragmatics*. London, New York, Longman, 1983. 250 p.
13. Locher M., Watts R. *Politeness theory and relational work*. *Journal of Politeness Research*, 2005, vol. 1, no. 1, 2005, pp. 9–33.
14. Mills S. *Gender and Politeness*. Cambridge, CUP, 2003. 270 p.
15. Stewart M. *Politeness In Britain: ‘It’s only a suggestion’*. *Politeness in Europe*. Clevedon, Buffalo, Toronto, Multilingual Matters Ltd., 2005, pp. 116–129.
16. Watts R. *Politeness*. Cambridge, CUP, 2003. 308 p.
17. Spencer-Oatey H. (Im)politeness, face and perception of rapport, *Journal of Politeness Research*, 2015, vol. 1, no. 1, pp. 95–119.
18. Dementyev V. V. *Nepryamaya kommunikatsia* [The Indirect Communication]. Moscow, Gnosis Publ., 2006, 376 p. (in Russian).
19. Shchurina Yu. V. *Shutka* [A joke]. In: *Antologiya rechevykh zhanrov: povsednevnyaya kommunikatsia* [The Anthology of Speech Genres: Everyday communication]. Moscow, Labirint Publ., 2007, pp. 284–294 (in Russian).
20. Kienpointner M. *Varieties of rudeness: Types and functions of impolite utterances*. *Functions of Language*, 1997, vol. 4, no. 2, pp. 251–287.
21. Dynel M. *No aggression, only teasing: The pragmatics of teasing and banter*. *Lodz Papers in Pragmatics*, 2008, vol. 4, no. 2, pp. 241–261.
22. Haugh M., Bousfield D. *Mock impoliteness, jocular mockery and jocular abuse in Australian and British English*. *Journal of Pragmatics*, 2012, vol. 44, pp. 1099–1114.
23. Culpeper J., Haugh M., Sinkeviciute V. (Im)politeness and mixed messages. *The Palgrave Handbook of Linguistic (Im)politeness*. London, Palgrave MacMillan, 2017, pp. 323–355.
24. Lotman Yu. M., Uspenskiy B. A. *Rol’ dual’nykh modeley v dinamike russkoy kultury (do kontsa XVIII veka)* [The role of the dual models in the dynamics of the Russian culture (up to the end of the XVIII century)]. *Uspenskiy B. A. Izbrannye trudy: v 2 t. T. I. Semiotika istorii. Semiotika kultury* [Uspenskiy B. A. The Selected Papers: in 2 vols., vol. 1. Semiotics of History. Semiotics of Culture]. Moscow, Gnosis Publ., 1994, pp. 219–254 (in Russian).
25. Dementyev V. V. *Kommunikativnye tsennosti russkoi kul’tury: kategoriya personal’nosti v leksike i pragmatike* [The Communicative Values of the Russian Culture: the Category of Personality in Lexics and Pragmatics]. Moscow, GlobalKom Publ., 2013. 336 p. (in Russian).
26. Kuznetsov S. A. *Bolshoi tolkovyi slovar’ russkogo yazyka* [The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p. (in Russian).
27. Sannikov A. V. *Vysmeivat’, osmeivat’, vyshchivat’, zasmeyat’* [To Ridicule, to Mock, to Make Fun of, to Laugh to Scorn]. In: *Novyi ob’yasnitelnyi slovar’ sinonimov russkogo yazyka* [The New Explanatory Dictionary of Synonyms of Russian Language]. 2nd ed. Moscow, Shkola “Yazyki slavyanskoy kul’tury” Publ., 2003, pp. 206–209 (in Russian).
28. Dal’ V. I. *Tolkovyi slovar’ zhivogo velikorusskogo yazyka* (The Explanatory Dictionary of the Lively Great Russian Language). Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/314502> (Accessed 18 November 2017) (in Russian).
29. *Novyi Bolshoi Anglo-Russkiy Slovar’*: v 3 t. [The New Big Anglo-Russian Dictionary: in 3 vols]. 5th ed. Moscow, Rus. yaz. Publ., 2000 (in Russian).
30. *Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English*. 6th ed. Oxford, OUP, 2000. 1539 p.
31. Karasik V. I. *Kontseptualizatsia nasmeshki v yazykovom soznanii* [The conceptualisation of mockery in the language consciousness]. In: *Kommunikatsia. Myshlenie. Lichnost’* [Communication. Thinking. Personality]. Saratov, ITs “Nauka”, 2012, pp. 231–241 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 01.12.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Леонтьев В. В. Речевое подтрунивание в русской и английской лингвокультурах // *Жанры речи*. 2018. № 2 (18). С. 119–126. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-119-126

For citation

Leontyev V. V. Banter in Russian and English Linguacultures. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 119–126. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-119-126

УДК 81'38:34

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-127-135

О. Ю. Авдевина
Саратов, Россия

Olga Yu. Avdevnina
Saratov, Russia

ДЕЛО (ЖАНР, КОНЦЕПТ, СЛОВО) В АНТРОПОЛОГИИ ПРАВОВОЙ СФЕРЫ

CASE (GENRE, CONCEPT, WORD) IN LEGAL SPHERE'S ANTHROPOLOGY

Статья посвящена когнитивному осмыслению дискурсивной отнесенности и жанровой природы двух феноменов юридического и делового дискурсов: документа с названием Дело и самой номинации – слова и понятия дело. Автор показывает, что концептуальной основой этих феноменов являются две смысловые категории, которые оказываются смежными в концептуализации социального бытия – это деятельностная, событийная основа общественных отношений (дело, деяния) и социальная концепция человека (лицо, личность). Жанровая специфика Дел юридической сферы обнаруживается в процессах вторичной концептуализации представлений об этих документах в культуре и художественной рефлексии.

Ключевые слова: личное дело, уголовное дело, вторичная концептуализация, фабула дела, виртуальный жанр, антропоцентрическая концепция, личность.

The article is dedicated to cognitive representation of discourse and genre interrelation of two phenomenon of legal and business discourses: the document with the title “Case” and the very nomination – the word and the concept “business”. The author shows that conceptual foundation of these phenomena is two mental categories which are closely-related in conceptualization of social existence: these are actional nature of social relations (business, affairs) and social conception of an individual (person, personality). The genre specifics of Cases belonging to legal sphere can be seen in the process of secondary conceptualization of these documents' representation in cultural and artistic reflection.

Key words: personal record, criminal case, secondary conceptualization, the case's plot, virtual genre, anthropological conception, personality.

Сведения об авторе: Авдевина Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и культуры речи.

Место работы: Саратовская государственная юридическая академия.

E-mail: olga.rosauz@gmail.com

ORCID 0000-0002-2239-3285

About the author: Avdevnina Olga Yur'evna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language and Culture of Speech Department.

Place of employment: Saratov State Law Academy.

E-mail: olga.rosauz@gmail.com

ORCID 0000-0002-2239-3285

Дискурсивный статус Дела: дефиниции, когнитивная структура, функции

Предложенные в данной статье размышления о дискурсивной, жанровой и когнитивной природе такого неоднозначного феномена деловой и юридической сферы¹, как дело, являются продолжением анализа интердискурсивности лексемы дело, формируемой в результате вторичной концептуализации, прежде всего, документа, который оно обозначает, вследствие чего и это слово не просто усложняет свою семантику, но и приобретает признаки концепта. Наблюдения над этими

процессами и были изложены в нашей статье [1].

Лексема дело была рассмотрена в рамках ее семантической трансформации как номинативного средства, являющейся результатом интеграции этого слова из сферы обозначения юридических событий в область художественной или риторической их интерпретации. В частности, отмечалось, что именно эта миграция слова из одного дискурсивного пространства в другое, обуславливающая его интердискурсивность, позволяет вести речь о значимости и слова, и феномена, который этим словом обозначается, в дискурсе-доноре:

¹Считаем возможным в рамках данного исследования принципиально не разводить понятия деловой и юридической (правовой) сфер, понимаемых как те области социальной жизни, общественной коммуникации, социокультурных условий реализации языка, которые организуются деловым общением. Во-первых, эти сферы близки по коммуникативной и стилистической природе: так, деловое общение можно определить как коммуникативную реализацию управленческих, профессиональных, производственно-экономических, в том числе и правовых общественных отношений, юридическая сфера отношений, таким образом, пересекается с деловой. Во-вторых, такая разновидность документа, как Дело, отличает специфику документооборота в равной мере и в делопроизводстве, и в юридической деятельности.

деловой и юридической сфере, в той разновидности документации, которая и называется *Дело*.

Уже само слово маркирует специфику юридического дискурса в основных его аспектах: *коммуникативном* (ситуации, цели, характер общения), *когнитивном* (стиль мышления, принципы подачи и интерпретации информации, взаимодействие с другими средствами когниции: наименованием лиц, обозначением событий, антропологическими и нарративными понятиями) и *историко-культурном* (обозначение исторических событий, формирование художественных концептов) [1: 143]. Некоторыми исследователями предпринимаются даже попытки представить реализацию лексемы *дело* в юридической сфере как систему полевой модели – концептосферу, организованную постоянно меняющимся взаимодействием лингвистических и экстралингвистических факторов [2].

Понятно, что ни изучение трансформации юридических концептов, ни реконструкция юридического дискурса в целом, например, его жанровой организации, герменевтической и императивной модальности юридических письменных текстов как одной из примет правового мышления, не возможны без анализа дискурсивно-жанровой, когнитивной и лингвокультурологической специфики такого своеобразного феномена деловой жизни, как сам документ *Дело*. Именно *Дело* в основных разновидностях этого документа (*Личное дело, персональное дело, Уголовное дело, гражданское дело, административное дело*²) является основной формой фиксации важнейшей для деловой и юридической сферы информации, интерпретации юридически значимых событий.

Документ, названный *Делом*, как и большинство официальных документов, отличается институциональностью и регламентированностью создания и функционирования, проявляющихся, прежде всего, в официальной закреплённости дефиниции понятия и стандартизации оформления документа. Так, документоведческое определение *Дела* содержится в «Государственном стандарте РФ...» (в разделе «Организация работы с документами»): *делом* называется «совокупность документов или документ, относящихся к одному вопросу или участку деятельности, помещённых в отдельную обложку» [3]. В этом значении номинация *дело* используется в качестве родового обозначения разных видов докумен-

тов и их совокупностей, дифференцированных в системах номенклатуры, архивирования, фондирования и т. д. [3].

При этом надо иметь в виду, что в «Государственном стандарте РФ...» регламентируются не композиционные и даже не содержательные требования к формированию *Дела*, а его место в делопроизводстве и действия, операции по его использованию в документообороте. Кроме вывода о безусловной терминированности понятия и институциональности документа, эта информация мало что даёт для понимания дискурсивной его природы.

То же можно сказать и о его разновидности, использующейся в учете кадров – так называемом *Личном деле* работника. Порядок его составления и некоторые требования к информации (например, к истребованию и хранению *персональных данных* человека) тоже регламентируются нормативными документами, например, Федеральными законами: «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (ст. 42 «Персональные данные гражданского служащего и ведение *личного дела* гражданского служащего») [4], «О муниципальной службе в Российской Федерации» (ст. 30 «Порядок ведения *личного дела* муниципального служащего») [5] и «О прокуратуре Российской Федерации» (ст. 41.2 «*Личное дело* прокурорского работника») [6]. Но и эти материалы не дают ни определения понятия, ни квалификации функций документа, ни каких-либо предписаний, позволяющих однозначно истолковать его дискурсивную и жанровую природу.

Однако само упоминание документа в правилах, законах, инструкциях и т. д., а также активное использование его обозначения (*Дело, Личное дело*) в делопроизводстве и документообороте – важнейшей сфере делового общения – свидетельствует не только о высокой степени дискурсивно-терминологической обусловленности понятия, но и о том, что этот документ в значительной мере определяет системность и функциональную специфику делового дискурса в части текстовой фиксации деловой информации.

Материалы ГОСТов, законов и других источников регламентации *Дела* дают некоторые наблюдения о когнитивной составляющей как документа, так и его номинации. Во-первых, обнаруживается, что характерный для большинства документов императивно-функциональный параметр (императивная модальность и функции предписания, распоряжения,

²Выбор прописной или строчной букв в обозначении этих понятий связан с традицией использования словосочетания в качестве названия документа. Так, *Дело №, Личное дело №, Уголовное дело №*, хотя и не являются собственными названиями, используются в их функции (обозначаются на картонной папке с материалами дела), в отличие от других названных номинаций: *административное дело, гражданское, персональное*.

рекомендации, просьбы и т. п.) оказывается в *Деле* значительно ослабленным, имплицитным, потенциальным. *Дело* составляется с перспективой его использования в качестве источника информации, но не средства предписания. В этом функциональное его своеобразие – и не только в делопроизводстве, но и в культуре. Событийный каркас *Дела*, который тематически и композиционно упорядочивает совокупность собранных в нем текстов, почти не имеет аналогов в системе документных текстов (разве что протоколов) и сближает его с иными формами повествования о людях и событиях – художественными и публицистическими (рассказ, повесть, очерк, хроника, мемуары и т. п.). Вероятно, именно поэтому и становится возможной вторичная, например художественная, концептуализация представлений о документе и интерпретация его содержания (см. ниже).

Во-вторых, в документной концепции *Дела* своеобразно реализуются представления о социальной структурированности личности и ее параметрах как единицы социума (см. инструкцию по фиксации персональных данных), представления об общественной ценности человека. Так, эти представления оказываются неотъемлемо связаны с идеей социальной природы *действий, деятельности* (по глаголу *делать*, от которого и образуется девербатив *дело*) – и не только индивидуума, но и группы лиц, организации, учреждения и т. п. (лиц юридических). Любая форма социального существования в деловой сфере предстает как сознательный динамический процесс – деятельность³ и может быть подведена под презентацию в документе, называемом *Делом*.

Понятие документации (как совокупности разнородных документов), обозначенной номинацией *Дело*, занимает центральное место и в юридической сфере, в которой *Дело* – это совокупность материалов, связанных с фиксацией юридически значимых событий. Юридические *Дела* классифицируются по отраслям права: *уголовное дело, гражданское дело и административное дело* (и те же разновидности в судах апелляционных инстанций) [9]. Действия по их ведению (заведению, формированию, прекращению, закрытию), хранению, некоторым требованиям к содержанию, реквизиционному оформлению, ответственности и т. п. тоже, как и в случае с *Делами* в делопроизводстве, регламентируются нормативными документами, в данном случае – процессуальными кодексами, соответствующими отраслям права (уголовной, гражданской, административной).

Активно оперируя этими понятиями, и эти документы тоже не дают даже определения понятия *дела* – родового по отношению к названиям этих видов процессуальных документов, не формулируют содержательных, композиционных и иных текстовых параметров этого документа, которые помогли бы реконструировать его жанровую специфику в юридической сфере. Можно предположить, что юридическое толкование *Дела* опирается на дефиницию ГОСТа (см. выше) предельно обобщенного характера.

Юридические терминологические словари толкуют понятия *уголовное дело, гражданское дело* в аспекте не документооборота, а судопроизводства: как процессы, а не как документы. В случае с толкованием, например, термина *уголовное дело* на эту «процессную» основу понятия указывает юридическая метафора *возбудить уголовное дело*: уголовное дело – «дело, *возбужденное* (здесь и далее курсив мой. – О. А.) в установленном законом порядке в каждом случае *обнаружения* признаков преступления. Рассматривается и разрешается судом по материалам *дознания* и предварительного *следствия* или протокольной формы *досудебной подготовки* материалов уголовного дела» [10].

Аналогично и определение гражданского дела: это «любое дело, рассматриваемое в суде в порядке, предусмотренном гражданско-процессуальным законодательством. К гражданским делам относятся дела: по *спору* о гражданском праве, по *жалобе на действия* органов управления или должностных лиц, совершенные с *нарушением* полномочий, ущемляющие права граждан; об *установлении фактов*, имеющих юридическое значение, и другие дела особого производства» [Там же].

В обоих определениях лексика процессной семантики (эти слова в определениях выделены курсивом) является центром толкования понятия, поэтому и сами эти понятия базируются на несколько иных когнитивных основаниях, нежели *Дело* в сфере бюрократической деятельности (см. выше): не столько на антропоцентрических, сколько на процессных представлениях о праве.

Правовая сфера в этих понятиях концептуализируется как корреляция двух видов правовых процессов: с одной стороны – *деяний, действий*, подлежащих правовой оценке – юридического события, и с другой – процессов их расследования и рассмотрения в суде – судопроизводства. Эта когнитивная основа юридического *Дела* тоже небезразлична к выражению антропоцентрических представ-

³См. значение слова *деятельность*: 'работа, занятие в какой-либо области' (МАС) [7]. О социальной основе концепта *деятельность*, проявляющейся в некоторых словоупотреблениях, см. работу [8].

лений, но они имплицитны в большей степени, чем, например, в *Личном деле*, и проявляются только во вторичной концептуализации документа и его номинации (подробнее об этом см. [1]).

Значение же 'документ', 'совокупность документов', 'письменная фиксация результатов сбора материалов, расследования, судопроизводства' хотя и имплицитно содержится в содержании понятий, но не исчезает совсем, обнаруживаясь в таких употреблениях, как *завести уголовное дело* (в значении 'начать сбор документов'), *многотомное уголовное дело, сдать дело в архив, вложить в дело, хранить дело* и т. п.

Предварительными итогами определения дискурсивного статуса *дела* могут служить следующие наблюдения:

1) *дело* как документ и понятие является центром организации информационного и процессного аспектов делового и юридического дискурса⁴;

2) и документ, и его обозначение реализуют, прежде всего, институциональную природу названного дискурса: в большей степени регламентируется, конечно, оформление и функционирование документа, в меньшей – использование понятия и номинация документа;

3) когнитивную структуру документа и понятия составляют две основные разновидности представлений: о социальных параметрах человека (антропоцентрические представления) и о событийной, процессной сущности правовых отношений (представления о *деле-деятельности* человека и общества, *деяниях* – действиях и событиях, оцениваемых в аспекте соблюдения законности, и процессах, связанных с судопроизводством);

4) попытки специального терминологического толкования *дела* через понятия *документации, совокупности документов*, объединенных в одно целое, свидетельствуют о том, что в *деле* реализуется сложный многоаспективный и многоаспектный характер деловой и юридической дискурсивной практики, в которой любое социально значимое действие получает свою письменную фиксацию, действие срастается с письменной формой речи. *Дело* же как документ (в любой его разновидности) может рассматриваться как форма документной фрагментации человеческой деятельности, общественной жизни в деловой и правовой сфере: оно представляет социальное бытие как расчлененное на ряд событийных формаций, интерпретирует его сообразно

информационно-смысловой организации дискурса, давая материал для интерпретаций другого рода, благодаря чему и возможна вторичная концептуализация и понятия, и самого документа.

Жанровая характеристика *дела*: постановка вопроса

Он вернулся домой, купив по дороге твердую желтую папку с ботиночными тесемками.

– Ну? – спросили в один голос истомленные желанием Балаганов и Паниковский.

Остап молча подошел к бамбуковому столику, положил перед собой папку и крупными буквами вывел надпись:

«Дело Александра Ивановича Корейко. Начато 25 июня 1930 года. Окончено го дня 193. . г.»

Из-за плеча Бендера на папку молча смотрели молчаливые братья.

– Что там внутри? – спросил любопытный Паниковский.

– О! – сказал Остап. – Там внутри есть все: пальмы, девушки, голубые экспрессы, синее море, белый пароход, мало поношенный смокинг, лакей-японец, собственный бильярд, платиновые зубы, целые носки, обеды на чистом животном масле и, главное, мои маленькие друзья, слава и власть, которую дают деньги.

И он раскрыл перед изумленными антилоповцами пустую папку.

И. Ильф, Е. Петров «Золотой теленок»⁵

Дело, без сомнения, выполняет не только функцию регламентации юридической информации – выполнения обязательного для этой сферы требования документирования и систематизации любой информации, имеющей юридическую силу, но и функцию организации деловой коммуникации. Так, оно составляет определенную цель, и эта цель (в случае с юридическим делом) – не просто архивирование информации, а такая ее полнота, последовательность и системность, которая позволит использовать этот документ в суде и подчинить ему судебное производство. Предсудебное расследование гражданских конфликтов или преступлений и их судебное рассмотрение является центром юридической деятельности, а информация об этой деятельности документируется в *Деле*. Поэтому, изучая юридический дискурс, его текстовую специфику, невозможно обойти без дискурсивно-жанровой квалификации этого феномена.

При этом к нашему стремлению интерпретировать *Дело* в аспекте жанровой формации следует относиться, прежде всего, как к попытке определить место этого документа в системности делового/юридического дискурса

⁴ Стоит обратить внимание на то, что слово *дело* является внутренней формой самих обозначений этой разновидности дискурса: *деловая сфера, делопроизводство* и т. д.

⁵ Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. Золотой теленок. М.: Правда, 1987. С. 474.

са, реконструкции в нем жанрообразующих признаков, пока еще не предполагающей однозначной квалификации его жанрового статуса.

Не являясь целостным текстом, а лишь множеством собранных в одну папку⁶ документов, совокупностью разнородных текстов, даже не всегда деловых или юридических: заявлений, протоколов, возражений, ходатайств, справок, официальных запросов/ответов, иногда – материалов СМИ, личных писем, рекламных текстов, товарных знаков, чеков и т. п. – *Дело* характеризуется целостностью, связностью и внутренней организацией элементов, частей, регулярностью воспроизведения подобных совокупностей, собранных под единым названием *Дело* – и целым рядом других признаков, которые обнаруживают в нем природу некоего единства, претендующего на квалификацию его в качестве жанра деловой речи. Но является ли оно при этом жанром? Если да, то жанром каким: речевым, жанром коммуникации, жанром документа?

Являются ли жанром другие совокупности документов: наборы документов для поступления в вуз, на получение водительских прав или даже *Личное дело* сотрудника учреждения? Равноценны ли в структурном, коммуникативном, дискурсивном, культурологическом плане все эти совокупности документов и юридическое *Дело*?

В случае с любой разновидностью *Дела* (кадрово-учетной документации, материалов уголовного следствия, гражданского судопроизводства и т. п.) их изучение осложняется недоступностью этих материалов. Ознакомление с юридическими *Делами* ограничено служебными инструкциями, например распоряжениями Судебного департамента РФ [9]. Согласно правилам, доступ к тому или иному *Делу* имеют уполномоченные служебные лица или стороны судебного разбирательства и их представители при определенных условиях. Проще познакомиться с *Личным делом*, да и то мы имеем возможность видеть чаще всего только свои документы и только по особым запросам в особых ситуациях.

Дело любой разновидности, тем более юридическое, это документация служебного пользования. Однако практика лингвистической экспертизы дает возможность и филологу иногда заглядывать в эту святая святых труда профессиональных юристов. Правила проведения экспертного анализа иногда предусматривают ознакомление не только с текстом, предназначенным для экспертизы, но и со всем

Делом. В экспертной практике автора этой статьи были материалы об оскорблении чести и достоинства личности, клевете, недобросовестной скрытой рекламе, двусмысленности публично высказанных заявлений и наличии призывов к экстремизму и национальной розни. Объектами экспертизы служили в основном газетные публикации, далеко не всегда являющиеся центром судебного разбирательства. В целостной формации *Дела* эти тексты были звеном в цепочке предстоящих на его страницах событий и человеческих отношений, и именно в этом контексте формировался идеологический, политический, психологический подтекст, который во многом влиял на трактовку анализируемых текстов. В этой целостности, событийной связи всех разнородных материалов *Дела* каждый его элемент напитывался особым смыслом, которого вне *Дела* не имел.

Налицо один из важнейших признаков жанра, который А. Н. Баранов определял как упорядочение дискурсивной практики: речевой жанр с точки зрения дискурса – это «сценарий (алгоритм) использования дискурсивных практик при выражении соответствующего содержания, т. е. в жанре дискурсивные практики предстают не как неструктурированное множество, а как структура, фиксированная последовательность, и связываются с конкретным коммуникативным намерением» [11: 147].

Главным фактором связности материалов юридического *Дела* выступает нарративно-событийный фактор, что вообще характерно для юридического дискурса. Нарративная основа *Дела* двойственна: она включает внутреннюю фабулу (последовательность расследуемых деяний или отношений – так называемую «фабулу дела») и внешнюю (последовательность досудебного расследования и судебного рассмотрения – «сюжет» дела, определяющий его композицию).

Оба этих нарративных направления получают вторичное осмысление в различных повествовательных жанрах, призванных рассказать о событиях *Дела* ярко и художественно, но с достоверностью документа, на контрасте живости человеческих переживаний, драмы, даже трагедии, и сухости фактов, фиксированных в документе. Именно так строятся популярные сегодня жанры документальных сериалов с сюжетной основой реальных событий. Это документальные детективы: «Легенды советского сыска», «Незримый бой», «Следствие вели с Леонидом Каневским», «Вне закона: ре-

⁶Папка – обязательный материальный атрибут внешнего оформления *Дела* (словарное значение слова *папка* по МАС – «обложка из картона для хранения бумаг» [7]), в том числе документов *Дела* тоже нередко подвергается художественной концептуализации в процессе символизации социальных феноменов, в данном случае атрибутов делопроизводства – см., например, «папка с ботиночными тесемками» в эпиграфе к данной части статьи.

альные расследования», «Советские мафии», «Раскрыть и доказать». В номинации фильма часто используется конструкция «Дело о ...», которая нередко замещается художественным заголовком: «Мясная мафия», «Смертный грех», «Чужая кровь», «Железные человечки», «Пуля для маэстро», «Черная кошка с берегов Невы», «Дуэль», «Всех убью, один останусь!», «Бомба в трамвае» и т. п., актуализируя двойственность (отчасти даже гротескную или парадоксальную) повествования о событиях.

В содержание этих произведений обязательно включается и характеристика исторической эпохи, времени события. Так, приметой жанра документального детектива является обязательность акцента на какой-то бытовой детали: джинсы 70-х годов, пирожное «картошка» домашнего приготовления, сумки-авоськи, бирки советской прачечной и т. п., которая в контексте расследования сыграла ту или иную роль.

Еще один прием художественной интерпретации излагаемого в фильме реального уголовного расследования – установление параллели (схожести деталей преступлений, психологических портретов действующих лиц и т. п.) между ним и элементами сюжета художественного фильма, «знакового» для отечественной культуры, с детективной основой или ярким эпохальным (советским) колоритом: «Место встречи изменить нельзя», «Брильянтовая рука», «Любовь и голуби» и т. д. В обозначении вторичных киносюжетов нередко обыгрываются названия известных художественных сюжетов и другие прецедентные феномены культуры: «Двое в лодке, не считая убийцы», «Джентльмены неудачи», «Тюрьма для золушки», «Красавицы и чудовище», «Нехорошая квартира», «Осенний марафон», «Влюблен и очень опасен» и т. п.

Нередко в фабулу деяния вплетается повествование о ходе расследования, сборе улик и доказательствах, материализующихся в тех справках, результатах экспертиз, протоколах допросов и т. п., которые и формируют *Дело* как «совокупность документов». Цель фильма в данном случае – показать (опять же сложно, двойственно: на контрасте с сухостью документа) тяжелый труд, героизм, смекалку работников милиции, их самоотверженность и профессионализм.

Ничего этого не было бы во вторичном осмыслении событий *Дела*, если бы не было в самом документе.

Именно возможность вторичной концептуализации *Дела* подтверждает его жанровую природу. Об этом пишет, например, Г. Г. Слышкин, который называет этот процесс рефлексии над феноменом языка, речи и коммуникации *метаконцептуализацией*, а его продукт ме-

таконцептом: «Метаконцептуализации могут подвергаться как конкретные продукты речевой деятельности (прецедентные тексты), так и более абстрактные лингвистические категории, например *речевые жанры* (выделено нами. – О. А.) [12: 38].

Г. Г. Слышкин также отмечает разные приемы и разные проявления метаконцептуализации. К ним относится, например, художественная стилизация жанра и рефлексия над словом – его номинацией. На моделировании *Дела* как юридического документа отчасти построено, например, сюжет сатирического романа И. Ильфа, Е. Петрова «Золотой теленок», процитированного в этом разделе статьи, художественная актуализация номинации жанра подробно проанализирована нами в работе [1], языковая игра с этим словом: *нет тела – нет дела* и т. п. Считаем, что эти процессы косвенно подтверждают жанровую природу документа *Дело*.

На жанровый формат *Дела* указывает и возможность проекции на его структуру классической жанровой схемы «тема – композиция – стиль», и таких типичных для жанровых формаций параметров, как диалогичность, оппозиция «прошлое/будущее» (*Дело* – это всегда расследование прошлых событий с целью будущего судебного рассмотрения), наличие адресата (суд), коммуникативная цель (правовая оценка деяния, доказательство вины или невиновности), коммуникативный императив (в *Деле* это убеждение, аргументация), социальная функция, участие жанра в параметризации речи, определение жанров «как средств социального взаимодействия». Совокупность этих и многих параметров, репрезентирующих ту или иную форму как жанр, подробно рассмотрена в работе В. В. Дементьева [13: 55], и именно на нее мы опираемся в анализе жанрового статуса *Дела*.

Реконструкция этих и других признаков жанра в такой формации, как *Дело*, объясняют его роль в формировании системности делового и юридического дискурса. Но особенно нам дорога концепция о прагматическом содержании жанра, благодаря которой жанр может и должен изучаться не только «в связи с “человеком говорящим”», но и непременно в диалогическом контексте коммуникативной ситуации, а также – более широко – в контексте национально-речевой, социальной, духовной культуры» [Там же: 53]. А именно этот аспект – достаточно вольное фланирование понятия *Дела* и самого слова в коммуникативном, культурном, концептуальном пространстве, – и подвигнул нас на то, чтобы более пристально взглянуть на этот феномен с точки зрения его формально-текстового и социоречевого происхождения.

Таким образом, простое осмысление жанровой природы *Дела* позволяет выявить следующие признаки жанра в этой разновидности текстовой формации.

1. *Дело* характеризуется целостностью и связностью структуры (текста или макротекста), обеспечивающихся наличием нарративного каркаса (например, *фабулой дела*), диалоговой структурированностью (отражение в материалах дела состязательности судебной тяжбы), антитетичностью (имплицированием вопроса, запроса и ответа, утверждения – опровержения), единством названия, формальной композицией (*Дело* имеет нумерацию страниц), использованием этого документа как единого текста (чтение, ознакомление, ссылки, цитирование, хранение и т. п.).

По признаку «совокупности документов» его нельзя поставить в один ряд с простыми наборами документов (например, совокупностью справок на операцию), потому что его элементы объединяет не столько служебное предназначение, сколько подчиненность общему сюжету: реконструируемым, доказываемым событиям со всеми их элементами (участниками событий, обстоятельствами, последовательностью и т. п.). В случае с *Личным делом* этим сюжетом является человек как социальная единица – личность, лицо.

2. Функционирование *Дела* отличает повторяемость его структуры в социальной сфере, его типичность для той или иной сферы дискурсивной практики. Типизация ситуации и ее описания, характерная для любого жанра, здесь определяется сферами или документальной фиксации личной, актуальной для делопроизводства информации (*Личное дело*), или фиксации и правовой интерпретации юридически значимых событий, их расследования и рассмотрения в суде (*Уголовное дело, гражданское дело*).

3. Жанр *Дела* отличается стилевым единообразием – однозначной отнесенностью к деловому стилю.

4. Признак институциональности делового и юридического дискурса проявляется не только в информативной обусловленности содержания *Дела*, но и в унификации, стандартизации его оформления, настолько строгих, что требует императивных предписаний и профессиональных навыков, как и многие другие жанры деловой сферы. Поэтому *Дело* может быть рассмотрено в аспекте и этого параметра делового и юридического дискурсов.

5. Институциональности и дискурса, и *Дела* может быть противопоставлена его потенциальная имплицитность: в *Деле* сказано всегда больше, чем содержат входящие в него документы. Они имплицитно содержат причины, следствия, обстоятельства, возможные последствия и да-

же чаяния его составителей: *пальмы, девушки, голубые экспрессы, синее море, белый паром, мало поношенный смокинг...*

Именно это виртуальное смысловое гиперпространство, имплицированное в *Деле*, и создает основу для его художественного осмысления, вторичной концептуализации, усложняющей, в конечном счете, представления о самом документе и функционирование его номинации. Регулярность этого процесса позволяют расценивать и понятие о документе, и лексему *дело* как концепты интердискурсивного характера.

Дело и личность как социокультурный код

В словоупотреблении *дела* обнаруживается тесная связь этого концепта с антропоцентрическими представлениями – о человеке и его месте в обществе. Так, одним из значений этого слова оказывается синтаксически связанное значение: 'То, что непосредственно, близко касается кого-, чего-либо, входит в чье-либо ведение, задачи, обязанности и т. п. *Считать что-либо своим делом. Лезть не в свое дело. Это мое личное дело*' [7].

Оно проявляется в сочетаниях этого слова с определением 'чье' субъектно-характеризующей семантики: *мое дело, его дело, наше дело, персональное дело, личное дело, это дело родителей – учить или не учить ребенка музыке* и т. д. – т. е. 'интерес', 'цель', 'компетенция', 'обязанности', 'полномочия' и т. п. Часть этих значений имеет непосредственное отношение к смысловому пространству делового и юридического дискурсов, к оформлению концепции личности как социально детерминированной антропоцентрической категории.

Так, к устойчивым употреблениям слова *дело* относятся такие его сочетания, как *мое (твое, ваше и т. д.) дело* – 'обязанность, интерес касается только определенного лица', *не мое (не твое и т. д.) дело* – 'не касается названного лица, не имеет к нему отношения', *мое (твое и т. д.) дело сторона, мое (твое и т. д.) дело маленькое, не моего (твоего и т. д.) ума дело*.

Особым значением социальной ценности внутреннего мира человека, высокой степени его самосознания и эгоцентризма, автономии личности в обществе обладают выражения *личное дело* и *персональное дело*:

– *Занято, дядя! Дамы приглашают кавалеров.*

– *А ты что, дама?*

– *А это мое дело, персональное* (цитата из фильма Г. Н. Данелии «Афоня»).

В основном это обусловлено концептуальным содержанием слов *личность* и *персона*,

получившим в культуре именно социоцентрическое осмысление. Тому есть множественные подтверждения в рефлексии некоторых писателей (А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь) по поводу слов *личность*, *лицо* – ‘известный человек’, ‘социальная оценка человека’ (*перейти на личности*)⁷. Этот аспект антропоцентрических представлений имеет множество семантических ярусов, рассмотрение которых не входит в тему данной статьи.

Нас интересует то, как два семантических вектора: ‘дело’ и ‘личность’ – переплетаются в концептуализации документной сферы. И это переплетение, слияние мы имеем в феномене тех видов документов, которые относятся к советскому прошлому, к существованию человека в социуме как в коллективе: *Личное дело*, *Персональное дело* – материалы не о правонарушениях, а о поступках, осуждаемых коллективом. Это не юридические дела и не кадрово-учетная документация – это что-то среднее между деловым документированием и нормативной, близкой к правовой, оценке человека. Это одна из форм взаимодействия человека и коллектива: нейтрального (*Личное дело* кандидата в члены партии) и негативного (*Личное дело*, *Персональное дело* – материалы для публичного общественного порицания). В последнем значении номинация *дело* может использоваться и без определений (*Дело Зощенко*, *Дело Ахматовой*). И в этом случае речь идет о личности и ее осуждении властью или обществом.

Событийная, процессная основа, актуальная в делах юридических, сдвигается на периферию: те или иные поступки личности только повод для *Персональных дел*, в центре осуждения сама личность, ее мировоззрение, конформизм по отношению к коллективу, образ мыслей, непохожесть, особость и т. д. Любопытно, что и в этом случае выбирается номинация *дело* и модель юридического документа, подобная разобранным нами выше⁸, со своей спецификой, но в той же *папке с ботиночными тесемками*.

Сам документ дает нам два социальных портрета человека: человек в коллективе и вне коллектива. Характерно, что автономия личности подчеркивается использованием в названии документа не только слов *личность* и *персона*, но и слова *дело*. Это два центра социальных представлений о человеке: его деяния (*дело*) и социальное содержание

(*личность*). Разные виды документов концентрируют информацию то одного, то другого полюса этого социального смысла. И, на наш взгляд, именно это противопоставление дает ключ к пониманию не только дискурсивной и жанровой природы анализируемых феноменов, но и к изучению системности самих дискурсов: делового и юридического.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеевнина О. Ю. Слово-концепт дело в русском интердискурсе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 2. С. 137–144.
2. Скрипичникова Н. С. Ключевые концепты в профессиональном дискурсе работников правоохранительных органов // Вестн. Челябин. гос. ун-та. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 120–123.
3. Государственный стандарт РФ Р 51141–98 «Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения», 1998. URL: <http://www.sekretariat.ru/glossary#2.2.2.13> (дата обращения: 10.10.2017).
4. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/4b20ccb19b4339e316d0ba17d61229bf8a375ae6/ (дата обращения: 10.10.2017).
5. О муниципальной службе в Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ (ред. от 26 июля 2017 г.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/4b20ccb19b4339e316d0ba17d61229bf8a375ae6/ (дата обращения: 10.10.2017).
6. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 29 июля 2017 г.): с изм. и доп., вступ. в силу с 10 августа 2017 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/4b20ccb19b4339e316d0ba17d61229bf8a375ae6/ (дата обращения: 10.10.2017).
7. Словарь русского языка: в 4 т. Изд. 3-е, стереотип. / под ред. А. П. Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 702 с. (MAC).
8. Авдеевнина О. Ю. Действительность и очевидность // Русская речь. 2009. № 5. С. 39–46.
9. Об утверждении Инструкции по судебному делопроизводству в районном суде: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 29 апреля 2003 г. № 36 (с изменениями и дополнениями). URL: <http://base.garant.ru/12131174/#friends#ixzz4tktb3E8L> (дата обращения: 9.09.2017).
10. Большой юридический словарь. М.: Инфра-М, 2003.
11. Баранов А. Н. Лингвистическая экспертиза текста: теоретические основания и практика. М.: Флинта, 2013. 592 с.
12. Слышкин Г. Г. Речевой жанр: перспективы концептологического анализа // Жанры речи. Саратов:

⁷В. И. Карасик пишет, например, о слове *лично* как о маркере особой институциональности делового дискурса советской поры [14] в контекстах типа: *Леонид Ильич присутствовал лично...* и т. п.

⁸Само информационное и языковое наполнение жанра здесь не очень актуально, как, впрочем, и в предыдущих случаях; можно не очень беспокоиться по поводу недоступности материалов конкретных дел для изучения: они мало что добавляют к пониманию их жанровой и дискурсивной природы. Важно само место этих явлений документной сферы и в культуре, след, который они оставили в истории культурных событий, и представления об обществе и человеке, которые «застыли», «схватились» в этих формах словесности.

ГосУНЦ «Колледж», 2005. Вып. 4. Жанр и концепт. С. 34–49.

13. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.

14. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.

REFERENCES

1. Avdevnina O. Yu. Word-concept deal in the Russian interdiscourse. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 2, pp. 137–144 (in Russian).

2. Skripichnikova N. S. Kljuchevye koncepty v professional'nom diskurse rabotnikov pravoohranitel'nyh organov [Key concepts in the professional discourse of law enforcement officers]. *Vestnik Cheljab. gos. un-ta. Filologiya. Iskuststvedenie. Yur. 60.* [Bulletin of Chelyabinsk State Un-ta. Philology. Art History], 2011, iss. 60, no. 33 (248), pp. 120–123 (in Russian).

3. Gosudarstvennyj standart RF R 51141-98 «Delo-proizvodstvo i arhivnoe delo. Terminy i opredelenija». (State Standard of the Russian Federation P 51141-98 “Office work and archival business. Terms and definitions”), 1998. Available at: <http://www.sekretariat.ru/glossary#2.2.2.13> (Accessed 10 October 2017).

4. O gosudarstvennoj grazhdanskoj sluzhbe Rossijskoj Federacii: feder. zakon Ros. Federacii ot 27 ijulja (On the state civil service of the Russian Federation: Feder. the law of Ros. Federation of July 27), 2004 № 79-FZ. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/4b20ccb19b4339e316d0ba17d61229bf8a375ae6/ (Accessed 10 October 2017).

5. O municipal'noj sluzhbe v Rossijskoj Federacii: feder. zakon Ros. Federacii ot 2 marta 2007 g. no. 25 (On the municipal service in the Russian Federation: Feder. the law of Ros. Federation of March 2, 2007 № 25) – FZ (as amended on July 26, 2017). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/4b20ccb19b4339e316d0ba17d61229bf8a375ae6/ (Accessed 10 October 2017).

6. O prokurature Rossijskoj Federacii: feder. zakon Ros. Federacii ot 17 janvarja 1992 g. no. 2202-1 (red. ot 29 ijulja

2017 g.): s izm. i dop., vstup. v silu s 10 avgusta 2017 g. (On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Feder. the law of Ros. Federation of January 17, 1992, no. 2202-1 (as amended on July 29, 2017): with amendment. and additional., Intro. Effective August 10, 2017). Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/4b20ccb19b4339e316d0ba17d61229bf8a375ae6/ (Accessed 10 October 2017).

7. Slovar' russkogo jazyka: v 4 t. Izd. 3-e stereotip. [Dictionary of the Russian language: in 4 vols. 3rd ed., stereotyp. Vol. 1]. Moscow, Russkij jazyk Publ., 1985. 702 p. (in Russian).

8. Avdevnina O. Yu. Dejstvitel'nost' i ochevidnost' [Reality and Evidence]. *Russkaja rech'* [Russian Speech], 2009, no. 5, pp. 39–46 (in Russian).

9. Ob utverzhenii Instrukcii po sudebnomu delo-proizvodstvu v rajonnom sude Prikaz Sudebnogo departamenta pri Verhovnom Sude RF ot 29 aprelja 2003 g. no. 36 (s izmenenijami i dopolnenijami) (On approval of the Instruction on judicial record keeping in the district court: Order of the Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation of April 29, 2003 no. 36 (with amendments and additions)). Available at: <http://base.garant.ru/12131174/#friends#ixzz4tktb3E8L> (Accessed 9 September 2017).

10. Bol'shoj juridicheskij slovar' [A large legal dictionary]. Moscow, Infra-M Publ., 2003 (in Russian).

11. Baranov A. N. *Lingvisticheskaja jekspertiza teksta: teoreticheskie osnovanija i praktika* [Linguistic examination of the text: theoretical grounds and practice]. Moscow, Flinta Publ., 2013. 592 p. (in Russian).

12. Slyshkin G. G. Rechevoj zhanr: perspektivy konceptologicheskogo analiza [Speech genre: perspectives of conceptual analysis]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov, ITS “Nauka” Publ., 2005, iss. 4, pp. 34–49 (in Russian).

13. Dementiev V. V. *Teorija rechevyh zhanrov* [Theory of speech genres]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).

14. Karasik V. I. *Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 28.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Авдевина О. Ю. Дело (жанр, концепт, слово) в антропологии правовой сферы // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 127–135. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-127-135

For citation

Avdevnina O. Yu. Case (Genre, Concept, Word) in Legal Sphere's Anthropology. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 127–135. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-127-135

УДК 811.161.1'38

ББК 81.2Рус-5

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-136-143

О. В. Мякшева
Саратов, Россия

Olga V. Myaksheva
Saratov, Russia

**УГОДИТЬ И УГАДАТЬ
КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ
ЖАНРОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ЭССЕ
СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ**

**TO PLEASE AND TO GUESS
AS THE COMPONENTS OF GENRE
CHARACTERISTICS IN THE ESSAYS
BY THE CONTEMPORARY SCHOOL
STUDENTS**

Исследование посвящено изучению эссе современных школьников и входит в лингвокультурологическое направление языкознания. Анализ работ, присланных на конкурс словесного мастерства, показал, что исследуемые тексты жёстко шаблонизированы под стандарты школьных сочинений. Рефлексия «Я пишу для того, чтобы победить в конкурсе» (ср.: рефлексия авторов школьных сочинений – «чтобы сдать экзамен») искажила целеустановку эссе как произведения, содержащего индивидуальные впечатления, образное и афористичное, полное свободного творчества. Наиболее заметной речевой приметой эссе участников конкурса стали однородные ряды со стилистическим эффектом градации, доходящей до коммуникативно не оправданных высот. Желание усилить этой риторической фигурой эмоциональность создаваемого текста и объективные затруднения в поиске нужного слова приводили, например, к тому, что в однородный ряд попадали не всегда оправданные вложенным во фразу смыслом компонентами. Частотен в работах школьников канцелярит. На стыке оценочной, высокой лексики в форме длинных однородных рядов, риторических вопросов, восклицаний и канцелярита формируется почва для грамматических, речевых, логических, стилистических ошибок. Лингвостилистический анализ эссе обнаруживает также тревожное явление: у молодежи нет жизненной практики употребления слов семантического поля «нравственность», они не прочувствованы, не «прожиты» ими.

Ключевые слова: эссе школьников, стандарты школьных сочинений, словесная «эквилибристика».

This paper is devoted to studying of the essays by the contemporary school students and is included in linguocultural area of linguistics. The analysis of works sent to the verbal proficiency contest has shown that the texts under study are strictly patterned according to the standards of school compositions. The reflection «I'm writing to win in the contest» (compare with the reflection of the authors of school compositions – «to pass the examination») disfigures the goals of an essay as a product, containing individual impressions, vivid and aphoristic, full of free creation. The most significant verbal feature of the contestants' essays is the homogeneous series with the stylistic effect of gradation, reaching the unreasonable heights of communication. The desire to strengthen the emotionality of the created text with this figure of speech and the objective difficulties in search of a needed word have lead, for instance, to the situations when some components with the unreasonable meaning, embedded in a phrase, appeared in the homogeneous series. Officialese is frequent in students' works. At the juncture between the evaluative, high vocabulary in the form of long homogeneous series, rhetoric questions, exclamations and officialese the ground for grammatical, speech, logical and stylistic mistakes is formed. The linguostylistic analysis of the essays also reveals the alarming phenomenon: young people do not have the experience of using the words from the semantic field «morality», they are not deeply felt, not «lived» by them.

Key words: school students' essays, school composition's standards, verbal "equilibristics".

Сведения об авторе: Мякшева Ольга Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: myakshev@mail.ru

ORCID 0000-0003-2553-8555

About the author: Myaksheva Olga Viktorovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language, Speech Communication and Russian as a Foreign Language.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: myakshev@mail.ru

ORCID 0000-0003-2553-8555

Заявляя о том, что глобальная проблема соотношения понятий *жанр* и *культура* остаётся одним из самых досадных белых пятен в общей картине современной культурологии и лингвокультурологии [1: 11], В. В. Дементьев тем самым обратил наше внимание на проблему истоков состояния речевой способности современного школьника. И вот почему. Совсем недавно на кафедре был организован для старшеклассников конкурс «Легко ли говорить просто, ясно, уместно и интересно?». Одним из конкурсных заданий стало написание эссе, ведь именно в нём, как мы предполагали, в полной мере может выразиться свобода мыслей и чувств, отразиться степень духовной зрелости молодого человека. Приведём некоторые из вариантов названий предлагаемых эссе: *Следование путем добра – путь самый приемлемый и единственный для человека. Он испытан, он верен, он полезен* (Д. С. Лихачёв); *Когда человек выбирает себе в жизни Цель, он вместе с тем невольно даёт себе оценку* (Д. С. Лихачёв); *Слово <...> охранительная соборная память нации* (В. Личутин). Нам пришлось более 100 работ на важные морально-нравственные проблемы: добра и зла, выбора жизненного пути, роли языка в жизни общества и т. д. Однако всего около 30 авторов после этапа оценки эссе продолжили участие в конкурсе.

Как хорошо известно, эссе представляет собой произведение небольшого объема и свободной композиции, содержащее индивидуальные впечатления и соображения по конкретному вопросу, произведение образное и афористичное, полное свободного творчества. Школьники же предложили тексты очень далёкие от этих характеристик. (Вспомним размышления одного из героев известного фильма С. Ростокского «Доживём до понедельника» о том, что можно писать сочинения по принципу «У2» – *угадать* и *угодить*, в которых «чужие мысли, аккуратные цитаточки, дома приготовленные, и пятерочка, можно сказать, в кармане».)

В присланных на конкурс «эссе» мы увидели сочинения, шаблонизированные под стандарты школьных. Как пишут авторы статьи «Жанрово-композиционные особенности сочинения ЕГЭ как предмет ортологического исследования», «сочинение ЕГЭ представляет собой такое высказывание, которое должно быть построено в соответствии с жесткими требованиями <...> Свободное, творческое выражение мысли ограничено требованием соответствовать заданным условиям, и толкование текста выводится не столько из читательских интерпретаций, сколько из “правил”, принятых составителями тестов. Фрагменты сочинений, передающие проблему опорного

текста, должны соответствовать этим правилам. Если же проблема отражена не так, как требует инструкция для проверяющих, то результат прогнозируем: абитуриент получает за содержание 0 баллов» [2: 210–211].

Над школьниками, участвовавшими в конкурсе, не висел дамоклов меч «0 баллов» за содержание, но отойти от стандарта сочинений ни они, ни их консультанты-учителя не смогли. Почти все присланные эссе строго соответствуют шаблону:

1. Толкование ключевого слова: *добро, совесть, справедливость, цель, воспитанность* и под. (авторская орфография и пунктуация здесь и далее при цитировании работ школьников сохранены): *В толковом словаре написано, что воспитанный, значит умеющий хорошо себя вести и отличающийся хорошим воспитанием. Если мы хотим жить достойно в окружающем нас мире, нужно прежде всего начать меняться самим. Никто не сможет воспитать человека, если он сам себя не воспитывает; Добро и зло, как близнецы-братья, не могут существовать одно без другого. Если бы не было зла, человек никогда бы не узнал, что такое добро, и наоборот. Добро и зло – это мера, которой меряется человеческая жизнь. Про одного человека говорят – он добрый человек. А про другого – он злой; Цели у людей бывают разные, какие-то несут людям добро (человек поставил себе цель накопить денег и пожертвовать их на благотворительность), какие-то цели являются материальными (человек стремится приобрести машину), но также у некоторых людей могут существовать цели, которые несут вред окружающим и самому зачинщику (человек стремился разбогатеть, но выбрал неудачный способ, ограбил банк, и при этом попал в тюрьму, тем самым испортил себе жизнь); Каждый человек хочет достигнуть чего-то большего, чем у него есть. И в связи с этим мы ставим себе цели – добиться того, чего хотим. Но важно правильно выбирать себе путь, ведь если он будет не по силам, то вас могут постигнуть жизненные разочарования. Поэтому правильно нужно оценивать свои способности и ставить реальные цели.*

2. Анализ 2–3 художественных текстов на предмет отражения в них жизненных коллизий, связанных с рассматриваемыми морально-нравственными феноменами, или привлечение общекультурных сведений, отражающих широкий круг интересов школьника, например: *На страницах многих литературных произведений можно рассмотреть данную тему. Так, в произведении М. А. Булгакова «Собачье сердце» профессор Ф. Ф. Преображенский*

поставил собой цель сделать из собаки человека, и он достиг своей цели, хотя и не полностью. Шарик приобрёл человеческий облик, к чему и стремился профессор, но все же у Полиграфа Полиграфовича остаются собачьи повадки; И в произведении И. А. Гончарова «Обломов» главный герой Илья Ильич имеет значимую для своей жизни цель: жить спокойно и мирно в Обломовке с женой и детьми. Для многих эта цель является скучной и неинтересной, но для самого Обломова она является главной и единственной. Тем самым, он невольно дает себе и своим возможностям очень низкую оценку; Но не стоит снимать груз ответственности с плеч злого человека, всё в его руках. К примеру, Ромашов и Григорьев из романа «Два капитана», две абсолютно разные личности, хотя дружили в детстве. Ромашов – подлец, какого поискать, а Григорьев человек со стержнем, с силой воли, с правильными взглядами; Также нужно помнить, что человеком не должны двигать корысть, желание получить как можно больше. Это не приведет ни к чему хорошему. Убедиться в этом можно на примере Наполеона Бонапарта. Этот человек – великий полководец и государственный деятель. По моему мнению, его сгубила жажда власти над всеми. Если бы не это, то он был бы счастлив и, учитывая слухи об отравлении мышьяком, прожил бы дольше и не умер бы в муках.

3. Наблюдения из, так сказать, личного опыта. Информация о благотворительных поступках, о которых, считали школьники, они должны рассказать, в основном черпалась не из наблюдений за жизнью вокруг, тем более – не из своего личного участия в благотворительных миссиях, а, как мы потом поняли, из образцов рекомендуемых ответов на задания ЕГЭ (в 100 работах как личный вклад автора в «копилку» добродетелей был «перевод» восьми старушек через дорогу, по одной в восьми эссе): А еще, пожалуйста, помните, как из одного дерева появляются тысячи листьев, так из одного человека появляется настоящая добродетель. Перевести старушку через дорогу – лишь малый вклад в казну человеческого добра.

Приведём два типичных фрагмента эссе из разных работ (первый – начальный, второй – заключительный):

Главной жизненной задачей должна быть обязательно задача шире, чем просто личностная, она не должна быть замкнута только на собственных удачах и неудачах. <...> К примеру, рассказ Михаила Шолохова «Судьба человека» повествует о послевоенном времени. Главный герой рассказа Андрей Соколов <...> пережил много бед, о которых обычным

людям и подумать страшно <...> исколесил всю Германию <...> Когда его назначили шофёром, он, обезвредив своего командира, вернулся на русскую землю. После войны Андрей поехал в гости к одному из своих друзей и встретил там маленького мальчика. Ребёнок потерял родителей, и Соколов представился его отцом, взяв мальчика под свою опеку. Это очень сильный и поучительный рассказ, так как далеко немногие решились бы взять незнакомого мальчика на воспитание.

Второй фрагмент прокомментируем: На мой взгляд, наиболее ярким примером доброты является героиня рассказа Александра Солженицына «Матрёнин Двор» Матрёна Васильевна. Как и многие другие его произведения этот рассказ основан на эпизодах жизни писателя, когда он жил в деревне Мильцево. Героиней данного произведения является не вымышленный персонаж, а реальная женщина. Матрёна Васильевна – крестьянка, ей около шестидесяти лет, из-за болезни была освобождена от работы в колхозе. Но, несмотря на это, когда люди приходили к ней и просили о помощи, она никому не отказывала. Когда Матрёну звали на колхозные работы, она также соглашалась.

Затем в тексте следует подробное, на двух страницах, изложение содержания рассказа, как Раз в полтора месяца Матрёна ходила кормить пастухов, а однажды узнала о том, что «вышел новый пенсионный закон» и решила добиваться пенсии, хотя сделать это было очень непросто, потому что канторы, куда её посылали, находились в десятках километрах друг от друга. Далее: Соседки начали ей завидовать, спустя какое-то время объявились три её сестры, которые раньше даже не появлялись, так как боялись, что Матрёна будет просить у них помощи. Потом автор эссе повествует про Фаддея и его младшего брата Ефима, шестерых детей, которые все умерли, и собственную смерть Матрёны Васильевны, на похоронах которой были только Кира и её родная мать, а Фаддей даже и не явился на похороны.

Все эти подробности, с точки зрения автора, должны высоко оценить проверяющие за знание источника. Обобщение и выводы из прочитанного тоже, как требуют составители образцов, здесь необходимы. В подтверждение стремления автора «угадать» читаем: Образ Матрёны объединяет в себе все черты нравственного, чистого, бескорыстного и трудолюбивого человека. Она живет не для себя, а для других, считая, что это её долг. Солженицын в этом произведении хотел донести до читателя мысль о том, что добрых, искренних, понимающих и бескорыст-

ных людей на Земле становится всё меньше и меньше. Автор уверен, что именно на таких людях держится человеческое общество и, если их совсем не останется, то наступит хаос.

Заканчивается эссе «личными наблюдениями»: *Однако добрым человеком быть довольно сложно, ведь иногда случается так, что тебя унижают, оскорбляют, и хочется ответить тем же, но лучше этого не делать, так как это может привести к ссоре или серьезному конфликту. Именно поэтому я не совсем согласна с высказыванием Д. С. Лихачёва («Следование путем добра – путь самый приемлемый и единственный для человека. Он испытан, он верен, он полезен». – О. М.).* В данную часть эссе введено поощряемое проверяющими несогласие с мнением: *Писатель Анатолий Алексин сказал: «Доброта делает человека беззащитным». Если хорошенько подумать над этими словами, то можно понять, что это чистая правда, потому что добротой человека часто пользуются корыстные люди, преследуя свою выгоду.* Однако образцы творческих работ с потенциально высокой оценкой заставляют автора круто развернуться: *Но факт остается фактом: доброта – это мощная сила, одна из лучших черт человека, без которой наш мир мог бы стать совершенно другим, поэтому всем нам необходимо сохранять, ценить и преумножать это прекрасное человеческое качество.*

Среди жанрообразующих признаков сочинений ЕГЭ авторы уже цитируемой статьи выделяют рефлексию как коммуникативную цель: *Я пишу для того, чтобы сдать экзамен [2: 212].* В нашем случае коммуникативной целью стала победа в конкурсе, а не личные соображения по конкретному вопросу, полные свободного творчества. Эта подмена целеустановки (интенциональности) отчетливо отразилась в отборе языковых средств.

Наиболее заметной речевой приметой эссе стали однородные ряды (содержащие три–пять и более компонентов) с эффектом градации, доходящей до запредельных, коммуникативно не оправданных высот: *Она (главная жизненная задача. – О. М.) должна диктоваться добротой к людям, любовью к семье, к своему городу, к своему народу, стране, ко всей вселенной; Трудолюбие, настойчивость, упорство, взаимовыручка, честность, желание самосовершенствоваться – важные положительные составляющие нравственного облика каждого из нас; Достоинство требует доброты, великодушия, умения не быть узким эгоистом, быть правдивым, хорошим другом, находить радость в помощи другим; Люди*

любуются архитектурными сооружениями, шедеврами живописи и интересными скульптурами, слушают музыкальные произведения, не задумываясь о материальной выгоде; Одно правило в жизни должно быть у каждого человека, в его цели жизни, в его принципах жизни, в его поведении: надо прожить жизнь с достоинством, чтобы не стыдно было вспомнить; Добро – это не только отсутствие зла, это действия, приносящие счастье и не причиняющие никому вреда, ущерба, боли, страданий, это бескорыстное и искреннее стремление к осуществлению блага; В процессе самовоспитания можно выработать такие важные и ценные качества, как терпение, мужество, доброта и многое другое.

Желание усилить этой риторической фигурой эмоциональность создаваемого текста и объективные затруднения в поиске нужного слова приводят, например, к тому, что в однородный ряд попадают не всегда оправданные вложенным во фразу смыслом компоненты: *всем нам необходимо сохранять, ценить и преумножать это прекрасное человеческое качество (доброту. – О. М.) для того, чтобы жизнь была гармоничной, радостной, веселой, беззаботной и счастливой для многих людей (см.: беззаботной).*

Интересно то, что ряд позитивных устремлений человека обычно многокомпонентен, негативных – краток и прагматически конкретен: *Конечно, цели у всех разные – кто-то хочет спасти жизни, кто-то – учить других новому, кто-то – изобретать новые механизмы, для кого целью становится помощь ближнему, желание нести добро и любовь окружающим, а кто-то хочет вообще не работать.*

Частотен у школьников канцелярит (и шире – клишированные, стандартные фразы с налётом наукообразности, официальности) как своего рода противоположный полюс средств для удержания внимания адресата, в оригинальном или искаженном виде: *В книге «Война и мир» очень хорошо описаны методы воспитания князя Болконского по отношению к его дочери Марии; Надо иметь и принципы в жизни. Хорошо их даже изложить в дневнике, но чтобы дневник был «настоящим», его никому нельзя показывать – писать для себя; Добрый человек всегда готов прийти на помощь в трудную минуту, может подсказать, как действовать в определенной ситуации; Каждый из нас видит добро по-разному и трактует с наибольшей выгодой для себя. К сожалению, такова жизненная позиция всего нашего общества; Ко всему выше сказанному, хотелось бы добавить, что, когда мы совершаем добрые поступ-*

ки, то помогаем кому-то **улучшить свою жизнь**, а значит, меняем весь мир в целом. Каждый человек при этом становится лучше, чище. Добрые поступки никогда нельзя откладывать «на потом», думая, что вы всегда сможете **исправить своё положение**; Цель может быть большой, например, стать президентом. Конечно, на первый взгляд, это может показаться смешным и недостижимым, но человек в себя поверит, и на **этом пути будет постепенно добиваться маленьких подцелей**, все очень даже возможно; Для этого нужно долго и упорно трудиться, **ставит** маленькие **подцели**, которые помогут приблизиться к главной цели; Это отношение к дочери в дальнейшем влияет на ее внутреннее состояние. Она часто сносила оскорбления этого капризного и злого по характеру человека. В результате в ней сформировался человек **с моралью о любви и самопожертвовании**. Учась на своем горьком опыте человек пытается сделать, что то лучше делает больно родным и это **остаётся актуальным не только в рамках произведения, но и в реальной жизни**; Главное, чтобы им не **двигала только корысть или желание получить большие материальные блага**, это зачастую приводит в тупик; Цель, можно сказать, **освещает путь нам в будущее**. Когда мы выбираем ее, **в конечном итоге** мы хотим достичь этого, хотим **добиться конечного результата**; Ставя себе целью карьеру или приобретательство, человек испытывает в **сумме** гораздо больше огорчений, чем радостей, и рискует потерять всё; А ещё посеяв семена добра вокруг себя в обществе, вы обязательно **получите отдачу** от людей тем же, иногда даже в **весьма неожиданных ситуациях**; Мы знаем многих **материально обеспеченных людей**, которые помогают нуждающимся. И делают это постоянно. Я думаю, что такие люди **выбрали правильную цель в жизни**. Ведь если есть **денежные средства**, почему бы не **пожертвовать на благотворительность**; И если иногда этого не **получается достичь** с первого раза, не бросать дело, ведь когда ты **достигнешь желаемого**, ты поймешь, что такое настоящее счастье.

Вот такое «эссе», «образное» и «афористичное», хочется процитировать почти целиком: Воспитание должно быть направлено на освоение культуры, ценностей общества, норм поведения. Известно, что человеком рождаются, а личностью становятся. Семья является первой социальной средой становления личности. Родительский дом помогает разобраться в том, что значимо и ценно, а что не значимо и потому не ценно. В се-

мье закладываются основы мировоззрения как целостного взгляда человека на мир, происходящие в нем процессы. Именно в ней рождаются люди и формируются личности для служения обществу. Для многих людей семья характеризуется, как одна из высших ценностей их жизни. Нормальные семейные отношения основаны на любви друг к другу. Ведь любовь родных излучает свет и теплоту. Семья должна нести заботу, поддержку и надежную защиту. Действительно, воспитанность проявляется прежде всего у себя в семье. Для ребенка главными учителями являются родители, они на собственном примере показывают нам, как нужно относиться к окружающим и к друг другу. Воспитанием закладывается умение человека определять, что можно, а что нельзя. Это прививается с детства: забота о близких, любовь к окружающим, хорошие манеры. Семья имеет большое значение для развития общества. По моему мнению, основным критерием воспитанности является вежливость, которая и приводит нас к уважению. Тактичность является признаком воспитанности. Она помогает нам чувствовать границу в общении с людьми, чтобы случайно не обидеть. Жаль, что мало уделяется времени на такие главные вещи в жизни человека и это проблема современного общества. Для меня воспитанный человек – это человек, который чувствует и видит другого человека, уважает его, он всегда вежлив и доброжелателен со всеми. Такой человек никогда не обидит ни словом, ни делом.

На стыке оценочной, высокой лексики в форме длинных однородных рядов, риторических восклицаний, вопросов (А что случится, если хранилище добра лопнет?) и канцелярита формируется почва для грамматических, речевых, логических, стилистических ошибок. Попытаемся привести некоторые примеры, дифференцировав их по группам, насколько это окажется возможным.

Грамматические: Так, например, **поступая в университет, перед нами появляется цель: получить знания; закончить его с отличием, получить диплом; Так же примером «хорошего воспитания» можно наблюдать не только из жизни, но и из литературы; А для кого-то личное самопознание является главным кредом жизни; В этом примере мы и видим оценивание себя людьми; Цель в жизни может быть большой и маленькой, постижимой и непостижимой, важной и не очень, но в любом случае нужно ставить ее перед собой, как стимул.**

Речевые: В этой ситуации первый человек, невольно, дает себе очень низкую оценку, он считает что он не может хорошо

учиться и его предел очень низок, второй, наоборот, довольно высоко себя оценивает и стремится к лучшему; Для людей, которые ищут или пытаются исполнить свою мечту, пишут книги и снимают интересные **мотивирующие** фильмы, которые могут помочь в выборе.

Логические: *Добрый человек не может испытывать ненависть. Но ведь ненавидеть, можно молча, с улыбкой на лице. Это зависит от того, насколько человек умеет управлять своими эмоциями.*

Стилистические: *У кого-то в данном случае будет цель просто **хоть как-то отмычаться** и получить **хотя бы какой-нибудь аттестат**, кто-то же наоборот будет стремиться **преподать себя как можно лучше**, закончить обучение очень хорошо, возможно даже с медалью; Кто то подготавливает детей к **выходу в свет** и пытается отдать только самое лучшее, что **взрастил** в себе. То самое хорошее воспитание и то, что **заложено в нем**, все это в дальнейшем пригодится. Может и ради следующего поколения. А может эти качества и достоинства, накопленные за долгую жизнь, **останутся с человеком до самого конца**. Все, что **тщательно возвращал** в себе человек и все чему так долго учился и к чему он стремился, **в итоге сам решает** как ими воспользоваться; Даже без больших **денежных доходов** с нравственной точки зрения эта самая **правильная цель**, которую мы можем поставить для себя. И если человек считает это своим назначением, так значит, не всё в мире потеряно. **Цель восхождения к добру** – это лучший способ нравственного возвышения человека. И оценка **со стороны окружающих** будет наивысшей.*

Большинство присланных на конкурс эссе школьников переполнены «правильными» словами о совести, чести, уважении к старшим и образованным людям, однако нагромождение семантически плотных слов, их обилие и наше понимание того, что за словом не чувствуется дела, имеет обратный эффект – этим словам не веришь. Их эссе демонстрируют тревожное явление: у молодежи нет жизненной практики употребления этих слов, они не прочувствованы детьми, не «прожиты» ими, а использованы для решения конкретной задачи – победить и получить балл себе и учителю-консультанту в портфолио.

Приведу пример сомнительного доброго дела: *Поэтому обязательно совершайте поступки, которые вызывают улыбки на лицах других людей, ведь вам это не составит никакого труда, а любому человеку будет очень приятно, и вы поднимете ему настроение.*

Поскольку речевой жанр представляет собой способ культурной коммуникации, типовую модель общения [3: 46], он не может не отразить социального контекста, в котором формируется, и культуру в самом широком смысле этого слова. Во всяком случае, своим анализом школьных работ мы пытались это показать.

В. В. Дементьев при попытках объяснения множества жанров русской речевой культуры, а также огромного множества языковых единиц разных уровней говорит о существовании в русской культуре ценностно организованных концептуальных полей, среди которых важное место, по мнению учёного, принадлежит оппозиции начала персонального, личностного, с одной стороны, и неличностного, социального – с другой. В левом члене оппозиции «присутствует идея огромности мира, не поддающегося рациональному упорядочению, воспринимаемого через призму сильных, неконтролируемых и иррациональных эмоций, мечты и бесконечно разнообразных человеческих отношений, где единственным безусловным ориентиром является нравственный», в правом члене «на первый план выходит идея социального института, ограничений, нечто рационально-логическое, нацеленное на статусное взаимодействие с людьми» [1: 14].

В сегодняшнем мире, как представляется, мы можем наблюдать парадоксальный результат смешения в сознании молодёжи ценностей этих оппозиций: ограничения социального института, нечто рационально-логическое, положенные в основу стремления приобрести высокий социальный статус, деформируют у неё представление об огромности того мира, где единственный ориентир – нравственность. Отражением такого смешения в анализируемых эссе является «передоз» в употреблении слов семантического поля «нравственность», будто дети себя и окружающих пытаются убедить в правдивости высказанного, но понимания этих ценностей у них нет. «Необходимость создавать тексты на основе исходного в соответствии с предъявляемыми требованиями ведёт к нарушениям работы языковой способности» [2: 217], сигналом, «маркером» нарушений становятся и канцелярские обороты, скрепляющие высокопарные контексты «морально-нравственного содержания».

В статье [4] мы пытались, в частности, доказать, что слова типа *совесть*, *благородство*, *мужество*, *справедливость* и т. д. (см. константы из словаря русской культуры [5]; лингвокультурные концепты [6, 7]; ключевые идеи русской языковой картины мира [8, 9]) выходят из лексикона молодёжи, образуя там семантические лакуны, которые быстро заполняются жаргонной и обсценной лексикой. Вполне уместным аргументом в пользу на-

ших выводов можно считать такое, например, утверждение: «Жаргонная лексика настолько активна в общении школьников, что, по данным АСШС, у отдельных групп школьников она перемещается в группу ядерных единиц лексики» [10: 73]. Речь идет о словах типа *дурак, лох, козёл, урод, тупой, кайф, отстой, классно, прикольно, клёво, круто, на самом деле*.

Выпадение книжных слов и фразеологизмов из языкового сознания молодого поколения А. П. Сковородников и Г. А. Копнина называют лингвоэкологической проблемой [11]. О. Б. Сиротинина много пишет о рискованности современной речевой ситуации, обеднении языка, процессе диффузии при употреблении языковых единиц (например: [12, 13]). Вполне разделяем такие опасения учёного: «Школа даёт знания (далекие от полного), но в современных условиях и школьного обучения, и засилья интернет-коммуникации чутьё языка не вырабатывает. Хорошо, если ребёнок много читает, ещё лучше, если читает художественную, а не псевдохудожественную литературу, если много общается “вживую”, а не сидит в Интернете. А если (и чаще всего) нет?» [14: 34].

Однако у образованной или стремящейся к образованию молодёжи слова морально-нравственной, общественно-политической, патриотической и др. сфер сохраняются во «вторичном» использовании в случаях, когда они необходимы для достижения карьерных целей, в разного рода экзаменационных работах, конкурсах и публичных выступлениях. Не подкреплённые реальным опытом использования, эти слова либо чрезмерны, либо контекстно неуместны, не органичны. Точнее, чем словесная эквилибристика, создаваемое детьми, увы, не назовешь.

Трудно винить в этом явлении молодёжь, если в нашем обществе даже слово *совесть* актуализировалось в обличье пластиковой карточки.

Вот что пишет один из конкурсантов, который, как представляется, остался честен в ответе на заданные вопросы и потому убедителен: *Современный мир очень жесток и сложно оставаться человеком когда вокруг столько зла и люди живут как звери. Как же существовать чему-то светлому если, только страх и злоба живут в сердцах людей? На сегодняшний день сложно ответить на этот вопрос, как и найти человека, который сможет переступить через стену общественных устоев и сможет протянуть ближнему руку помощи.*

В 2009 г. на страницах газеты «Известия» была опубликована дискуссия «Совесть – бесполезное свойство души?» (Известия, 26.05.2009). Приведу из неё, как заключение к статье, несколько высказываний,

которые в результате их соединения, на мой взгляд, сформировали текст с «наращением» нового смысла. Первое высказывание принадлежит академику С. П. Капице: «Мы живём <...> как во взрывной волне, когда абсолютно всё не находится в равновесии. А совесть, мораль, моральные устои общества – это свидетельство духовного равновесия». Второе, в продолжение, журналисту В. Мамонтову: «Верить, что традиционная мораль просто мешает движению, не хочется, получить бессмертие с бессовестностью в придачу как-то... бессовестно». Третье – известному писателю Д. Гранину: «Плевать мне на ваш всеобщий кризис! С Россией что-то другое происходит, она угасает не вместе с миром, а сама, в одиночку». Завершает созданный нами на основе газетной статьи мини-текст фраза ректора Санкт-Петербургского гуманитарного университета А. Запесоцкого: «Эта цивилизация обменяла Бога – как совесть, духовность, культуру, – на деньги. Вот что произошло».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Аспекты проблемы «жанр и культура» // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 5–20.
2. Гуц Е. Н., Леонтьева О. А. Жанрово-композиционные особенности сочинения ЕГЭ как предмет ортологического исследования // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. С. 210–217.
3. Алефиренко Н. Ф. Речевой жанр, дискурс, культура // Жанры речи : сб. науч. ст. Саратов : ИЦ «Наука», 2007. Вып. 5. Жанр и культура. С. 44–54.
4. Якишева О. В. Активная лексика и семантические лакуны в лексиконе современного школьника // Проблемы речевой коммуникации. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2016. Вып. 16. С. 48–56.
5. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М. : Акад. проект, 2001. 990 с.
6. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 1. Волгоград : Парадигма, 2005. 348 с.
7. Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Т. 2. Волгоград : Парадигма, 2005. 356 с.
8. Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сб. ст. М. : Языки славянской культуры, 2005. 544 с.
9. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте. СПб. : Петербург. востоковедение, 2007. 640 с.
10. Сдобнова А. П. Лексикон школьника как динамическая система. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2015. 248 с.
11. Сковородников А. П., Копнина Г. А. Лингвоэкологическая проблема лексико-фразеологических утрат и приобретений в современном русском языке и языковом сознании его носителей // Язык : поиски, факты, гипотезы : сб. ст. / отв. ред. М. В. Ляпон. М. : ЛЕКСПУС, 2016. С. 132–152.
12. Сиротинина О. Б. Лингво-философские размышления как результат многолетнего мониторинга речи // Изв. Саратов. ун-та Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 5–11.

13. Сиротинина О. Б. Русский язык: система, узус и создаваемые ими риски. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2013. 116 с.

14. Сиротинина О. Б. Что мешает эффективности современной коммуникации // Экология языка и коммуникативная практика: сетевое научное издание. 2017. № 1. С. 25–37.

REFERENCES

1. Demytyev V. V. Aspekty problemy «zhanr i kultura» [Aspects of a problem “genre and culture”]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 5. Zhanr i kul'tura* [Speech Genres: coll. of sci. works. Iss. 5. Genre and culture]. Saratov, ITs “Nauka” Publ., 2007, pp. 5–20 (in Russian).

2. Guts E. N., Leontieva O. A. Zhanrovo-kompozitsionnyye osobennosti sochineniya EGE kak predmet ortologicheskogo issledovaniya [Genre and compositional features of the Unified State Examination composition as the subject of orthological investigation]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 7. Zhanr i yazykovaya lichnost'* [Speech Genres: coll. of sci. works. Iss. 7. Genre and linguistic persona]. Saratov, ITs “Nauka” Publ., 2011, pp. 210–217 (in Russian).

3. Alefirenko N. F. Rechevoizhanr, diskurs, kultura [Speech genre, discourse, culture]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st. Vyp. 5. Zhanr i kul'tura* [Speech Genres: coll. of sci. works. Iss. 5. Genre and culture]. Saratov, ITs “Nauka” Publ., 2007, pp. 44–54 (in Russian).

4. Myaksheva O. V. Aktivnaya leksika i semanticheskiye lakuny v leksikone sovremennogo shkol'nika [Active vocabulary and semantic lacunae in contemporary school student's lexicon]. *Problemy rechevoi kommunikatsii* [Problems of Speech Communication]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2016, iss. 16, pp. 48–56 (in Russian).

5. Stepanov Y. S. *Konstanty: Slovar' russkoi kultury*. [Constants: Dictionary of Russian culture]. Moscow, Akadem. projekt Publ., 2001. 990 p. (in Russian).

6. *Antologiya kontseptov* [The anthology of concepts]. Volgograd, Paradigma Publ., 2005, vol. 1, 348 p. (in Russian).

7. *Antologiya kontseptov* [The anthology of concepts]. Volgograd, Paradigma Publ., 2005, vol. 2, 356 p. (in Russian).

8. Zaliznyak A. A., Levontina I. B., Shmelev A. D. *Kluchevyye idei russkoi yazykovoï kartiny mira* [Key Ideas of Russian Linguistic World-Image]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2005. 544 p. (in Russian).

9. Kolesov V. V. *Russkaia mental'nost' v iazyke i tekste* [Russian Mentality in Language and Text]. St. Petersburg, Petersburg. vostokovedenie Publ., 2007. 640 p. (in Russian).

10. Sdobnova A. P. *Leksikon shkol'nika kak dinamicheskaya sistema* [Lexicon of the contemporary school student]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2015. 248 p. (in Russian).

11. Skovorodnikov A. P., Kopnina G. A. Lingvoekologicheskaya problema leksiko-frazeologicheskikh utrat i priobretenii v sovremennom russkom yazyke I yazykovom soznanii ego nositelei [Linguoecological problem of the lexico-phraseological losses and acquisitions in the modern Russian language and linguistic consciousness of the native speakers]. In: *Yazyk: poiski, fakty, gipotezy: sb. st.* [Language: investigation, facts, hypotheses: coll. art.]. Moscow, LEKSUS Publ., 2016, pp. 132–152 (in Russian).

12. Sirotnina O. B. Linguo-philosophical reflection as a result of long-term speech monitoring. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philology. Journalism*, 2017, vol. 17, iss. 1, pp. 5–11 (in Russian).

13. Sirotnina O. B. *Russkij yazyk: sistema, uzus i sozdavaemye im iriski* [The Russian language: system, usage and risks, produced by them]. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, 2013. 116 p. (in Russian).

14. Sirotnina O. B. Chto meshaet effektivnosti sovremennoi kommunikatsii [What makes modern communication ineffective]. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika* [Ecology of language and communicative practice: scientific network publications], 2017, no. 1, pp. 25–37 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 23.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Мякишева О. В. Угодить и угадать как составляющие жанровых характеристик эссе современных школьников // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 136–143. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-136-143

For citation

Myaksheva O. V. *To Please and to Guess* as the Components of Genre Characteristics in the Essays by the Contemporary School Students. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 136–143. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-136-143

УДК 81'42:61

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-144-151

С. В. Майборода
Симферополь, Россия

Svetlana V. Mayboroda
Simferopol', Russia

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ
И СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
НАРРАТИВНЫХ ЖАНРОВ
КОЛЛЕГИАЛЬНОЙ И АВТОРИТАРНОЙ
МОДЕЛИ УСТНОГО МЕДИЦИНСКОГО
ДИСКУРСА

LINGUOPRAGMATIC AND STRUCTURAL
FEATURES OF NARRATIVE GENRES
OF THE COLLEGIAL AND AUTHORITARIAN
MODEL OF ORAL MEDICAL DISCOURSE

В статье представлены результаты анализа нарративных жанров устного медицинского дискурса и дифференциация их функциональных видов по лингвопрагматическим и структурным характеристикам. Нарративными жанрами, типичными для медицинского дискурса доктор – пациент, являются рассказ-повествование и собственно рассказ. Редуцированной формой собственно рассказа является компрессированный рассказ. Функциональными разновидностями собственно рассказа выступают информативные, интеракционные и фатические рассказы. Выявлены различия в использовании нарративных жанров в авторитарном и коллегиальном дискурсе.

Ключевые слова: устный медицинский дискурс, нарратив, нарративный жанр.

The article presents the results of analysis of narrative genres of oral medical discourse and differentiation of their functional types by linguopragmatic and structural characteristics.

The narrative genres typical of medical discourse «doctor – patient» are narrative and the story proper. A reduced form of story proper is a compressed story. It appears that the varieties of story from the point of view of intentional orientation are informative, interactional and phatic narratives. The functional differences of narrative genres in the authoritarian and collegial discourse are revealed.

Key words: oral medical discourse, narration, narrative genre.

Сведения об авторе: Майборода Светлана Витальевна, преподаватель кафедры русского языка.

Место работы: Медицинская академия имени С. И. Георгиевского, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь

E-mail: ameli25@yandex.ru

ORCID 0000-0002-0466-6964

About the author: Mayboroda Svetlana Vitalevna, Lecturer of the Department of Russian Language.

Place of employment: Georgievsky Medical Academy of Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol'.

E-mail: ameli25@yandex.ru

ORCID 0000-0002-0466-6964

Введение

Исследования нарративности устного медицинского дискурса в России и за рубежом приобретают особую актуальность в связи с изменением используемых в учреждениях здравоохранения моделей взаимодействия между врачом и пациентом: принцип патернализма постепенно сменяется принципом сотрудничества. Появились понятия «нарративная медицина», «нарративная компетентность», популярность которых можно объяснить сопротивлением торжеству биомедицинской модели взаимоотношения врач – пациент с её характерным игнорированием экзистенциального контекста болезни [1]. Ссылаясь на идеи основоположницы названного понятия Р. Черон, В. В. Жура отмечает: «Нарративная медицина предлагает “дать слово” пациенту, чтобы он озвучил свой личный опыт в виде рассказа о нём» [2:73].

Между тем исследования отечественных медицинских дискурсивных практик показали неоднозначное отношение врачей к нарративам пациентов: от полного неприятия до готовности поощрять рассказы в процессе общения. Высказываются предположения, что неприятие нарративов связано с отношением к ним как к «отвлечённым» разговорам, не имеющим отношения к настоящей медицинской практике [1], в которой речь пациента представляет собой субъективный аспект клинической картины: «бледное отражение языка органов, тканей и их патологических изменений» [3:48].

С другой стороны, вербализированный в рассказах опыт пациента вызывает повышенное внимание специалистов тех областей медицины, в которых особенности речевого поведения пациента сами по себе являются объектом исследования, так как могут свидетельствовать о психологических, психо-

соматических и психических расстройствах [4; 5]. Данное противоречие, на наш взгляд, вызвано проблемами различного порядка. С одной стороны, наблюдается неоднозначность понимания нарратива в медицинском дискурсе; с другой – отмечается недостаточная изученность используемых нарративных жанров и их роли в организации эффективной коммуникации в сфере медицины.

Целью нашего исследования является выявление спектра используемых нарративных жанров медицинского дискурса; разграничение их функциональных видов по лингвопрагматическим и структурным характеристикам; анализ нарративных жанров с точки зрения влияния на эффективность организации дискурса авторитарной и коллегиальной моделей взаимодействия.

Материалом исследования послужили записи 55 аутентичных диалогов врачей и пациентов, что составляет более 700 минут звучащей речи. Условия сбора, использования и представления материалов исследования были одобрены комитетом по этике ФГБОУ ВО «Саратовский государственный медицинский университет им. В. И. Разумовского» Минздрава РФ.

Рассмотрим некоторые основные понятия исследования. В широком понимании *нарратология* – учение о повествовании как об одном из базовых способов оформления, хранения и передачи человеческого опыта; соответственно, *нарративы* – не что иное, как механизм организации человеческого опыта, форма дискурса, через которую мы воссоздаём и репрезентируем прошлый опыт для себя и для других [6: 321]. Названная трактовка широко применяется в исследованиях по медицинской антропологии и социологии [3;7], в которых нарратив о болезни представляет собой социально и культурно обусловленное конструирование сюжетных линий, доминирующих в обществе (нарратив восстановления, хаотический нарратив).

В. В. Жура характеризует понятие нарративности устного медицинского дискурса как «совокупность речевых произведений, создаваемых в ходе коммуникации различными представителями социального института медицины и их клиентами (пациентами) в соотнесённости с различными экстралингвистическими факторами, определяющими их порождение» [2:73]. «Нарративы <...> рассматриваются как интегративная форма дискурса, включающая описания, отчеты, рассказы и другие формы повествования» [8: 61]. В итоге нарратив представляется своеобразным *наджанром* – нарративным дискурсом, реализуемым в ряде конкретных речевых жанров. Однако в этом случае, на наш взгляд, понятие наррати-

ва представляется размытым, что затрудняет определение и анализ данного явления.

В нашей работе под нарративом понимается монологическое высказывание о произошедшем событии, обладающее рядом лексико-грамматических, синтаксических, семантико-стилистических особенностей и построенное по определенной структурно-содержательной схеме, включающей следующие элементы (предложены Т. ван Дейком): экспозиция – возникновение проблемы – поиск пути решения проблемы – оценка – экспликация – развязка – заключение [9].

Нарратив в устном дискурсе включен в структуру коммуникативного взаимодействия, текстовая организация его самостоятельна, обладает параметрами цельности и связности, отличается тематическим единством; жанрообразующими признаками его являются обращённость в прошлое, а также двойная событийность, в которой объединяются ситуация события, переживаемого рассказчиком, и коммуникативная ситуация рассказывания [10].

Особым лексико-грамматическим признаком нарратива выступает темпоральная система, представленная глагольными формами прошедшего и настоящего нарративного времени. Синтаксическими особенностями являются сложные конструкции со значением времени или последовательности действий, а также прямая или несобственно-прямая речь. Семантико-стилистические критерии – конкретное указание на место, время действия, действующих лиц, при этом временная последовательность событий непременно ведёт к изменению собственного состояния субъекта и / или его окружения. Отличительным признаком нарратива также выступает оценочность, состоящая в «указании на культурную, социальную или личностную значимость событий для рассказчика» [8: 62].

Рассмотренные общие структурно-семантические критерии позволяют выделить нарратив как специфический тип изложения в дискурсивном пространстве коммуникации доктора и пациента.

Анализ литературы по проблеме позволил определить, что высказывания нарративного типа хотя и построены по типовой структурно-содержательной схеме, но неоднородны по способам языковой и речевой организации. Следовательно, имеет смысл говорить об отдельных нарративных жанрах дискурсивного общения. Представляется, что **нарративный жанр** выступает одной из возможных версий представления события, своего рода дискурсивной реализацией внутренней ментальной картины того события (или ряда событий), о котором рассказывается.

Нарративные жанры устной речи в самом общем виде рассматриваются в исследовании М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой «Речь москвичей: коммуникативно-культурологический аспект». Авторы называют рассказ ведущим жанром нарративного типа, внутри которого выделяются: собственно рассказ, рассказ-повествование, рассказ-пересказ, рассказ-пластинка [11: 43]. Дифференцирующим признаком нарративных жанров в классификации является типовая структурно-позиционная организация текста, или способ изложения. Среди компонентов этой типологии наибольший интерес для нас представляют жанры рассказа-повествования и собственно рассказа как нарративные жанры, характерные для медицинского дискурса *доктор – пациент*.

С точки зрения функционирования речевые жанры, в том числе и нарративные, могут реализоваться в двух типах общения, называемых нефатическим (целеориентированным) и фатическим общением. Традиционно считается, что нарративные жанры наиболее тесно связаны со сферой фатического общения, их реализация предполагает некую «паузу» в естественном течении повседневной жизни, установку на праздноречевое общение [11]. Действительно, повествование о жизни или яркий рассказ об интересном случае служат способом развлечения и чаще всего встречаются в ситуации неофициального, личностно ориентированного общения. Одним из отличий институционального дискурса (к которому относят и медицинский) от личностно ориентированного является фиксированная тема. В рамках устного медицинского дискурса это глобальная тема – «болезнь», что соответствует целям коммуникации, социокультурной ситуации и среде функционирования данного дискурса. Наблюдаемое тематическое единство, безусловно, характеризует медицинский дискурс как институциональный, однако особенности языкового и речевого оформления нарративов не позволяют считать медицинский дискурс строго ритуализированным, это, скорее, синтез институционального и личностно ориентированного типов общения. Отсюда следует, что нарративы устного медицинского дискурса допускают одновременно информационную и фатическую направленность. Доля информационной и фатической составляющих нарратива и, как следствие, выбор того или иного жанра изложения зависят от коммуникативной цели высказывания, ожидаемого иллюкутивного / перлокутивного эффекта, нарративной компетенции говорящего, а также от текущей модели взаимодействия: авторитарной или коллегиальной.

Рассмотрим ряд отличительных особенностей *рассказа-повествования*. Для данного

жанра характерна упорядоченность и линейность изложения. Одной из структурных единиц рассказа-повествования выступает эпизод, имеющий собственную композиционную организацию. Отдельные эпизоды, следуя друг за другом, образуют единое текстовое целое, сигналами чего служат различные средства текстовой когезии: *и вот..., ну и..., ну дальше..., ну потом...* и т. п. [11]. Нарративы-повествования привязаны к определённому этапу расспроса (сбор анамнеза заболевания и анамнеза жизни) и встречаются в речевой партии пациента. Следует отметить, что нарративный жанр повествования в речи доктора – явление достаточно редкое, что объясняется жесткими временными рамками консультации, а также детерминированными коммуникативными заданиями речевых жанров доктора (получение информации, совет, рекомендация). В качестве иллюстрации жанра повествования представим отрывок монолога пациента, записанный нами в ходе беседы с доктором в стационаре неврологического отделения:

Д. – А что случилось с вами? Расскажите.

П. – Ну, что... после обеда лёг отдохнуть, потом пошёл в сарай, хотел мешок приподнять поставить, и меня хватает спазм, и рука замлела. Потом отпустило вроде бы, ну, а дом у меня такой закрытый, никто не зайдёт, я решил выйти на улицу, сказать, что меня парализовало, потом решил, зайду в дом и позвоню знакомым и в «скорую». Так, потом товарищи пришли, а у меня уже нога отказала. Когда лежал в больнице, то снимали там [кардиограмму], да вроде нормально. А потом ещё дома, когда меня, как щенка, за ворота выкинули, пробоину залатали и выкинули. Перед тем, как выгнать, меня подняли: вот я встал на ногу, да? Сел, посидел. Приехали мои родственники, вот и всё. На этом всё мое лечение закончилось. Шесть недель я пролежал. Здесь я хоть спать стал нормально, кушать стал, а то я вообще... такое состояние, как будто я за бортом корабля. И главное, терапевтов там наших пригласили. Ну как, пришла пенсионерка, посоветовала принимать пьрей, отваривать и пить. Другая пришла – надо вам купить, это самое, из тибетской медицины. И вот эта вот тибетская медицина... меня потрясло... что ехать надо куда-то, иначе – всё.

Анализ представленного нарратива позволяет определить его жанр как рассказ-повествование по нескольким основаниям: 1) изложение не отличается динамикой; 2) оно содержит несколько тематически и композиционно законченных эпизодов, формально связанных и выстроенных в хронологической последовательности: «Начало болезни», «Лечение в больнице», «Лечение дома»; 3) речь содержит множественные дескриптивные, экспланаторные и аналитические включения, метафоры: *пробоину залатали и выкинули*; сравнения: *как щенка, за ворота выкинули* и др., оценочные характеристики (*спать*

стал нормально); 4) специфическим жанрообразующим признаком является преобладание глаголов в «традиционном нарративном» прошедшем времени. Формальной причиной возникновения рассказа-повествования выступает просьба доктора: – *А что случилось с вами? Расскажите*, что позволяет определить данный нарратив как вынужденный. Вопрос, предваряющий просьбу, задаёт тему повествования, а перформативный глагол «*расскажите*» указывает на то, в какой форме может быть предъявлена информация, иными словами, пациент получает «разрешение» на высказывание в определённом жанре.

Интересной представляется проблема объёма высказывания. Представленный отрывок из расспроса неврологического больного является скорее исключением, чем правилом: жёсткие временные рамки общения врачей и пациентов ограничивают их в выборе формы и объёма выражения. Тем не менее в рассматриваемом примере врач не ограничивает пациента в выражении мыслей и эмоций, из чего можно сделать вывод, что целью доктора является проявление эмпатии. Также отметим, что ключевыми словами в речи пациента выступают лексемы с семантикой беспомощности (*как щенка*), изгнания и пассивности (*выкинули, выгнали, будто я за бортом корабля*), безысходности (*на этом всё мое лечение закончилось, вот и всё*), реализующих тактическую задачу – привлечь внимание к своему состоянию, обратиться за помощью и получить психологическую поддержку. Факт, что доктор позволяет пациенту выговориться, внимательно выслушивает его жалобы на равнодушие, говорит о том, что цель рассказчика была достигнута. Отметим такую особенность данного рассказа-повествования, как стремление к тщательной вербализации, большая степень подробности. На наш взгляд, отмеченные характеристики изложения демонстрируют не только определённую степень нарративной компетенции рассказчика, но и то, что повествование о событиях ранее многократно им проговаривалось, что свидетельствует о фиксации на прошедшем и постоянном поиске социальной и психологической поддержки окружающих. Информация такого рода важна для врача, поскольку позволяет определить психотип пациента и в дальнейшем использовать наиболее эффективную модель взаимоотношений.

К сожалению, желание врача выслушать повествование пациента о заболевании – большая редкость. Чаще всего избыточность в речевой партии пациента является причиной коммуникативных неудач. Так, нами были отмечены случаи, когда пациент неверно интерпретировал реплику-стимул врача

«*Рассказывайте*» и, вопреки ожиданиям врача, предъявлял жалобы не в форме перечисления или их краткой характеристики, а в виде рассказа-повествования. Результатом обманутого ожидания относительно жанра высказывания стал запрет на предъявляемую форму изложения.

Экспликативные запреты на рассказ-повествование являются яркими индикаторами авторитарности взаимоотношений доктора и пациента. Так, для авторитарного дискурса характерны: резкое прерывание речи собеседника (*Нет! Подождите!*), категоричные высказывания (*Ближе к делу!*), инструктивно-нормативный компонент (*Отвечайте на мой вопрос; Давайте так: я спрашиваю – вы отвечаете!*), высокая степень парцелляции (*Еще раз. Что. Вас. Конкретно беспокоит?*), тактика давления в виде упрёка и/или апелляции к занятости, нехватке времени (*Стоп, стоп, давайте по существу, а то мы так до вечера будем сидеть*); резкое перебивание и смена темы; высказывания «*Ясно*», «*Понятно*» как сигнал нежелания слушать собеседника и стремление сменить тему. Подобная реакция может расцениваться как невнимание, дистанцирование и холодность в общении, игнорирование больного как личности.

В свою очередь, в основе коллегиального типа общения лежит принцип равноправия, в том числе и коммуникативного, следовательно, управление дискурсом имплицитно. Так, в дружеской беседе коммуникант, стремясь не обидеть собеседника нежеланием слушать длинный рассказ, пользуется удобным случаем и тактично переводит тему в другое русло. Для этого используются различные манипулятивные приёмы (вопросы-ретроспекторы, подхваты, завершающие чужой коммуникативный ход и др.). Результатом скрытого управления дискурсом является успешная реализация стратегии поддержания контакта. Равноправие в общении даёт больному ощущение собственной значимости, ценности, он реализует своё право на автономность речевого поведения и свободу выбора.

В отличие от рассказа-повествования, **собственно рассказ** достаточно часто встречается в дискурсе доктора и пациента. Нарративный жанр рассказа посвящён *одному* событию и может содержать как упорядоченное, так и «сумбурное» изложение: композиция не задана объективным ходом событий, а выстраивается в зависимости от произвольного желания рассказчика. Сигналами начала и завершения рассказа выступают типичные зачины: «*Да, кстати...Я ещё вот о чём хотел рассказать...однажды, как-то раз ...* и типичные концовки: *вот так вот, такие вот дела и т. п.*» [10]. Причиной использования

рассказа может выступать как стимул (вынужденный рассказ), так и самостоятельное динамическое развитие некоторой темы (спонтанный рассказ) [5]. Особенностью семантики рассказа является то, что в нём повествуется о событиях, отклоняющихся от обычного, рутинного хода жизни, о ситуациях, характеризующихся, по мнению рассказчика, некоторым отклонением от нормы и тем самым способных заинтересовать слушателя.

С точки зрения содержания и интенциональной направленности рассказы в медицинском дискурсе можно условно разделить на информативные (цель – информировать), интерактивные (цель – воздействовать) и фатические (цель – развлечь), а также рассказы, сочетающие разные компоненты и цели. Рассмотрим некоторые из них.

Рассказы, в которых сочетаются информативная и интерактивная составляющие, активно используются и врачами, и пациентами. Это связано с тем, что нарратив служит способом не просто донести некую информацию до собеседника, но и сделать процесс восприятия намного более действенным. Рассказ значительно легче воспринимается собеседником, нежели сложные логические доводы, поскольку обращён к ассоциативному мышлению. Таким образом, аргументация и воздействие становятся эффективнее, а информация – более запоминающейся. Поэтому очень часто рассказы сопровождают речевые акты просьбы, отказа и оправдания с целью усиления иллюкативной силы этих речевых актов. Рассмотрим фрагмент диалога доктора и пациента, в котором рассказ пациентки предвзвешивает просьбу:

П. – Иногда как ток прошёл по сердцу и – боль. И сидела я как-то, а ко мне пришла навестить меня соседка. Я ей рассказала, а она: «Ой! Я тебе конкор принесу!». И достала пол-таблеточки. Я выпила – оно помогло. Может, вы тоже мне что-нибудь такое выписите?»

Представленный рассказ отличается динамикой, отсутствием излишней детализации, но при этом имеются необходимые жанрообразующие признаки: единство времени, места и персонажа, примитивный сюжет, прямая речь второго персонажа. Экспрессивность рассказу придаёт композиционная компрессия: пропозиции следуют одна за другой в особой последовательности. Статическое состояние персонажа (*сидела я так – пришла соседка – я рассказала*) сменяется динамическим (*конкор принесу – достала – я выпила – помогло*), что создаёт впечатление быстрого развития событий после ключевого момента – приёма таблетки. Краткий, но образный рассказ нацелен на то, чтобы обосновать просьбу, убедив

доктора в необычайной эффективности лекарства.

Отметим, что данный рассказ отличается предельно малым объёмом: такого рода нарративы называют *компрессированным рассказом* – отдельной диалогической репликой, не прерываемой вмешательством второго коммуниканта. Соотношение фатики и информатики в компрессированном рассказе смещается в сторону преобладания информатики [12], однако часто информационная составляющая компрессированного рассказа может дополняться интерактивными задачами (убедить, воздействовать и др.). Таким образом, в институциональном дискурсе рассказ является специфической тактикой, реализующей определённую коммуникативную стратегию. Например, в ходе общения с пациенткой доктор прибегает к рассказу как к последнему весоному аргументу, после того как ряд логических доводов не убедил её в необходимости обследоваться:

Д. – Говорю открытым текстом: пришла женщина к нам на ирригоскопию, сказали, что не держит клизму, не проконтрастировали, а у неё рак – попала в реанимацию.

История о негативном опыте другой пациентки явилась не просто эффективной коммуникативной тактикой, но вербальным силовым приёмом воздействия, типичным для авторитарного дискурса. Реплика-зачин (*говорю открытым текстом*) выявляет намерение сообщить неожиданную и неприятную для слушающего информацию. Отрицательные конструкции (*не держит – не проконтрастировали*) выполняют функцию обозначения причины, которая быстро сменяется следствием, выраженным лексемами, ассоциирующимися с понятием «смерть» (*рак, реанимация*). Авторитарность дискурса проявляется в ожидании немедленного иллюкативного (беспокойство, страх) и перлюкативного эффектов (согласие, подчинение). В некоторых случаях рассказ сопровождается директивными речевыми актами, выходящими в роли обоснования: таким образом достигается цель смягчения авторитарности высказывания.

Институциональность медицинского дискурса ограничивает спектр речевых жанров, и сочленение информатики и фатики типично для данной социостилистической сферы в неравных долях. Жанр *фатического* рассказа в процессе общения доктора и пациента, являясь показателем непринужденного общения, в большей степени присущ коллегиальной модели взаимоотношений. Отметим, что общая для фатических жанров цель – развлечь – не является ведущей для фатических нарративов медицинского дискурса, поскольку сама

ситуация врачебного приема жёстко целеориентирована и регламентирована. Однако, по нашим наблюдениям, рассказы с фатической составляющей разнообразны, частотны, они характеризуются спонтанностью, но так или иначе связаны с общей темой беседы. Ведущей функцией фатических рассказов как доктора, так и пациента выступает самопрезентация и создание имиджа. В речевой партии доктора фатические рассказы также могут быть нацелены на эмоциональное переключение, сокращение дистанции. Фатические рассказы, нерелевантные теме разговора, являются заполнителями пауз в диалоге. Степень живости исполнения рассказа (жестикуляция, звуковые эффекты) положительно коррелирует со степенью приемлемости темы для собеседников, свидетельствует о создании непринуждённой атмосферы общения. Однако предельное сокращение дистанции в социально асимметричном общении может привести к неожиданным результатам. Рассмотрим фрагмент беседы женщины-врача и пациентки:

Д. – У нас по-другому. Дети, спрашиваю, что вы будете есть? Яичко будете с мясом? Да, буду! Один говорит: «Я буду жареное», а другой: «Я буду вареное». Идем домой, пельмени будете? Я буду! А я борщ!

П. – Гастроэнтеролог предлагает пельмени детям? Я читала, что это неправильно сбалансированное питание: пельмени, колбасы. У меня сын говорит: «Нам что-то выдали в школе, что-то круглое и так воняло чем-то». Спрашиваю учителя: «А что там дают детям?», говорит: «Колбасу». А! так это колбаса была! А ему говорят: «Ты что, колбасы никогда не ел?» «Нет».

Перед нами коммуникация участников, сходных по социальной роли: типичный разговор между семейными женщинами о детях, домашних делах. Обмен небольшими рассказами в лицах подразумевает ослабление формальности общения, акцент на общих интересах, взаимно одобряемое сокращение дистанции – иными словами, общение в формате непринуждённой беседы. Возможность подобной коммуникации в медицинском дискурсе свидетельствует о попытке реализации коллегиальной модели. Общей ситуативной задачей представленных рассказов является тенденция к установлению паритетных отношений и ослаблению социальной субординации. Однако при этом отмечается расхождение между содержанием рассказа о необычном случае в школе и его истинной коммуникативной целью – выражением социального превосходства путём создания имиджа эксперта и заботливой матери. Наблюдаемое злоупотребление сокращением дистанции позволило пациентке выразить сомнения в компетентности врача

и вербально оспорить авторитет профессионала, что может привести к конфликту. Анализ нарратива пациентки позволяет врачу сделать вывод о её психотипе и в дальнейшем скорректировать своё речевое поведение, так как при общении с определённой категорией пациентов коллегиальная модель взаимодействия воспринимается последними как проявление слабости, некомпетентности и может привести к разрушению сотрудничества.

Анализ массива собранных нами данных показал, что коммуникативные неудачи при использовании нарративов в дискурсе доктора и пациента могут быть обусловлены рядом причин. Во-первых, несовпадением лингвокультурных моделей участников общения, в том числе моделей коммуникативного поведения. Например, неуместное использование фатических рассказов одним участником, в то время как другой настроен на серьёзное и целенаправленное общение. Во-вторых, нерелевантностью нарративного жанра иницирующему вопросу или просьбе. Например, на вопрос об актуальных жалобах следует повествование об истории заболевания. В-третьих, несовпадением ожиданий коммуникантов относительно функциональной направленности и объёма рассказа. Например, на вопрос о том, были ли операции, следует рассказ о смешном случае на тему операций.

Показателем эффективности рассказа в диалогическом взаимодействии выступает коммуникативный тонус, то есть уровень вовлечённости слушателя в процесс рассказывания: положительный, отрицательный, нулевой. По шкале коммуникативного тонуса можно судить о степени успешности нарратива. Положительный уровень свидетельствует об успешности нарратива и характеризуется активным реплицированием, невербальными сигналами внимания к речи собеседника. Нулевой уровень понимается как индифферентное отношение к повествованию, выраженное отсутствием реплицирования и невербальных знаков внимания. Отрицательный уровень вовлечённости представлен как запрет на речь с привлечением провоцирующих вопросов, речевых актов запрета, невербальных сигналов.

Заключение

Представленные результаты анализа позволяют сделать ряд выводов. Институционально-личностный характер медицинского дискурса определяет спектр используемых нарративных жанров. По содержательно-композиционным признакам и объёму нарративы подразделяются на рассказ-повествование и собственно рассказ. Сокращённой формой

собственно рассказа выступает компрессируемый рассказ. Различают три разновидности собственно рассказа по их функциональной направленности: информативный, интеракционный и фатический. Информативные и интеракционные рассказы встречаются при реализации авторитарной и коллегиальной моделей общения, отличаются небольшим объемом, редуцированным сюжетом и часто выполняют комплексные функции, связанные с информированием и воздействием на собеседника. Для коллегиальной модели характерны рассказы с целью аргументации; для авторитарной модели типичны рассказы с целью психологического давления. Частое использование фатических рассказов типично для коллегиальной модели, тогда как их использование в авторитарной модели общения приводит к коммуникативной неудаче. Критерием успешности конкретного жанра в медицинском дискурсе является уровень коммуникативного тона. Учёт языковых и прагматических особенностей нарративных жанров коммуникации *доктор – пациент* позволяет оптимизировать общение, адаптироваться к ожиданиям собеседника и предупредить возможные коммуникативные сбои.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Готлиб А. С. Нарративная медицина глазами российских врачей: попытка эмпирического анализа // Вестн. Самар. ун-та. История, педагогика, филология. 2010. № 5(79). 2010. С. 64–70.
2. Жура В. В. Нарратологические исследования устного медицинского дискурса // Междунар. журн. исследований культуры. 2013. № 1 (10). С. 72–78.
3. Hyden L.-C. Illness and Narrative // *Sociology of Health & Illness*. 1997. Vol. 19, № 1. P. 48–69.
4. Слоева Е. А., Смирнова Д. А., Кувшинова Н. Ю. Речевое поведение пациентов с невротическими депрессиями // Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине / под общ. ред. В. Л. Лехциера. Самара: Самар. гос. ун-т, 2012. С. 203–216.
5. Бергельсон М. Б., Драгой О. В., Акинина Ю. С., Шитова Н. М. Нарративные стратегии: норма и патология // Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика / под ред. М. А. Даниэль, Е. А. Лютикова, В. А. Плунгян. СПб.: Алетейя, 2014. С. 76–87.
6. Schiffrin D. In Other Words: Variation in reference and narrative. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 373 p.
7. Brody H. Stories of sickness. N.Y.: Oxford University Press, 2003. 295 p.
8. Жура В. В. Взаимодействие картин мира врача и пациента в ходе медицинской коммуникации и способы их экспликации // Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине / под общ. ред. В. Л. Лехциера. Самара: Самар. гос. ун-т, 2012. С. 54–65.
9. Дейк Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 312 с.
10. Labov W. The Transformation of Experience in Narrative Syntax // *Language in the Inner City*. Studies in the Black English Vernacular, Philadelphia, 1972. P. 354–396.
11. Кутаigorodская М. В., Розанова Н. Н. Речь москвичей: Коммуникативно-культурологический аспект. М.: Русские словари, 1999. 396 с.
12. Борисова И. Н. Нарратив как диалогический жанр // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 245–262.

REFERENCES

1. Gotlib A. S. Narrativnaja medicina glazami rossijskih vrachej: popytka jempiricheskogo analiza [Narrative medicine through the eyes of Russian doctors: an attempt of empirical analysis]. *Vestn. Samar. un-ta. Istorija, pedagogika, filologija* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2010, no. 5 (79), pp. 64–70 (in Russian).
2. Zhura V. V. Narratologicheskie issledovanija ustnogo medicinskogo diskursa [Narratological Studies of Spoken Medical Discourse]. *Mezhdunar. zhurn. issledovanij kul'tury* [International Journal of Cultural Research], 2013, no. 1 (10), pp. 72–78 (in Russian).
3. Hyden L.-C. Illness and Narrative, *Sociology of Health & Illness*, 1997, vol. 19, no. 1. pp. 48–69.
4. Sloeva E. A., Smirnova D. A., Kuvshinova N. Ju. Rechevoe povedenie pacientov s nevroticheskimi depressijami [Verbal behaviour of patients with neurotic depression]. In: *Obshhestvo remissii: na puti k narrativnoj medicine sb. statej* [Society of remission: towards a narrative medicine: call of works]. Samara, Samar. gos. un-t, 2012, pp. 203–216 (in Russian).
5. Bergelson M. B., Dragoy O. V., Akinina Ju. S., Shitova N. M. Narrativnye strategii: norma i patologija [Narrative strategies: the norm and pathology]. In: *Jazyk. Konstanty. Peremennye: Pamjati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika: sb. st.* [Language. Constants. Variables. The Memory Of Aleksandr E. Kibrik: coll. of works]. St. Petersburg, Aleteya Publ., 2014, pp. 76–87 (in Russian).
6. Schiffrin D. *In Other Words: Variation in reference and narrative*. Cambridge, Cambridge University Press, 2006. 373 p.
7. Brody H. *Stories of sickness*. New York, Oxford University Press, 2003. 295 p.
8. Zhura V. V. Vzaimodejstvie kartin mira vracha i pacienta v hode medicinskoj kommunikacii i sposoby ih jeksplicacii [Interaction patterns of the world of the doctor and the patient in medical communication and their explication]. In: *Obshhestvo remissii: na puti k narrativnoj medicine: sb. st.* [Society of remission: towards a narrative medicine: coll. of works]. Samara, Samar. gos. un-t, 2012, pp. 54–65 (in Russian).
9. Van Dijk T. A. *Language, Knowledge, Communication*. (Russ. ed: Van Dijk T. A. *Jazyk. Poznanie. Kommunikatsiya*. Moscow, Progress Publ., 1989. 312 p.).
10. Labov W. *The Transformation of Experience in Narrative Syntax*. *Language in the Inner City*. Philadelphia, Studies in the Black English Vernacular, 1972, pp. 354–396.
11. Kitaigorodskaya M. V., Rozanova N. N. *Rech' moskvichej: Kommunikativno-kul'turologicheskij aspekt* [The speech of the Muscovites: Communicative and cultural aspect]. Moscow, Russkiye slovari Publ., 1999. 396 p. (in Russian).
12. Borisova I. N. *Narrativ kak dialogicheskij zhanr* [Narrative as Dialogic genre]. *Zhanry rechi: sb. nauch. tr.* [Speech Genres: coll. of sci. works]. 2002, iss. 3, Saratov, GosUNTs "Kolledzh", pp. 245–262 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 19.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Майборода С. В. Лингвопрагматические и структурные особенности нарративных жанров коллегиальной и авторитарной модели устного медицинского дискурса // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 144–151. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-144-151

For citation

Mayboroda S. V. Linguopragmatic and Structural Features of Narrative Genres of the Collegial and Authoritarian Model of Oral Medical Discourse. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 144–151. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-144-151

ЖАНРЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

УДК 821.161.1.09+929 Писемский
ББК 83.3(2Рос=Рус)-8 Писемский А. Ф.
DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-152-156

О. В. Тимашова
Саратов, Россия

Olga V. Timashova
Saratov, Russia

ПРОБЛЕМА ЖАНРА В РАННЕЙ ПРОЗЕ
А. Ф. ПИСЕМСКОГО

Статья расширяет проблематику более ранней работы о проблеме жанров в одном из циклов Писемского раннего периода. В данной статье рассматриваются проблемы жанров малой прозы А. Ф. Писемского раннего этапа в целом.

Выявляется наличие четырех жанров: повести, рассказа, новеллы и романа. Повесть и новелла изображают «русских европейцев». Повесть рисует психологическое развитие «лишнего человека», приключенческая новелла разоблачает расчетливость и грубость романтического героя. Контрастным новелле жанром в поэтике Писемского становится рассказ о демократическом герое: крестьянине, провинциальном актере.

Роман «Тысяча душ» заключает ранний этап творчества и синтезирует достижения повести, рассказа и новеллы.

Жанровообразующим принципом является переосмысление традиционных жанровых форм.

Рассматриваются законы жанрового перехода от раннего к зрелому этапу. В статье синтезируются биографический, исторический, литературоведческий методы исследования.

Ключевые слова: А. Ф. Писемский, рассказ, повесть, новелла, роман.

Сведения об авторе: Тимашова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской и зарубежной литературы.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: timashova.ov@gmail.com

ORCID 0000-0002-1713-8685

Жанровая система А. Ф. Писемского, отвечающая идейным задачам раннего этапа его творчества (1850–1858), несмотря на существующие традиции [1–3] и появление в последнее время ряда интересных работ [4–6], не изучена наукой в ее становлении и развитии. Современники отмечали, что жанрово-композиционное построение произведений писателя несет повышенную идейную нагрузку [7: 67], а рецензии превращались в эстетические трактаты. Мы ставим задачей

PROBLEMS OF GENRE
IN THE A. F. PISEMSKY'S PROSE EARLY
PERIOD

The article deals with the problems of Pisemsky's prose in early period.

It is composed of the four genres: novelette, story, short stories, novel.

The stories and novelettes are two parts. They represented «Russian Europeans».

Superfluous person represented in story. Byronic hero represented in novelette. Novelette are «point» in final, radical changes Position and opinion of hero. It need to start unpicking the poetical hero.

A short story are three parts. The stories and novelettes are contrasts and parallels in the short story, hero demonstrates his action and national: peasant, provincial actor

Novel finalized and synthesized three preceding genres. Pisemsky travesties his structure in this genres. Piss-take is a basic genre principles of Pisemsky's prose in early period.

This article deals with the problem of relations between early and old prose of Pisemsky. It synthesizes biographical, historic, litteratural methods of approach.

Key words: A. F. Pisemsky, story, short story, novelette, novel.

About the author: Timashova Olga Vladimirovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor of the Department of History of Russian and Foreign Literature.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: timashova.ov@gmail.com

ORCID 0000-0002-1713-8685

проследить картину становления жанровой системы писателя, ее отражение в критических откликах современников и обусловленность жанра каждого произведения идейными задачами автора.

Вначале писатель обратился к жанру социально-психологической повести «натуральной школы». Он создал два произведения об «эмансипации» женщин, запрещенные цензурой. Героини обеих, насильно выданные замуж, полюбили другого. Писатель колебался

и менял местами названия повестей: проблемное «Виновата ли она?» и характеризующее дикость бытовой среды – «Боярщина» [8, 9: 604]. Это свидетельство того факта, что в сознании автора два произведения составили некое единство.

С вступлением Писемского в состав «молодой редакции» «Москвитянина» его жанровая палитра расширилась. Писатель поддержал программу журнала. Его целью стало развенчание типа «русского европейца» («Москвича в гарольдовом плаще» и «лишнего человека») [9: 72–73]. Писатель стремился обрисовать «финансовое, нравственное и часто физическое банкротство» [10: 101] высокого героя. И. Иванов сделал наблюдение о том, что авторское отношение к персонажам определило жанровую дифференциацию произведений: истории «людей сороковых годов» «трагические <...>», история первого типа (т. е. «москвича в Гарольдовом плаще». – О. Т.) – сплошной *фарс* <...>» (курсив мой. – О. Т.) [10: 101]. В соответствии со взглядами на каждый из русских литературных типов «лишний человек» у Писемского стал героем психологической повести «Москвич в гарольдовом плаще» – приключенческой новеллы.

Рубежным событием между двумя частями повести у Писемского всегда становилась свадьба. В первых повестях высокий герой являлся негодующим созерцателем брака по расчету. Его невмешательство мотивировалось объективными причинами: отъездом героини в деревню в повести «Боярщина», окончанием героем университета в повести «Виновата ли она?».

В первой «москвитянинской» повести «Тюфяк» (1850) временное деление также определяется двумя этапами; но теперь уже судьбы самого героя, выпускника Московского университета Павла Бешметева (Тюфяка), – от возвращения домой до женитьбы, от женитьбы до смерти. Первая часть повести описывает его «преступление» (брак без любви со стороны невесты), вторая часть рисует наказание. Традиционное для «лишнего человека» бездействие приводит к «структурной перестройке типа конфликта» [11: 284]. Для общения с миром герою оказываются необходимы медиаторы, посредники, которые и осуществляют функции сюжетного движения, нередко вопреки желаниям Бешметева. Однако Тюфяк на каждом этапе биографии сам выбирает помощников и, следовательно, морально отвечает за их поступки. Нравственное осуждение бездействия персонажа усиливается, поскольку те люди, которых он избирает в посредники, нравственно меняются. Так, отцу невесты, Владимиру Андреичу, молчаливое согласие Павла развязывает руки. Циничный, но проницатель-

ный тесть формулирует низменные желания, которые герой не решается высказать, но и не решается подавить: «Поцелуй, Юлия: с женихом-то и надобно целоваться» [8, т. 1: 386].

В финале для Тюфяка – после домохозяина-немца, заботливой тетушки, любящей сестры и услужливого тестя – посредником в общении с миром становится вино. Оно не требует взамен душевных усилий: ни любви, ни дружбы, ни приветливости. Сначала алкоголь помогает юноше освободиться от застенчивости, а затем – от моральных запретов.

Вопрос о нравственной ответственности героя за бездействие был так нов для повести «натуральной школы» 1840–1850-х гг., которая изображала нравственное «превращение» героев под прессингом среды [11: 251], что в большинстве рецензий на «Тюфяка» поднимался вопрос о жанре произведения. Так, рецензент журнала «Современник» в ходе анализа справедливо отмечал, что «в повести “Тюфяк” действующее лицо <...> – все, только не Бешметев» (курсив мой. – О. Т.) и что центральный герой призван для проверки нравственной ценности остальных персонажей [12: 16]. Но в финале статьи И. И. Панаев, отталкиваясь от традиционных представлений о главном *действующем* лице малой прозы, заявил: «Повесть Писемского не есть <...> повесть, в которой всё двигалось бы <...> одним характером» [12: 17]. В полемике с ним глава «молодой редакции», А. Н. Островский, заявил о том, что Писемский сделал следующий шаг в развитии центрального жанра 1840–1850-х гг.: «“Тюфяк” <...> явился под названием <...> повести; <...> мы <...> хотим отличить его от других <...>» [13, т. 10: 18]. Он выделяет два значения термина «повесть»: создание массовой беллетристики и произведение «натуральной школы». «Тюфяк» являет новый тип русской повести, избежавший как беллетристической безыдейности, так и противоположной опасности: социально-дидактического повествования («развития <...> любимой темы автора») [13, т. 10: 18–19]. Глава «молодой редакции» сформулировал авторскую идею «Тюфяка»: «Для жизни нужны <...> житейские способности, которых нельзя заменить ни благородством сердца, ни <...> образованием» [13, т. 10: 19].

О беллетристической увлекательности повествования как о черте, отличавшей Писемского от авторов-современников, писали Б. Алмазов [14] и Н. Г. Чернышевский [15, т. 4: 722]. Но впервые о наличии в жанрово-родовой системе писателя такого жанра, как новелла, заявил Ю. И. Минералов [16: 216]. Однако он ошибочно причислял к этому жанру и «крестьянские» произведения Писемского [16: 216–217]. Различие между повестью и новеллой

в прозе Писемского основано на противопоставлении идейных исканий «лишнего человека» (повесть) и нанизывания эпизодов, иллюстрирующих романтическую вседозволенность подражателей Печорину (новелла).

Анализ эпистолярия писателя доказывает, что новелла появилась в его творчестве как жанр, контрастный рассказу. В середине 1852 года он сообщил редактору М. П. Погодину, что он «готовит для «Москвитянина» два произведения: новеллу «М-г Батманов» и рассказ «Питерщик» [17: 546]. Оба произведения получают предварительное определение «статейка», которое указывало на аналитический характер произведений. Они рисуют портрет героя, являющегося высшим воплощением сословно-культурного типа (светский лев и разбогатевший крестьянин). Рассказ о представителе демократического сословия призван был оттенить портрет европеизированного «героя».

Рассказы имеют классическую трехчастную структуру [18: 391–392], («Комик», «Питерщик»). Так, Комик, последователь гоголевской школы, должен отстаивать на любительской сцене свои эстетические убеждения в борьбе с классицистом и романтиком. В биографии «питерщика» Клементия душевный конфликт мотивируется отношениями с женщинами, две из них были его законными женами, а третью он полюбил преступной страстью.

В преамбуле каждого из рассказов цикла «Очерки из крестьянского быта» декларируется документальная точность изображаемого. В рассказе «Питерщик» описание участи «питерского» мастераго («жизнь почти каждого из них проходит одним обычным порядком» [8, т. 2: 215]) предпослано рассказу о судьбе Клементия. Типичность беды крестьянки в рассказе «Леший» декларирована устами исправника. Знаком крестьянского быта заявляет: «Много я эдаких примеров видел» (курсив мой. – О. Т.) [8, т. 2: 255].

Но повествователь в первом рассказе предупреждает публику, что «бывает и другое» [8, т. 2: 216]. Судьбы Клементия, Петра и Марфы настолько индивидуализированы, что они являются персонажами художественного произведения – рассказа. Завязкой явился случай: смерть любимой жены Клементия; женитьба отца Петра на Федоске; появление нового управляющего в лесной глуши. Каждый из персонажей усматривает в своих злоключениях присутствие нечистой силы. Клементий подозревает, что во внезапной кончине молодой жены «вряд ли <...> не было <...> дурного глаза» [8, т. 2: 228]. Федоска считается в околоте колдуньей, и Петр убежден, что она «испортила» его из ревности. Тема нечистой силы становится лейтмотивом рассказа

о Марфуше. Героям непривычно осознавать, что они решились на самостоятельные поступки. Однако вторичная женитьба не помешала Клементию завести отношения с городской барышней. Уходит из отчего дома Петр в надежде обзавестись собственным хозяйством. Марфа прибегает на свидание к управителю, где ее уже ждет лихая тройка.

Психологический конфликт мужицкого героя Писемского разворачивается между представлением о незаурядности собственной судьбы, которое вступает в столкновение с деревенским коллективным сознанием, «исконными порядками <...> своей среды» [10: 147]. В нравственном конфликте персонажи преодолевают «запас <...> грубости и даже дикости» [Там же], свойственный миропониманию мужика. Клементий жалеет Палагею даже после того, как убедился в ее корысти, и преодолевает желание отнять подаренные наряды. Петр убивает подрядчика, спасая бессловесного Матюшку от побоев. Марфуша оберегает от кары соблазнительше ее управителя.

Рассказ о Питерщике, едва избежавшем тюрьмы, подготавливает детективные сюжеты следующих произведений «крестьянского» цикла, построенных на расследовании похищения («Леший») и убийства («Плотничья артель»). Изучение мотивов преступлений и проступков персонажей послужит сюжетообразующим и в позднейших художественных циклах: обнаруженном нами «историческом» цикле [19] и памфлетном «Русские лугны».

Оригинальное освоение таких жанров, как повесть, рассказ, очерк и новелла привело Писемского в конце 1850-х гг. к созданию крупного эпического произведения, романа «Тысяча душ» (1858). Некоторые исследователи причисляли к романному жанру повести Писемского «Боярщина» и «Богатый жених» [20: 256]. Ученые опирались на авторскую характеристику. Но анализ свидетельствует, что Писемский нашел для «Тысячи душ» новое определение: «большой», «обширный», «длинный» роман [17: 62–63, 76, 82–83]. Этот эпитет писатель распространит на характеристику своих позднейших романов [17: 399–400].

В романе Писемский усложнил эволюцию персонажей. Так, Калинович первой и второй частей – уездный чиновник. Перед ним раскрываются альтернативные пути, определяющие конфликт в душе героя: жениться на Настеньке и остаться в провинции на должности смотрителя или осуществить честолюбивые мечты. В третьей части герой проходит путь от нищего просителя до супруга владелицы «тысячи душ». Финальная часть романа рисует новый статус (вице-губернатор) и новую жизненную программу героя. Он решается пойти наперекор системе, осуществив злосудный

идеал «честного администратора». Коллизии в судьбе героя оттеняет эволюция Настеньки – от провинциальной девицы до известной актрисы и, наконец, спутницы жизни Калиновича. Принцип многократной смены жизненных ролей поддерживает владелица «тысячи душ» Полина: от нахлебницы к богатой наследнице, затем рабе мужа.

Современники отметили, что писатель преодолел слабые стороны «обличительной» прозы: идеологический схематизм, психологическую поверхность: «<...> “Тысяча душ” разрушает дело сентиментального общественного поучения» [21: 5]. Журнал «Отечественные записки» иронически реконструировал, как выглядело бы типическое «обличительное» произведение: «<...> Автор вывел идеально-прекрасное лицо зрителя <...>, который по любви женится <...>, и <...> награждается <...> постом и <...> почетом!» [22: 20].

Большинство рецензентов отметили, что, как и в случае с повестью и рассказом, Писемский создал новую романную форму на русской почве. В основе сюжета лежит «анекдот», т. е. новеллистическая история типического героя: роман «не есть <...> история тысячи душ <...> православного мира, а история ложного исправителя <...> злоупотреблений <...>» [23: 179]. Общественная проблематика подчинила себе любовный сюжет и отодвинула его на второй план: «Даже образ Настеньки становится второстепенным <...>» [22: 18]. Критик доказывал, что образ карьериста, созданный Писемским, психологически более сложен, нежели в «романе карьеры» европейских реалистов: «Не бальзаковский Растиньяк, <...> проникнутый одною идеею: разбогатеть <...>» [21: 11–12]. Из наблюдений критиков следует, что социально-аналитический характер повествования, отработанный Писемским в его малой прозе, позволил ему приблизиться к жанру эпопеи: «Автор <...> при помощи искусно задуманной интриги, умел с редким мастерством показать <...> все слои русского общества <...>» [24: 50]; «Рисуется <...> жизнь нашего общества <...>» [25: 297].

Анализ становления малой прозы Писемского позволяет доказать тезис об идейно-эстетической программе, лежащей в основе поэтики писателя. Оригинальность ее состоит в том, что основывалась она на жанровой полемичности. Каждое произведение Писемского разрабатывало проблематику традиционного жанрового типа. При этом писатель переосмысливал его центральные образы, сюжетные ходы и взаимоотношения персонажей. Писатель фактически подводил итог тому или иному течению современной беллетристики. Он разоблачал штампы, указывал на психоло-

гически слабые стороны и давал новый толчок развитию жанров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Оганян Н. С.* Художественное своеобразие очерков и рассказов Писемского // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1976. № 6. С. 25–32.
2. *Смирнова Ю. А.* Речевая структура образа героя-рассказчика в повестях и рассказах А. Ф. Писемского // Введение в литературоведение. М.: Высш. шк., 1999. С. 192–201.
3. *Лотман Л. М.* Писемский-романист // История русского романа: в 2 т. М.: Изд-во АН СССР, 1964. Т. 2. С. 121–148. 642 с.
4. *Зубков К. Ю.* Повести и романы А. Ф. Писемского 1850-х годов: повествование, контекст, традиция: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 24 с.
5. *Балуев С. М.* Очерки Писемского 1850-х гг. (Проблематика и стиль). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 41 с.
6. *Вдовин А. В.* Русский народный характер как «литературный обман» (рассказ А. Ф. Писемского «Леший») // *Studia Russica Hlsingiensia et Tartuensia: Мифология культурного пространства: К 80-летию С. Г. Исакова.* Тарту: Tartu University Press, 2011. С. 301–317.
7. Письма П. В. Анненкова И. С. Тургеневу // Труды публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. М.: Академия, 1934. Вып. 3. С. 47–176.
8. *Писемский А. Ф.* Собр. соч.: в 9 т. / под ред. А. П. Могилянского, подг. текста и примеч. М. П. Еремина. М.: Правда, 1959.
9. *Григорьев Ап.* Русская изящная литература в 1852 году // Григорьев Ап. Литературная критика. М.: Худож. лит., 1967. С. 41–111.
10. *Иванов Ив. А. Ф.* Писемский. СПб.: Лит. журн., 1898. 230 с.
11. *Манн Ю. В.* Утверждение критического реализма. Натуральная школа // Развитие реализма в русской литературе: в 3 т. М.: Наука, 1972. Т. 1. С. 234–291.
12. [*Панаев И.*] Обзорение русской литературы за 1850 год (Романы, повести, драматические произведения, стихотворения) // Современник. 1851. Т. 25. Отд. 3. С. 17–18.
13. *Островский А. Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. М.: Искусство, 1978.
14. *Алмазов Б. А. Ф.* Писемский и его двадцатипятилетняя литературная деятельность // Русский архив. 1875. № 4. С. 453–467.
15. *Чернышевский Н. Г.* «Старая барыня» г. Писемского // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.: Гослитиздат, 1939–1953. Т. 4. С. 720–722.
16. *Минералов Ю. И. А. Ф.* Писемский // История русской литературы XIX века (40–60-е годы). М.: Высш. шк., 2008. С. 215–221.
17. *Писемский А. Ф.* Письма / под ред. и коммент. М. К. Клемана и А. П. Могилянского. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. 928 с.
18. Теория литературы: в 2 т. / под ред. Н. Д. Тармаченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтмана. М.: Академия, 2004. Т. 2. 369 с.
19. *Тимашова О. В.* Проблема жанра в историческом цикле А. Ф. Писемского раннего периода // Жанры речи. 2017. № 1 (16). С. 72–77.
20. *Венгеров С. А.* Дружинин. Гончаров. Писемский. СПб.: Прометей, 1911. 275 с.

21. Дружинин А. В. Тысяча душ, А. Ф. Писемского // Дружинин А. В. Прекрасное и вечное : сб. ст. / вступ. ст. Н. Н. Скатова. М. : Современник, 1988. С. 1–15.
22. Дудышкин С. Тысяча душ. Роман в четырех частях, А. Ф. Писемского // Отечественные записки. 1859. № 1. Отд. 2. С. 1–21.
23. Анненков П. В. Деловой роман в нашей литературе // Анненков П. В. Критические очерки. СПб. : РХГИ, 2000. С. 179–201.
24. Эдельсон Е. «Тысяча душ». Роман в 4 частях А. Писемского // Русское слово. 1859. № 1. Отд. 4. С. 49–66.
25. Ашхарумов Н. Д. Тысяча душ. Роман в четырех частях, А. Ф. Писемского // Весна. Литературный сборник на 1859 год. СПб., 1859. Отд. 2. С. 291–344.

REFERENCES

1. Oganian N. S. Khudogestvennoie svoeobrazie ocherkov i rasskazov Pisemskogo [The artistic originality of essays and short stories of Pisemskiy]. *Nauchniye doklady vishey shkoly. Filologicheskiye nauki* [Scientific reports of the high school. Philological sciences], 1976, no. 6, pp. 25–32 (in Russian).
2. Smirnovau Yu. A. Rechevaya struktura obraza geroya-rasskazchika v povestyah i rasskazakh A. F. Pisemskogo [The speech structure of the image of the hero-narrator in the stories and tales of Pisemskiy]. *Vvedeniye v literaturovedeniye* [Introduction to literary criticism]. Moscow, Visshaya Shkola Publ., 1999. С. 192–201 (in Russian).
3. Lotman L. M. Pisemskiy-romanist. *Istoriya russkogo romana : v 2 t.* [The history of Russian novel : in 2 vols], Moscow, AN SSSR Publ., 1964, vol. 2, pp. 121–148 (in Russian).
4. Zubkov K. Yu. *Povesti i romani A. F. Pisemskogo 1850 gg. : povestvovanie, kontsept, traditsiya* [Stories and novels of Pisemskiy : narrative, concept, tradicion]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). St. Petersburg, 2011. 24 p.
5. Baluyev S. M. *Ocherki Pisemskogo 1850 gg. (Problematika i stil')* [Essays of Pisemskiy 1850 (Problematics and Style)]. St. Petersburg, Izd-vo Petersburg. un-ta, 2001. 41 p. (in Russian).
6. Vdovin A. V. Russkiy narodniyi hkarakter kak «literaturniy obman» (rasskaz A. F. Pisemskogo «Leshiy») [Russian folk character as a literary fraud (Pisemskiy's story Leshiy)]. *Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia : Mifologia kulturnogo prostranstva : k 80-letiyu S. G. Isakova* [Mythology of cultural space : to the 80th S. G. Isakov]. Tartu, Tartu Univ. Press, 2011, pp. 301–317 (in Russian).
7. Annenkov P. V. Pis'ma I. S. Turgenevu [Letters for I. S. Turgenev]. *Trudi publ. bibl. im. Lenina* [Works of the public library named after Lenin], 1934, vol. 3, pp. 47–176 (in Russian).
8. Pisemskiy A. F. *Sobranije sochinenij : v 9 t.* [Collected works : in 9 vols]. Moscow, Pravda Publ., 1959. 564 p. (in Russian).
9. Grigor'ev Ap. Russkaya izyachnaya literatura v 1852 godu [Russian language literature in 1852]. In: *Grigor'ev Ap. Literaturnaya kritika* [Literary criticism]. Moscow, Khudozh. lit., 1967, pp. 41–111 (in Russian).
10. Ivanov Iv. A. F. *Pisemskiyi*. St. Petersburg, 1898. 230 p. (in Russian).
11. Mann Yu. V. Utverzdeniye kriticheskogo realizma [Confirmation of critical realism]. *Razvitiye realizma v russkoy literature : v 3 t.* [The development of realism in Russian literature : in 3 vols]. Moscow, Nauka Publ., 1972, vol. 1, pp. 234–291 (in Russian).
12. [Panayev I.] *Obozreniye russkoy literaturi za 1850 god* [Review of Russian literature in 1850]. *Sovremennik*, 1851, vol. 25. no. 3, pp. 17–18 (in Russian).
13. *Ostrovskiy A. N. Poln. sobr. soch. : v 12 t.* [Complete Works : in 12 vols]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978 (in Russian).
14. Almazov B. A. F. Pisemskiy i yego 25-letnyaya literaturnaya deyatel'nost' [Pisemskiy and his 25-year literary career]. *Russkiy arkiv* [Russian archive], 1875, no. 4, pp. 453–467 (in Russian).
15. Chernishevskiy N. G. «Staraya barinya» A. F. Pisemskogo [The Old Lady by Pisemskiy]. *Chernishevskiy N. G. Poln. sobr. soch. : v 16 t.* [Complete works : in 16 vols]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1953, vol. 4, pp. 720–722 (in Russian).
16. Mineralov Yu. I. A. F. Pisemskiy. *Istoriya russkoy literaturi XIX v. (40–60 god)* [The history of Russian Literature in XIX c. (40–60)]. Moscow, Visshaya Shkola Publ., 2008, pp. 215–221 (in Russian).
17. Pisemskiy A. F. *Pis'ma* [Letters]. Moscow, Leningrad, Izd-vo AN SSSR, 1936. 928 p. (in Russian).
18. *Teoriya literaturi : v 2 t.* [The theory of Literature : in 2 vols]. Moscow, Akademiya Publ., 2004, vol. 2. 369 p. (in Russian).
19. Timashova O. V. The problem of the genre in the historical cycle of Pisemskiy's early period. *Speech Genres*, 2017, no. 1 (16), pp. 72–77 (in Russian).
20. Vengerov S. A. *Druzhinin. Goncharov. Pisemskiy*. St. Petersburg, Prometey Publ., 1911. 275 p. (in Russian).
21. Дружинин А. В. Тысяча душ, А. Ф. Писемского [A Thousand Souls by Pisemskiy]. In: *Druzhinin A. V. Prekrasnoye i vechnoye : sb. st.* Moscow, Sovremennik Publ., 1988, pp. 1–15 (in Russian).
22. Дудышкин С. Тысяча душ, А. Ф. Писемского [A Thousand Souls by Pisemskiy]. *Otechestvennuyye zapiski* [Patriotic Notes], 1859, no. 1, vol. 2, pp. 1–21 (in Russian).
23. Annenkov P. V. Delovoy roman v nashey literature [Business novel in our literature]. In: *Annenkov P. V. Kriticheskiye ocherki* [Critical essays]. St. Petersburg, RKhGI Publ., 2000, pp. 179–201 (in Russian).
24. Эдельсон Е. Тысяча душ. Роман в 4 частях, А. Ф. Писемского [A Thousand Souls by Pisemskiy. Novel in 4 parts]. *Russkoye slovo* [A Russian Word], 1859, no. 1, vol. 4, pp. 49–66 (in Russian).
25. Ашхарумов Н. Д. Тысяча душ. Роман в 4 частях А. Ф. Писемского [A Thousand Souls by Pisemskiy. Novel in 4 parts]. In: *Vesna. Literaturny sbornik na 1859 god*. [Spring Literatry collection of 1859]. St. Petersburg, 1859, vol. 2, pp. 291–344 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 22.11.2017

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Тимашова О. В. Проблема жанра в ранней прозе А. Ф. Писемского // Жанры речи. 2018. № 2 (18). С. 152–156. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-152-156

For citation

Timashova O. V. Problems of Genre in the A. F. Pisemskiy's Prose Early Period. *Speech Genres*, 2018, no. 2 (18), pp. 152–156. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-152-156

РЕЦЕНЗИИ. ОБЗОРЫ. ХРОНИКА

УДК 81'38

ББК 81

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-157-161

В. В. Дементьев
Саратов, Россия**Vadim V. Dementyev**
Saratov, Russia**О МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ЖАНРЫ РЕЧИ
И «ЖАНРЫ РЕЧИ»» (РАЗМЫШЛЕНИЯ
ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА)****ABOUT THE INTERNATIONAL CONFERENCE
‘SPEECH GENRES AND “SPEECH GENRES”’
(EDITOR’S REFLECTIONS)**

Обзор международной научной конференции «Жанры речи и “Жанры речи”», посвященной 100-летию гуманитарного образования в Саратовском университете и 20-летию международного научного журнала/сборника «Жанры речи» (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, 27–29 ноября 2017 г.). В конференции приняли участие исследователи из Саратова, Великого Новгорода, Волгограда, Воронежа, Ганновера (Германия), Екатеринбургa, Казани, Красноярска, Минска (Беларусь), Москвы, Новосибирска, Омска, Пензы, Перми, Самары, Санкт-Петербурга, Симферополя, Томска, Хайфы (Израиль), Челябинска, Ярославля. Всего 82 участника, из них иногородних – 34, докторов наук – 48. Работали секции: общие проблемы теории речевых жанров; исследования отдельных жанров; жанры в художественном творчестве; жанры СМИ и интернет-жанры.

Ключевые слова: речевые жанры, общие проблемы теории речевых жанров, художественные жанры, жанры СМИ, интернет-жанры.

Review of the international conference “Speech Genres and “Speech Genres””, dedicated to the 100th anniversary of humanities education in Saratov State University and the 20th anniversary of the international scientific journal “Speech Genres” (Saratov State University, 27–29 November 2017). The conference was attended by researchers from Saratov, Veliky Novgorod, Volgograd, Voronezh, Hanover (Germany), Ekaterinburg, Kazan, Krasnoyarsk, Minsk (Belarus), Moscow, Novosibirsk, Omsk, Penza, Perm, Samara, St. Petersburg, Simferopol, Tomsk, Haifa (Israel), Chelyabinsk, Yaroslavl. There were 82 participants, from another town – 34 participants, doctors of sciences – 48. There were sections: general problems of the theory of speech genres; research of specific genres; genres of art; genres of media, and Internet genres.

Key words: speech genres, general problems of the theory of speech genres, artistic genres, genres of media, Internet genres.

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: dementevvv@yandex.ru

ORCID 0000-0002-7532-5788

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: dementevvv@yandex.ru

ORCID 0000-0002-7532-5788

Представлять конференцию организаторам всегда сложно: с одной стороны, скромность заставляет быть сдержанными, с другой – роль организатора не позволяет уходить в формальность. Но поскольку тематика данной конференции непосредственно связана с журналом, обойтись без информации/отчета о ней невозможно.

Принципиально значимыми представляются следующие моменты.

Во-первых, следует сказать о концепции конференции и ее целях, а также о том, как саратовское жанроведение, журнал «Жанры речи» шли к этой конференции (таким конференциям), т. е. «**факторе прошлого**» конференции.

Во-вторых – о составе участников, сформировавшемся к моменту открытия: какие жанроведческие центры, направления были представлены, встретились (а часто и сошлись

в дискуссиях, но об этом ниже), т. е., так сказать, «**прошлом, переходящем в настоящее**».

В-третьих – **настоящее** – как конференция, собственно, проходила.

В-четвертых – конференция особенно интересна была **дискуссией** как на секциях, так и в кулуарах (что на конференциях иногда – но, к сожалению, далеко не всегда – и есть главный практический результат, несводимый к публикации материалов и часто принципиально больший, чем они); у меня лично сложилось впечатление, что был дан толчок целому ряду **будущих** новых исследований и даже направлений жанроведения.

Еще три важных замечания.

В-пятых, поскольку многие доклады с конференции публикуются именно здесь, в журнале «Жанры речи» (собственно, по замыслу, публикуются все: одним из условий конференции было то, что по ее итогам собирается специальный номер/номера журнала «Жанры речи»), пересказывать сами доклады вряд ли стоит.

В-шестых, поскольку статья писалась буквально через несколько дней после окончания конференции и настоящее осмысление ее итогов, безусловно, – дело будущего, я решил поделиться с аудиторией своими **личными** впечатлениями главного редактора журнала и сопредседателя конференции о ходе конференции и отдельных выступлениях ее участников.

И, в-седьмых, в последний день я предложил участникам и гостям конференции присылать мне отклики – в произвольной форме и объеме, с тем чтобы я вставил это в свой «отчет» (естественно, указав автора). Но это надо было сделать очень быстро. Я уже получил много откликов, в основном они продолжают поступать. Предполагаем дать всю подборку в следующем номере журнала.

* * *

Идея провести в Саратовском университете международную конференцию, посвященную РЖ, появилась довольно давно. (В других научных центрах конференции по РЖ уже были – см. недавний наш с Н. Б. Степановой отклик-обзор на Шмелёвские чтения 2015 г., специально посвященные речевым жанрам [1]). И журнал/сборник «Жанры речи» существует тоже давно – 20 лет. Чем вызван успех издания? Прежде всего, это увлечённость и высокий профессионализм инициатора создания сборника и его первого редактора – В. Е. Гольдина (1935–2017). В сборнике/журнале публикуются разнообразные, многоаспектные исследования по РЖ: они осуществлены с очень разных

точек зрения, представляют разные направления науки. Уже в первых двух выпусках «Жанров речи» (1997 и 1999) приняли участие фактически все ведущие жанроведы того времени: Т. В. Шмелева, М. Ю. Федосюк, К. А. Долинин, Т. В. Матвеева, Н. В. Орлова, В. И. Карасик, М. Н. Кожина, В. А. Салимовский, М. Л. Макаров, В. И. Жельвис, Е. Я. Шмелева, А. Д. Шмелев, И. А. Стернин, С. Ю. Данилов, Ю. В. Щурина (Россия), Л. В. Балашова, В. Е. Гольдин, О. Н. Дубровская, М. А. Кормилицина, В. В. Прозоров, К. Ф. Седов, О. Б. Сиротина (Россия, Саратов), Анна Вежицкая, Станислав Гайда, Сабине Дённингхаус (зарубежные авторы). Все эти ученые исходили из того, что нужно не только активно заниматься РЖ, но и публиковаться в одном издании: это будет способствовать не только более активному знакомству с работами друг друга, но и более концентрированному читательскому восприятию.

Такой подход редколлегия старалась сохранить и позже, когда сборник был переформатирован в международный журнал; такой подход не мог не отразиться и на конференции «Жанры речи и “Жанры речи”» и составе, и взаимных отношениях ее участников.

В конференции приняли участие исследователи из Саратова, Великого Новгорода, Волгограда, Воронежа, Ганновера (Германия), Екатеринбурга, Казани, Красноярска, Минска (Беларусь), Москвы, Новосибирска, Омска, Пензы, Перми, Самары, Санкт-Петербурга, Симферополя, Томска, Хайфы (Израиль), Челябинска, Ярославля. Всего было заявлено 92 участника, из них «реальных», т. е. принявших очное участие, – 82, приехавших иногородних – 34, докторов наук – 48.

Что касается задач конференции, они, видимо, приблизительно совпадают с заявленными секциями: **общие проблемы теории речевых жанров; исследования отдельных жанров; жанры в художественном творчестве; жанры СМИ; интернет-жанры**. Эти же проблемы были представлены на трех частях (две в первый день, третья – в последний) пленарного заседания.

Одно из наиболее сильных впечатлений – большой (причем фактически одинаково большой) интерес аудитории к докладам, имеющим как теоретический, так и практический характер.

Из теоретических докладов хочу отметить «Жанр речи как комплексная комбинаторная модель текста» **В. А. Салимовского** (основные положения были изложены в статье [2]), где прежде всего было указано на необходимость комплексного подхода, выявления до сих пор малопроясненной связи различных

жанровых идей (Аристотеля, Бахтина, Виттгенштейна, теории речевых актов).

С уверенностью можно сказать, что исследование Владимира Александровича направлено в будущее, задаёт целый ряд новых направлений осмысления РЖ, сложность и актуальность которых подчеркивается недостаточной осмысленностью проблем – тоже комплексных – на пересечении и с функциональной стилистикой, и психолингвистикой, и аксиологией/оценочностью в самом широком смысле.

В центре внимания исследователя оказалась проблема *иллюкциии*, которая связывалась автором с первым этапом формирования высказывания (выделяемым в психолингвистике) – первичным замыслом (не мотивом), для которого характерно большое количество компонентов и вариантов. Как известно, за иллюкцией простираются большие пространства, измерения, глубины. Как эту иллюкцию определить в каждом конкретном случае – вот в чем вопрос (особенно в таких случаях, как реклама, где диалог, диалогичность «ущербные», манипулятивные). По-видимому, реакция адресата не менее относительна, чем содержательная завершенность: она (реакция) может быть и не быть (быть про себя), может быть вербальная и невербальная, громкая и тихая, «мимическая» (термин Л. П. Якубинского) и т. д. Но вариативность прочтения замысла адресанта не означает, что этого замысла нет или его можно не брать в расчет (или что он не мог бы быть гораздо более ясным и понятным в другой ситуации). Важно, что у Бахтина кроме адресата выделялся еще и нададресат – интересный параметр ситуации высказывания: фактически основа диалогичности мышления. Во многом именно нададресат определяет иллюкцию.

Сравнению работ А. А. Реформатского и М. М. Бахтина о жанрах речи было посвящено выступление члена-корреспондента РАН, главного научного сотрудника, заведующего центром социолингвистики Института языкознания РАН **В. М. Алпатова**. Владимир Михайлович отметил, что, к сожалению, детальная классификация жанров, созданная Реформатским, в своё время оказалась забыта.

Совместный доклад профессора СГУ **Е. Г. Елиной** и **М. А. Фризен** (Ганновер, Германия) был посвящён феномену «новой грамотности» (а также «новой неграмотности») и речевым жанрам, появляющимся в связи с развитием информационных технологий. В частности, Елена Генриховна рассказала о гипотезе появления жанра «маяк», перечислила его особенности и привела интересные примеры. Данная гипотеза, с одной стороны,

дает новые возможности для объяснения неинформативных жанров интернет-коммуникации, с другой – дает пищу для размышлений на будущее, в частности, требует ответа вопрос о том, в какой степени жанр «маяк» является новым. Обусловлено ли новое в нем 1) изменившимися правилами и нормами коммуникации или же 2) чисто техническими возможностями, которых не было лет десять назад? В частности, очевидна связь «маяка» с жанром статуса в соцсетях. Общее касается стандарта («заимствованного контента»), по выражению авторов доклада): как существуют стандартные подборки стикеров и эмодзи, существовали и существуют специальные сайты с готовыми «красивыми» статусами на разные случаи жизни.

Из сильных впечатлений отмечу также несомненную взаимную перекличку докладов, имеющих самое непосредственное отношение к практике изучения речи

Так, речи СМИ были посвящены доклады **М. А. Кормилицыной** «Тенденции изменений в стилистическом облике традиционных журналистских жанров в современной прессе» и **Т. В. Шмелевой** «Уплотнение жанров» как тенденция медиасферы». Татьяна Викторовна рассказала о тенденции медиасферы к «уплотнению жанров» и отметила полиинтенциональность медиатекста. Сегодня, по словам ученого, мы можем наблюдать смешение и «переодевание» жанров, а также неоднозначную позицию художественно-публицистических жанров.

Практика изучения устного спонтанного доверительного общения (а следовательно, скорее бытийного, чем бытового, в терминологии В. И. Карасика) была представлена в докладе **Т. В. Матвеевой** «О жанровой компетенции языковой личности». Нельзя не отметить оживленную полемику, которую вызвал доклад: выступления **Н. Н. Панченко**, которая, в свою очередь, осуществила целый цикл исследований по категории откровенности в речи (ср. [3], а также кандидатскую диссертацию М. М. Наумовой, написанную под руководством Н. Н. Панченко [4]) и **С. Ю. Данилова**, который тоже давно и успешно занимается этой проблемой (ср. его статью про принципиальный отказ в ключе откровенности, которая будет опубликована в следующем номере наших «Жанров»).

Не менее оживленная дискуссия развернулась после доклада **Т. И. Стексовой** и **Е. В. Лаврентьевой** «Специфика жанра обвинения в политическом дискурсе»: выступившие в прениях отмечали связь темы с другими сферами речи, пытались на этом основании уточнить определение собственно обвинения, отграничив его от смежных жанров: компро-

метации, диффамации, оскорбления, брани, а также доноса. Интересные мысли в этом плане высказывали **С. Ю. Данилов**: о возможной вариативности жанра в пределах одного дискурса, т. е. о том, что в ядре и на периферии политического дискурса обвинение может варьироваться, – и **Т. В. Дубровская** – автор монографии, посвященной жанрам «осуждение» и «обвинение» [5].

В докладе **Алексея Дмитриевича и Елены Яковлевны Шмелевых** «Русский анекдот в Интернете: трансформация жанра или новый жанр?» была затронута проблема, которой активно занимаются и в Саратове: проблема структурных типов современных интернет-анекдотов, значимых для анекдота как речевого жанра (см. [6]). Авторами был высказан целый ряд весьма интересных идей – о распространённости в речи выражения «**Читал новый анекдот?**», представляющего собой трансформацию традиционного для устного жанра рассказывания анекдота метаввода «**Слышал новый анекдот?**», описанного теми же Шмелевыми 15 лет назад [7]; отражении в текстах интернет-анекдотов креализованности речи, взаимовлиянии и взаимопроникновении «анекдотных» средств письменной, устной и новой электронной речи.

В докладе **А. П. Романенко и З. С. Санджи-Гаряевой** «Жанр покаяния в советской культуре» высказывалась интересная, хотя и небесспорная (на это обращали внимание в дискуссии) идея связать *покаяние, распространённое в советское время* (другие названия – *признание ошибок, разоружение перед партией, отречение*) с *православным покаянием* и изучать, с одной стороны, через категорию *признания грехов* (точнее, конечно, их аналогов): греха против Бога, против ближнего, против себя; с другой – используя разработанную в ТРЖ модель, где главный компонент – иллокутивная цель: для покаяния, распространённого в советское время, – либо спасение своего статуса, либо физическое спасение (правда, авторы при этом не учитывали риторический характер цели советского покаяния: *убедить* власть в своей безопасности и безвредности – и отсутствие этой риторической составляющей в покаянии православном).

В целом докладов, посвящённых **отдельным** жанрам речи разных сфер (см. секции: сфера художественной речи, СМИ, Интернет и т. д.), было очень много. Перечислю одни **названия** этих жанров в алфавитном порядке (конечно, не все): *аналитический очерк «Итоги года», блог, газетная статья, Евангельская притча, жанры письменного дискурса исполнительной власти, жанры положительного и отрицательного эмоционального воздей-*

ствия, «маяк» в интернет-коммуникации, медиакритические жанры, мемуары, молчание, мотивационное письмо, наклейки на автомобилях, нарративные жанры в устном медицинском дискурсе, научная статья, обвинение в политическом дискурсе, пацанская лирика, письма с фронта, подкастинг, подтрунивание, поисковый запрос, покаяние в советской культуре, поэтическая сказка, принты на футболках, прогноз в печатных СМИ, продающий сторителлинг, разговор по душам, ритуальные жанры политического дискурса, русский анекдот в Интернете, самопрезентация, телепередача, устное новостное сообщение, устный научно-популярный жанр, шантаж, школьное эссе, экспертиза, электронные спам-письма, этикетные жанры, юридическое консультирование, «Contes urbains».

Очень отрадный итог конференции и научного общения на ней – развитие и взаимопроникновение различных жанроведческих идей, где особенно обращает на себя внимание активность жанроведов-литературоведов, а не только лингвистов, их внимание и интерес не только к «своим», но и друг к другу, конечно, к большой пользе для обоих. Такую пользу и для литературоведческого (и с позиций литературы и литературоведения), и лингвистического изучения жанров речи нес доклад **В. В. Прозорова** «О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов», где осмыслилась значимость жанровой теории/модели Аристотеля для изучения жанров устной речевой коммуникации. Валерий Владимирович показал, что явление первичных речевых жанров (фатика, информатика и внутренняя монологическая речь) в своей типологической полноте и определённости подобно явлению жанров литературных – эпоса, драмы и лирики.

Признаюсь: мне потребовалось некоторое напряжение, чтобы изменить привычный для традиционного жанроведа-лингвиста взгляд и увидеть в фатике эпос, информатике – драму, а не наоборот: ведь, казалось бы, эпос – это прежде всего рассказ о событиях, т. е. информация. Но это только аспект речи «о чем» (репрезентативная функция по Бюлеру). Если брать (более важные, как полагал Бахтин) аспекты «кто говорит», «от чьего имени», а также «зачем» и «что имели в виду», тогда «все сходится». Правда, здесь, кажется, несколько выбивается темпоральный аспект: не похоже, что фатика устремлена в прошлое, как эпос, это скорее можно сказать про информатику... В то же время, как справедливо говорит Валерий Владимирович, фатика опирается на прошлый опыт участников общения и пробует вновь и вновь испытать его правомерность и надёжность и с этой точки зрения

она находится в сфере эпического притяжения. В каком-то смысле фатика вся стоит на традициях (а значит – прошлом), начиная от пересудов старушек на скамейке (обсуждение, а скорее, осуждение всех вокруг, особенно молодых) и до салонных высокосветских бесед.

(Статья В. В. Прозорова «О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов» была опубликована в предыдущем номере «Жанров» [8].)

Доклад В. В. Прозорова прозвучал на первом пленарном заседании и вызвал бурную дискуссию в кулуарах, которая продолжалась на протяжении всех трех дней. Участники дискуссии разделились на тех, кто с восторгом поддержал идеи ученого, и тех, кто был категорически не согласен. Читатель, если будет желание, может принять участие в этой дискуссии, и мы с удовольствием предоставим для нее место на страницах нашего журнала

К главному же – **будущему** – относим, повторяем, не только будущие номера журнала, составленные из уже присланных, присылаемых (активно сейчас) материалов докладов, а также тех, которые (верю) будут присланы, но и участие в – ни много ни мало – формировании будущего жанроведения, включая прогнозы на будущие речевые направления исследований, а также планирование будущих конференций по жанрам, конечно, далеко не только в Саратове!

Продолжение следует...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В., Степанова Н. Б. Международная конференция Одиннадцатые Шмелёвские чтения (Москва, 23–25 февраля 2015 г.) по речевым жанрам // *Жанры речи*. 2015. № 1(11). С. 159–162.
2. Салимовский В. А., Яруллин Д. В. О тождестве речевого жанра // *Жанры речи*. 2017. № 2(16). С. 151–159.
3. Панченко Н. Н. Исповедь как жанр доверительного общения // *Жанры речи*. Саратов: ИЦ «Наука», 2011. Вып. 7. Жанр и языковая личность. С. 254–261.
4. Наумова М. М. Откровенность в межличностной коммуникации: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2015. 200 с.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Дементьев В. В. О международной научной конференции «Жанры речи и “Жанры речи”» (размышления главного редактора) // *Жанры речи*. 2018. № 2(18). С. 157–161. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-157-161

5. Дубровская Т. В. Речевые жанры «осуждение» и «обвинение» в русской и английской лингвокультурах. Пенза: Пенз. гос. ун-т, 2014. 272 с.

6. Дементьев В. В. Интернет-анекдоты: некоторые структурные типы // *Жанры речи*. 2017. № 1(15). С. 43–50.

7. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с. (Studia philologica. Series minor).

8. Прозоров В. В. О типологии речевых жанров в свете теории литературных родов // *Жанры речи*. 2017. № 2(16). С. 142–150.

REFERENCES

1. Demytyev V. V., Stepanova N. B. International conference Eleventh Shmelev reading (Moscow, 23–25 February 2015) on speech genres. *Speech Genres*, 2015, no. 1 (11), pp. 159–162 (in Russian).
2. Salimovsky V. A., Yarulkin D. V. On a speech genre identity. *Speech Genres*. 2017, no. 2 (16), pp. 151–159 (in Russian).
3. Panchenko N. N. Ispoved' kak zhanr doveritel'nogo obshcheniya [Confession as a genre confidential dialogue]. *Zhanry rechi* [Speech Genres]. Saratov, ITS “Nauka”, 2011, iss. 7. Genre and linguistic identity, pp. 254–261 (in Russian).
4. Naumova M. M. Otkrovennost' v mezlichnostnoy kommunikatsii [Frankness in interpersonal communication]. Diss. Cand. Sci. (Philol.). Volgograd, 2015. 200 p. (in Russian).
5. Dubrovskaya T. V. Rechevyye zhanry “osuzhdeniye” i “obviniye” v russkoy i angliyskoy lingvokul'turakh [Speech genres “condemnation” and “accusation” in Russian and English linguocultures]. Penza, Penza State University, 2014. 272 p. (in Russian).
6. Demytyev V. V. Internet anecdotes: some structural types. *Speech Genres*, 2017, no. 1 (15), pp. 43–50 (in Russian).
7. Shmeleva E. Ya., Shmelev A. D. *Russkiy anekdot. Tekst i rechevoy zhanr Russkiy anekdot. Tekst i rechevoy zhanr* [Russian anecdote. The Text and Speech Genre]. Moscow, Yazyki slavyanskou kul'tury Publ., 2002. 144 p. (Studia philologica. Series minor) (in Russian).
8. Prozorov V. V. Typology of Speech Genres in Terms of Fiction-writing Modes Theory. *Speech Genres*, 2017, no. 2 (16), pp. 142–150 (in Russian).

Статья поступила в редакцию 4.12.2017

For citation

Demytyev V. V. About the International Conference ‘Speech Genres and “Speech Genres”’ (editor’s reflections). *Speech Genres*, 2018, no. 2(18), pp. 157–161. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-2-18-157-161

Редактор *Е. А. Митенёва*
Корректор *Е. Б. Крылова*
Технический редактор *Т. А. Трубникова*
Оригинал-макет подготовил *И. А. Каргин*

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского».
410012, Саратовская область, Саратов, ул. Астраханская, 83

Подписано в печать 23.05.2018.
Формат 60 × 84/8.
Усл. печ. л. 9.33 (10.0). Тираж 500. Цена свободная. Заказ 77-Т.

Издательство Саратовского университета.
410012, Саратов, Астраханская, 83.
Типография Саратовского университета.
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А.